

Российская Академия Наук
Институт философии

**ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
Выпуск 2**

Москва
2009

УДК 10+320
ББК 66.01+87.6
П 50

Редколлегия:

И.К. Пантин (ответственный редактор), *Б.Г. Капустин*, *А.А. Кара-Мурза*,
И.И. Мюрберг (ученый секретарь), *В.Г. Федотова*, *В.Н. Шевченко*

Рецензенты

доктор филос. наук *Н.С. Автономова*
доктор филос. наук *Б.И. Пружинин*

П 50 **Политико-философский** ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

РОССИЯ СЕГОДНЯ

Н.Б. Ильина

Идея демократии в восприятии российского общества

Современная Россия, несмотря на масштабность изменений в политической системе и экономических отношениях, до сих пор характеризуется многими аналитиками как общество «переходного типа». Эти оценки не в последнюю очередь вызваны «недооформленностью» ее политической системы и, как следствие, периодически возникающей актуализацией проблемы (реальной или мнимой) выбора между демократией и авторитаризмом. Начиная с 1991 г., эта проблема возникала, по меньшей мере, трижды: в 1993, 1996 и в 2000 гг. (в последний раз в момент избрания В.Путина Президентом России).

Особенностью нынешней ситуации является возникновение определенной интеллектуальной «моды» на скептицизм в отношении перспектив российской демократии; его демонстрируют как «транзитологи», выдвигающие в качестве целей развития демократии достижение неких «универсальных стандартов», так и «традиционалисты», говорящие об отторжении российской «почвой» любых западных моделей развития. Однако российскую и зарубежную общественность интересуют не столько академические дискуссии, сколько реальные намерения нынешней российской власти, ее конкретные действия и отношение к ним общественного мнения страны. Последнее представляется важным, поскольку, как показывают данные социологических опросов последних лет, установки массового сознания, пройдя через фазу резких колебаний, ныне в целом стабилизировались и приобрели конфигурацию, практически не

зависящую от перипетий политической и экономической конъюнктуры. А главное – общественное мнение начинает приобретать все большее значение в формировании как «текущей повестки дня», так и «образа будущего». В значительной степени это относится и к рассматриваемым в настоящем материале вопросам.

Как известно, российское общество с энтузиазмом восприняло приход демократии, свободные выборы, новые возможности для личной самореализации. Но демократия, как известно, не только статичный набор неких ценностей и институтов, устанавливаемых раз и навсегда, но и процесс развития, демократизации либо, наоборот, сужения, угасания и деградации общественной жизни. С этой точки зрения определенный интерес представляет вопрос о том, как оценивает общественное мнение те преобразования, которые идут в России в течение последних 10–15 лет и которые принято считать демократическими.

Вопреки расхожему мнению о тотальном разочаровании россиян в демократии вообще и особенно в ее «российском» варианте, исследования показывают, что отношение населения к этой проблеме является сложным и неоднозначным. Прежде всего, никогда не подвергалась сомнению необходимость самого перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. Так, по данным ВЦИОМ, при всем негативизме в отношении ельцинской эпохи, единственным более или менее значимым достижением последних лет россияне считают «демократию и политические свободы».

Аналогичную картину дают данные исследований РНИСиНП. Для 70% опрошенных последнее десятилетие стало единственным в истории России за последние 100 лет периодом, с которым у них ассоциируется понятие «гражданских и политических свобод». Для сравнения: наличие политических и гражданских свобод в дореволюционной России обнаружило лишь 10%, а в Советском Союзе во времена Брежнева – 15% опрошенных.

При этом россияне в первую очередь имеют в виду те элементы демократии, которых не было раньше и которые действительно получили развитие в современной России. Это, прежде всего, выборность органов власти, свобода слова и печати, свобода передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свобода предпринимательства.

Хотя для россиян важность указанных ценностей за последние годы несколько потускнела (практически по всем позициям число тех, кто считает данные элементы демократии важными, сократилось примерно на 10%), тем не менее все они, за исключением многопартийности, остаются актуальными и необходимыми для большинства россиян. Некоторое же снижение значимости указанных ценностей свидетельствует, как это ни парадоксально, об укоренении их в массовом сознании: просто они перестают восприниматься как нечто необычное, экстраординарное.

В то же время – об этом свидетельствуют результаты опросов практически всех социологических центров – россияне не ставят знака равенства между политическими правами и свободами и демократией как таковой. Более того, значительное их число отказывается иметь место преобразованиям в праве называться демократическими.

Знаменательно, что пик разочарований пришелся на середину 90-х гг., когда со всей очевидностью выявились не только истинные намерения отцов реформ, но и их практическая политика. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), при выборе из спектра суждений о месте и роли демократии консенсус (поддержка 60–73% при неприятии 3–9%) был достигнут лишь по трем позициям:

нынешний государственный строй не является демократическим;

демократию России еще только предстоит построить;

демократия в России необходима, но находящиеся у власти демократы ее компрометируют¹.

Эти данные характеризуют ситуацию 1995 г. Однако, как показывают данные РНИСиНП, с тех пор ситуация принципиально так и не изменилась. По-прежнему сохраняется, с одной стороны, установка на необходимость демократии, а с другой – невозможность обнаружить ее в реальной действительности, поскольку, по мнению большинства россиян, за последние годы произошла «приватизация» демократических институтов властью имущими. Соответствующим образом оценивается и роль «простых» граждан в политической жизни страны.

Критический настрой по отношению к российскому варианту демократии связан также с тем, что демократия в понимании подавляющего большинства россиян – это такая организация

общественной жизни, которая способна обеспечить, во-первых, законность и правопорядок; во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан. В частности, при постановке вопроса о значимости демократических прав и свобод «не вообще», а для каждого отдельного человека выявилась следующая иерархия значимых ценностей:

равенство всех перед законом;
гарантия безопасности и защиты личности;
право на труд;
право на образование и обучение;
социальная справедливость при распределении материальных и иных благ;
свобода от любых вмешательств в частную жизнь и т.д.

Иначе говоря, наиболее актуальными оказываются ценности, которые востребованы в повседневной жизни людей, но оказались за последние годы в явном дефиците. Тот факт, что в представлении россиян о демократии значительное место занимает социально-экономическая компонента, трактуется некоторыми аналитиками, в частности В.Лапкиным, как укорененная в сознании людей «смесь ценностей и установок государственного патернализма и так называемой “социалистической демократии”»². Представляется, что это далеко не так. Вряд ли может быть поставлено под сомнение, что для стабильной демократии необходим определенный уровень экономического развития страны и, соответственно, высокий уровень благосостояния граждан. «Патернализм» в данном случае не при чем, также как не при чем ностальгия по социалистической «демократии». Действительно, память о социальных гарантиях имеет место, но при этом существовавший при советской системе политический строй не рассматривается (как уже отмечалось) нашими согражданами как демократический.

Трудно согласиться также с точкой зрения о низком уровне политической культуры россиян, которая якобы не позволяет им понять суть демократии. Причем сторонники этой точки зрения опять-таки связывают низкий уровень этой культуры с «проклятым» наследием коммунистического прошлого, когда «из сознания народа оказалась искорененной сама память о тех зачатках демократических основ функционирования экономики и устройства общества, о соответствующих нормах и традициях поведения и

взаимодействия людей, о роли в общественной жизни права, суда, частной собственности, представительной власти, свободы слова и т.д., которые постепенно начинали внедряться в социальную ткань дореволюционной России»³. Напротив, исследования показывают, что у россиян существует вполне адекватное видение нормативной модели демократии и ее основных черт. Так, при ответе на вопрос «Что есть демократия?» большинство опрошенных апеллируют в первую очередь именно к тем ценностям, которые, по мнению Л.Гордона и Э.Клопова, «выветрились» из сознания россиян за 70 лет советской власти (равенство граждан перед законом, свобода печати, независимое судопроизводство и т.д.). Причем образ демократии, понимание того, что есть демократия, а что нет, сложились еще в доперестроечные времена, а в период перестройки были одним из важнейших социальных факторов поддержки перемен.

Таким образом, дело не в том, правильно ли россияне понимают демократию. Главная проблема заключается в произошедшем разрыве между, с одной стороны, возобладавшем на начальном этапе реформ в общественном сознании неким умозрительным идеалом, а с другой – той непривычной для России моделью жизнеустройства, которая была предложена в действительности и которая укладывается в формулу: «каждый за себя, и один Бог – за всех».

Иначе говоря, общество разочаровалось не столько в самой демократии, сколько в своем политическом выборе, сделанном в начале 90-х гг. Поскольку осуществление социально-политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило карт-бланш Ельцину и его окружению, не оправдало ожиданий россиян, негативное отношение к нему было частично перенесено и на те демократические процедуры и институты, с помощью которых этот проект продвигался и легитимизировался. Понимание же того, что не только государство, но и общество в лице каждого гражданина несет ответственность за то, что происходило в стране, привело к очевидному моральному дискомфорту, который проецируется не только на отношение россиян к ельцинскому режиму, но и на самих себя.

Эффект бумеранга сказался и на отношении россиян к западной модели демократии. Ухудшение дел в России, вызывало все большее недовольство и Западом в целом, и той моделью демокра-

тии, которая была предложена в качестве «образца для подражания». Из десятилетия «ельцинской смуты» треть населения страны вынесла твердое убеждение, что «индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые нам, россиянам, не подходят» и что сильное влияние западных государств препятствует выходу России из кризиса. Более того, почти 80% уверены, что Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни.

В целом можно констатировать, что нормативно-вербальное понимание россиянами демократии практически, в общем и целом, не отличается от общепринятого в мире. Специфика же российской ситуации заключается в том (на нее указывают социологи, занимающиеся сравнительными исследованиями, в частности В.Рукавишников), что, в отличие от интерпретации смысла демократии в западных обществах, где отсутствуют ассоциации демократии с порядком или анархией, а также с состоянием экономики страны, многие россияне именно на них и акцентируют свое внимание.

Но самое главное отличие в том, что, несмотря на все разговоры о кризисе демократии на Западе, подавляющее большинство его населения не подвергает сомнению ни сам факт ее существования, ни ее необходимость. В России же существование демократии до сих пор для многих не является очевидным, в том числе и потому, что ее идеальный образ, сформированный на начальном этапе реформ, разошелся с реальной практикой социальных преобразований.

Одним из важных отличий развитых демократий от демократий «развивающихся» являются уровень и характер включенности граждан в реальный политический процесс.

В российском обществе, как только схлынула «демократическая революция», возобладали устойчивый скептицизм в отношении подавляющего большинства форм и каналов политического участия, за исключением участия в выборах. Причем это коснулось как реальной включенности людей в политический процесс, так и вербальной оценки населением своих возможностей воздействия на власть. Более того, за последние годы этот скептицизм только усилился.

Так, число тех, кто считает, что эффективных способов влияния на власть в России не существует, за последние пять лет увеличилось с 42 до 57%. Единственным инструментом реального по-

литического участия и защиты своих интересов (помимо участия в выборах), значимость которого за последние годы возросла почти в три раза, является обращение в суд. Это свидетельствует о наметившемся формировании представлений населения о суде как о правозащитной организации, а не только как о карательном органе.

В этой связи трудно не согласиться с мнением А.Мельвиля о том, что, по сути дела, «...демократия понимается сегодня населением России не в духе массового политического участия и способности постоянно оказывать воздействие на принятие решений, а как способность регулярно избирать руководителей, которые, в свою очередь, после этого вовсе не обязаны поддаваться давлению своих избирателей»⁴. Данные социологических исследований иллюстрируют сравнительно высокий уровень электоральной активности населения при крайне низком уровне востребованности тех каналов и форм, которые требуют действительно «участия».

Обычно в российской и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, низкий уровень включенности граждан в политический процесс объясняется в первую очередь олигархизацией власти, сужением пространства публичной политики и т.д. Отчасти это так и есть. Как справедливо подчеркивает Г.Дилигенский, «в современном обществе политика является демократической, если ее творцы и действующие лица руководствуются внутренним психологически укорененным “категорическим императивом”, повелевающим им считаться с жизненными интересами, мнениями, устремлениями рядовых граждан, воспринимать эти интересы и мнения как “социальный заказ”, подлежащий выполнению»⁵. Любому непредвзятому наблюдателю, однако, очевидно, что концепция «восприимчивой демократии» не имеет ничего общего с посткоммунистической Россией. Не случайно уже к середине 90-х гг. у большинства россиян (до 80%) выработалось стойкое убеждение в том, что российские власти мало интересуют мнение таких простых людей, как они сами, что людям, правящим страной, безразлична судьба отдельного человека.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что восприимчивым к демократическим ценностям и институтам должно быть и общество. Здесь не может быть улицы с односторонним движением. Причем это восприимчивость особого рода – наличие и всяческое культивирование «демократического мифа»,

то есть вера в способность решать насущные проблемы как страны, так и каждого отдельного человека исключительно посредством демократических процедур, с одной стороны, а с другой – способность формулировать и доносить до власти этот самый «социальный заказ», который ей подлежит выполнять. Не секрет, что и этого в постперестроечной России до последнего времени не наблюдалось. В результате не только власть игнорировала общество, но и общество отвечало власти тем же. После всплеска политической активности в конце 80-х – начале 90-х гг. оно, по сути дела, перешло в глухую «самооборону» по отношению к власти.

Говоря о низком уровне востребованности различных форм политического участия, следует также иметь в виду, во-первых, что в условиях адаптации к новой реальности политическая и общественная деятельность перемещается на периферию жизненных интересов большинства людей. В сегодняшней России явно доминирует ставка человека на себя самого и на ближний круг (семья, товарищи, коллеги по работе). Установки же на взаимную поддержку, солидаризм, готовность к участию в решении общих дел не получают пока среди россиян достаточного распространения.

Во-вторых, рационально-активистская модель не получает в России широкого распространения в том числе и потому, что, как показывает практика, россиянам не свойственна приверженность к постоянной систематической деятельности и при каждом удобном случае они готовы делегировать право представления своих интересов «наверх». Так, высказывая недовольство «элитизацией» политики и, наоборот, соглашаясь с тем, что «все люди должны иметь равные возможности влиять на политику властей», большинство граждан тем не менее не спешит этой возможностью воспользоваться, по-прежнему уповая на «мудрых руководителей».

В-третьих, в России, как и в любом обществе, возможности демократии не могут быть востребованы всеми слоями и группами населения в равной степени. Проблема России заключается в том, что в ней пока не сформировались крупные социальные слои, что называется, кровно заинтересованные в демократическом векторе развития России, а главное – способные использовать имеющиеся возможности для самоорганизации, для отстаивания собственных интересов. Речь прежде всего идет о так называемом «среднем классе».

Отчасти это связано с тем, что процесс социального структурирования общества еще далек от завершения. Разные группы активно перемещаются из одних слоев в другие, и в этом смысле сам средний класс представляет собой некий «перекресток мобильности». Пока же можно вести речь об отчетливо выраженной тенденции роста зависимости между социальным и материальным статусом различных групп населения и степенью их включенности в демократический процесс.

В частности, существует тесная связь между уровнем материальной обеспеченности и тем, насколько важными представляются респондентам те или иные атрибуты демократии. То есть демократия «нравится тем больше, чем больше денег в кошельке», и, соответственно, наоборот. Особенно рельефно это видно на примере отношения к тем возможностям, которые напрямую зависят от уровня материального положения человека: к свободе предпринимательства и свободе выезда за границу.

Если учесть тот факт, что в составе населения современной России высоко и средне обеспеченные слои составляют менее четверти (0,5 и 23%), а основная масса – это люди низкого достатка (57%) и живущие вовсе за чертой бедности (17%), складывается ситуация, при которой, с одной стороны, имеет место отчуждение значительной части населения от политической жизни, а с другой – идет ее «элитизация». Это подтверждается, в том числе, и эмпирически: на фоне сравнительно высокого интереса к политике большинства (в среднем около 70%) россиян о непосредственном участии в политической деятельности заявляют на протяжении последних лет от 1 до 1,5% опрошиваемых россиян. Это и есть примерная численность «политического класса» и его непосредственного окружения (активистов и волонтеров политических партий, работников СМИ, аналитиков, имиджмейкеров и т.п.).

В связи с этим интересны взгляды известного политического мыслителя Йозефа Шумпетера, разработавшего модель «реалистической» или «процедурной» демократии. В противовес «классическим» политическим теориям, он попытался переосмыслить природу публичной жизни, освободить мышление от спекулятивных и произвольных нормативных предпочтений того или иного автора. Он дал объяснение, как в действительности «работает» реальная демократия. Шумпетер представил теорию, по его мнению, значи-

тельно более приближенную к жизни, нежели большинство других существующих теорий демократии. В то же время его подход не означал радикального разрыва с традицией, представленной Бентамом, Марксом или Вебером. Его ставшая «классической» работа «Капитализм, социализм и демократия»,⁶ впервые опубликованная в 1942 г., оказала огромное влияние на все дальнейшее развитие теории демократии после окончания второй мировой войны, в особенности на политическую науку и социологию. Такие известные авторы, как Роберт Даль, Габриэль Алмонд, Джиованни Сартори⁷ и многие другие, сформировали собственные подходы во многом в полемике или через развитие основных гипотез Шумпетера.

Как и труды Вебера, книга Шумпетера также носит преимущественно нормативный характер. Его теория затрагивает ограниченный круг вопросов, связанных с адекватной формой «народного» правления.

Под демократией Шумпетер понимал политический *метод*, или институциональное устройство принятия политических – законодательных и управленческих – решений через облачение определенных индивидов, вследствие успешного выражения ими воли граждан, властью принимать решения по всем вопросам. Демократия находит свое выражение в конкурентной борьбе за мандат на правление между поддерживаемыми партиями политическими лидерами. Таким образом, Шумпетер довольно далеко отходит от представлений о демократии как о равенстве и наилучших условиях для человеческого развития в контексте политического участия. Для него политическое участие граждан сводится к периодическому голосованию и уполномочиванию правительства действовать от их имени. Конечно, демократия может служить многим целям, в том числе достижению социальной справедливости. Однако важно не путать эти цели с самой демократией, считал Шумпетер. Форма принятия решений и их содержание – две разные вещи. Демократия поэтому есть не более чем создание условий для принятия *de facto* легитимных политических решений посредством периодически повторяющихся выборов представителей конкурирующих между собой политических элит.

Как совершенно правильно и неоднократно подчеркивали теоретики либерализма, сущность демократии заключается в способности граждан добиваться периодической смены правительства

и тем самым защищать себя от риска появления неизменной, застывшей власти, принимающей решения уже исключительно в собственных интересах. До тех пор, пока правительство подлежит смене, а электорат обладает выбором между как минимум двумя партийными платформами, угроза тирании находится под контролем. Демократия – это механизм, допускающий регистрацию широкого спектра пожеланий обычных граждан, в то время как фактическую публичную политику осуществляют немногие люди, достаточно опытные и квалифицированные для того, чтобы выполнить эту задачу. С учетом широты спектра предпочтений граждан, а также фрагментарности их требований, механизм призван отобрать лиц, способных принимать решения, по которым возникает согласие большинства, при сохранении разнообразия индивидуальных потребностей. Демократия – единственное средство, способное обеспечить достижение этой цели.

Если же демократия – действительно единственное институциональное устройство, способное генерировать и легитимировать лидерство, то тогда связь с традиционным определением демократии – «власть народа», носит довольно условный характер. Шумпетер подчеркивал, что демократия отнюдь не означает, будто народ управляет страной в самом буквальном смысле слова. Она означает всего лишь, что у народа есть возможность принять или отвергнуть тех людей, которые намереваются им управлять. Тогда в каком-то смысле можно сказать, что демократия – это правление политиков. Именно так, по мнению Шумпетера, и обстоит дело в современных демократических государствах

Если смотреть правде в глаза, то следует признать, что политическая деятельность в наше время превратилась в карьеру. Это в свою очередь означает необходимость признания определенных профессиональных интересов самих политиков как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Это объясняет, почему столь часто политики перестают представлять интересы своего класса или местности, как только их избирают в какой-то представительный орган.

Шумпетер не считал такой подход слишком произвольным или даже циничным. Наоборот, по его мнению, верхом цинизма будет делать вид, что демократия может стать самоуправляющимся сообществом, в основе которого будет лежать исключительно

стремление к общему благу, при понимании, что приоритетом будут пользоваться интересы тех, кто находится во главе этого сообщества. Демократия должна быть интерпретирована как механизм отбора, создающий минимальную контрольную систему за теми, кто окажется во главе власти.

Подобно Веберу, Шумпетер считал довольно опасным понятие «народного суверенитета». Крайне сложным современным миром успешно управлять может только «суверенное государство», в котором роль «суверенного народа» должна быть ограничена целым рядом жестких условий. Это было связано прежде всего с довольно низкой оценкой им интеллектуального и политического потенциала обычных граждан. Строго говоря, портрет обычного гражданина в интерпретации Шумпетера напоминает индивида в «естественном состоянии», как его описывал Гоббс, – образ, весьма далекий от демократии. Шумпетер представил электорат как слабых людей, подверженных эмоциональным импульсам и вспышкам, интеллектуально неспособных принимать самостоятельные решения и открытых для влияния внешних сил. Электорат, разумеется, принимает участие в целом ряде рутинных политических мероприятий, вроде заседаний всевозможных комитетов, слушает радио, читает газеты (сегодня мы бы добавили, смотрит телевизор и блуждает по Интернету), но все эти виды деятельности предполагают минимальное личное участие, низкий уровень энергии и мысли, что означает высокую восприимчивость к алогичным влияниям, равно как и невосприимчивость к рациональным аргументам. Для обычных граждан политика – «воображаемый мир»: важнейшие политические вопросы по существу превращаются для обычного гражданина в форму досуга, часто даже не поднимаясь до уровня хобби, а скорее становятся предметом безответственных разговоров.

Обсуждение публичных проблем как среди необразованных, так и среди образованных людей зачастую отмечено невежеством и отсутствием разумных суждений. Образование, считал Шумпетер, здесь не помощник. Почему? Дело в том, что значительная часть как внутривнутриполитических, так и международных проблем столь далека от жизни обычных граждан, что воспринимается ими как не вполне реальная. В этом отличие мира политического от мира бизнеса, где риски и опасности, связанные с определенными типа-

ми действий, имеют вполне осязаемый, материальный характер. К тому же обычно рядовым гражданам не хватает специальных знаний и точной информации. Из этого вытекают два следствия: во-первых, вклад обычных граждан в политику, как правило, в значительной степени диктуется иррациональными предрассудками и импульсами; во-вторых, «публичный коллективный разум» становится легко уязвимым и манипулируемым политиками, сориентированными на собственные интересы, интересы «дела», а также крайне безответственными идеалистами всех мастей.

По мнению Шумпетера, сравнив политическую философию античной Греции с республиканизмом или либеральной демократией, можно сделать вывод о том, что понимание термина «демократия» прошло полный круг: от узаконенной приверженности демократии как форме политической жизни до такого способа аргументации, которую могли бы привлечь самые ярые противники демократии. Вариант Шумпетера предполагает такую ее трактовку, которая предполагает минимальную форму политического участия граждан, достаточную лишь для того, чтобы легитимировать право конкурирующих политических элит на управление страной.

Шумпетерианская концепция современного индустриального общества во многом была сформулирована под влиянием идей Маркса и Вебера. Как и Маркс, Шумпетер подчеркивал динамичность и подвижность природы промышленно-развитого капитализма. Он также выделял тенденцию к господству все более крупных корпораций в производстве и распределении товаров. Вслед за Марксом он утверждал, что развитие индустриального капитализма в конце концов подорвет сами основания капиталистического общества – в основе его лежат противоречия, которые сам он не в состоянии разрешить. Поэтому западный капитализм неизбежно уступит место новому экономическому порядку, который, вне зависимости от полученного названия, будет какой-то формой социализма.

В то же время, подобно Веберу, Шумпетер считал, что все более широкое применение рационального, калькулирующего подхода к все большему числу сфер жизни имеет самые серьезные последствия для современного общества. Он соглашается с тем, что капитализм явился мощным стимулом «процесса рационализации». Он также принял точку зрения Вебера о том, что рацио-

нализация – необходимая часть сложного мира, нуждающегося в беспристрастном, функциональном упорядочивании. Только «правление экспертов» может направить административный аппарат на выполнение регулирования и контроля. Соответственно, в современных условиях возможна только сильно ограниченная модель демократии. В то же время Шумпетер, в отличие от Вебера, считал, что капитализм в сочетании с демократией внесут собственные ограничения в развитие процесса рационализации. Капитализм сам по себе будет подвергаться эрозии в силу развития «технических» процессов.

С приходом в Кремль В.Путина, а позже Д.Медведева оценки перспектив демократии в России среди российских и зарубежных аналитиков разделились. Значительная часть считает, что эти перспективы не очевидны, и скорее всего страна вступает в этап авторитарного управления.

Так, по мнению Д.Фурмана, разделяемому значительной частью российской интеллигенции, с избрания В.Путина Президентом России в стране фактически установилась и с одобрением принята обществом своеобразная “народная монархия”, с наследованием власти и последующей легитимизацией наследника посредством всенародного одобрения. . . Россия, в очередной раз, позаимствовав западные политические формы, вложила в них свое, глубоко оригинальное содержание. Фактически мы умудрились соединить несоединимое, восстановить традиционную, самодержавно-генсековскую систему безальтернативной власти в условиях свободы политической деятельности и свободы выборов»⁸.

Другие же придерживаются противоположной точки зрения: только сейчас в России появляются настоящие возможности для развития органичной для России модели демократии. Так, Б.Капустин убежден в том, что только при президенте В.Путине открывается перспектива преодоления демагогии «свободы от государства» и перехода к настоящей свободе, обеспечиваемой государством⁹.

Точка зрения, представленная Б.Капустиным, в большей степени отвечает сложившемуся в России в последнее время общественному мнению. В отличие от некоторой части творческой интеллигенции, большинство российских граждан не видят в действиях нового российского руководства никаких реальных устремлений к установлению диктатуры. Скорее, наоборот, проявляется опреде-

ленное недовольство слишком медленными и мягкими шагами по наведению «порядка», что и было основным запросом во время федеральных избирательных кампаний 1998–2000 гг., во многом определившим их результат. С этой точки зрения В.Путин скорее выступает в качества сдерживающего начала, не дающего запросу общества по наведению порядка осуществиться в излишне радикальной форме. Например, в мерах по изъятию несправедливо нажитых состояний, в чем видят необходимость свыше 60% россиян.

Иначе говоря, вопрос о перспективах демократии в России не следует чересчур персонифицировать. Конечно, власть в России значит очень много. Но в то же время массовое сознание, несомненно, уже начинает определять «коридор возможностей» для тех или иных действий властей. И это само по себе свидетельствует о наличии демократии в России, хотя, конечно, при таком положении дел многие установки, стереотипы массового сознания могут кого-то не устраивать. Кстати сказать, запрос на эффективное дееспособное государство отчетливо оформился после августовского (1998 г.) дефолта, то есть почти за полтора года до появления В.Путина на высших государственных постах России.

Сказанное вовсе не означает, что никаких проблем, никаких угроз демократической перспективе в России не существует. В то же время нельзя отождествлять их с теми трудностями, с которыми сталкивается в последнее время часть бизнеса и политической элиты страны.

Говоря о факторах, которые при определенных условиях могут оказать сдерживающее воздействие на процесс демократических реформ, следует иметь в виду, что часть из них действительно связана с действиями и стилем поведения самой власти, другие же коренятся в самом обществе, его установках и стереотипах. А некоторые и вовсе имеют отношение к социокультурным и историческим особенностям России разных этапов ее развития, включая и самый последний. К таким, в частности, относится проблема, которая многим кажется неразрешимой: как соединить идею демократии с идеей государственности, а ее в свою очередь трансформировать в эффективную дееспособную власть.

Как отмечает известный американский политолог С.Холмс в своей статье под характерным названием «Как слабость государства угрожает свободе», «зрелище политической дезорганизации в

посткоммунистической России напоминает о глубокой связи между либерализмом и действенной государственной системой. Представление об автономных личностях, которые могут свободно осуществлять свои права, только бы к ним не приставало государство, опровергается тревожными реальностями новой России... Российское общество можно уподобить сломанным песочным часам: верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими – они их просто игнорируют»¹⁰.

Подобного рода ситуация причудливо преломляется в массовом сознании в виде жесткой дифференциации и даже противопоставлении таких, казалось бы, близких понятий, как «государство» и «власть». Если к понятию «государство» в ходе специального социально-психологического тестирования положительное отношение высказали 92% опрошенных россиян (и лишь 8% – отрицательное), то понятие «власть» вызывает положительные эмоции вдвое реже – лишь у 44% респондентов (а отрицательные – у 56%).

Понятно, что в основе этого феномена лежит определенная историческая традиция, когда общественное мнение, рассматривая «государство» как высшее благо и как высшую инстанцию в реализации не только частных, но прежде всего общественных интересов, в то же время крайне негативно относится к власти, воплощаемой отдельным ее институтом и представителем. Так было в России всегда, однако в годы ельцинского правления эта проблема обострилась как никогда раньше. Справедливости ради необходимо отметить, что за время пребывания В.Путина на высших государственных постах ситуация значительно улучшилась, следствием чего является рост уровня доверия со стороны населения не только президенту, но и федеральному правительству. В то же время не все составляющие так называемого «проекта В.Путина» вызывают поддержку и одобрение. Наибольшую настороженность вызывает так называемый «социальный контракт», разработанный группой Г.Грефа. Как показывают исследования, многие содержащиеся в нем предложения (в том виде как они доходят до населения), в частности, переход к преимущественно платной системе в здравоохранении и образовании, полной оплате населением коммунальных и ряда других услуг вызывают у россиян настороженность и отторжение. Но главное – россияне не разделяют точку зрения, содержащуюся в послании Президента Федеральному Со-

бранию об избыточности «социального бремени», которое несет российское государство. В реальной жизни наши сограждане видят, что за последние десять лет внимание государства к социальным проблемам значительно ослабло, к тому же само это бремя распределяется далеко не равномерно. Между тем государство, как уже отмечалось, которое не ориентировано на «общее благо», во-первых, не признается россиянами в качестве демократического и, во-вторых, может вообще не восприниматься в качестве государства как такового.

Еще один парадокс: стремление жить в сильном государстве и требования наведения порядка в стране сочетаются у значительного числа россиян с нежеланием жить по уже существующим законам, аккуратно платить налоги, не говоря уже о попустительстве откровенно противоправным действиям, таким как, например, дача и получение взяток.

Представители различных школ по-разному объясняют такого рода парадокс. Так, «транзитологи» доказывают, что политическая культура России носит переходный характер и уже поэтому не является культурой граждан, представляя собой культуру «приходскую», «подчиненную», где о высоком уровне гражданственности и морали просто не приходится говорить¹¹. «Традиционалисты», в частности, известный философ В.Федотова, обвиняют не граждан, а ельцинскую власть, которая осуществила «негативную мобилизацию», предложив людям самим решать свои проблемы, не полагаясь на государство, обменяв предоставленное массам право на анархию на их лояльность режиму¹².

Наверное, и в той, и в другой точке зрения есть «своя правда». Фактом, однако, является наличие глубокого морального кризиса, в том числе и кризиса гражданственности, что, несомненно, препятствует утверждению и развитию демократических ценностей и институтов.

Еще одна опасная тенденция – рост патерналистских и конформистских настроений, которые начинают получать довольно широкое распространение и выражаются примерно в следующей формуле: «Мы Путина избрали, мы ему доверяем, и пускай он несет ответственность за все, что происходит в стране». Так, на вопрос о том, кто в российском обществе является «мотором общественных преобразований», были получены весьма красноречивые результаты:

- 45,4 – Президент РФ В.В.Путин*
35,3 – Российский народ в целом
23,4 – Та часть населения, которая научилась жить в условиях рынка
13,8 – Предприниматели
12,3 – Ученые, работники образования
11,9 – Средства массовой информации
10,7 – Средний класс
9,4 – Правительство РФ
6,8 – Российская армия
6,7 – Творческая интеллигенция
3,1 – Политические партии
1,8 – Федеральное собрание (Парламент).

Как явствует из выше приведенных данных, проблема с субъективностью общественных преобразований стоит весьма остро. Практически не осталось, как показывают исследования, общепризнанных моральных и нравственных авторитетов, может быть, за исключением Патриарха Алексия II и в меньшей степени А.Солженицына. Иначе говоря, власти просто не с кем вести диалог.

Ситуация усугубляется тем, что начинает отчетливо проявляться тенденция переносить негативное отношение к ельцинским элитам и кланово-олигархической системе власти, с которой борется В.Путин, на всех, кто так или иначе оппонирует новому Президенту, критикует его. Это приводит к серьезным изменениям в отношении населения к роли и месту оппозиции в российской политике. Если еще два года назад 80% граждан считали оппозицию абсолютно необходимым условием для исключения возможности узурпации власти, то сейчас 55% говорят о том, что основная задача оппозиции не критиковать власть, а помогать ей. Лишь 43% по-прежнему видят основную задачу оппозиции в критике власти и считают, что ее деятельность никак не может быть ограничена, даже во имя «общественного согласия». При этом предполагается, что если это не так, то власть в принципе имеет право жестко с оппозицией бороться. В целом в общественном мнении идея оппозиции дискредитирована. В результате уровень рациональности в восприятии политических процессов снижается.

Однако результатом здесь становится не исчезновение оппозиции, а ее превращение во внешний субъект по отношению к политической системе, легитимизируемой уже не национальным общественным мнением и партийно-политической системой, но мировым сообществом. В частности, в прошедшем году давление на Россию по разным поводам было как никогда сильным.

Особо значимым для современной России является вариант теории плебисцитарной демократии, разработанный видным немецким социологом М.Вебером. На первый взгляд она представляется высшим воплощением народовластия, а на самом деле даёт политической элите чрезвычайно широкие возможности манипулирования волеизъявлением народа. Как считает исследователь О.Смолин, перефразировав известную формулу К.Маркса, «происходит манипулирование народом посредством самого народа»¹³.

Все эти обстоятельства заставляют многих аналитиков как в России, так и за рубежом «бить тревогу» по поводу перспектив развития демократии в России. Представляется, однако, что прогнозы о свертывании демократии «по просьбам» широких трудящихся масс не имеют под собой серьезных оснований. И дело здесь не только в том, что россияне в большинстве своем вовсе не собираются отказываться от таких прав и свобод, как свобода слова, передвижения, выборности органов власти, права на личную инициативу и т.д. Главное заключается в том, что они при всем критическом отношении к сложившимся в России демократическим институтам отчетливо понимают, что эти институты при всем своем несовершенстве представляют собой своеобразную «страховочную сетку» от узурпации всей полноты власти бюрократией. В целом же альтернатива «демократия – авторитаризм» во многом представляется надуманной. Как показывают данные исследований, россияне выступают категорически против любой «чрезвычайщины». Хотя, конечно, не видеть определенной демобилизации общественного мнения также было бы неправильно.

Что же касается перспектив развития демократии в России в XXI в., то здесь исследования выявили весьма любопытную картину. С одной стороны, эти оценки можно охарактеризовать как *«благожелательный скептицизм»*. Тот факт, что число верящих в окончательное утверждение в России принципов демократии и правового государства более чем в 1,5 раза превосходит число

тех, кто считает, что в стране установится авторитарный режим, является, безусловно, позитивным. С другой стороны, отвечая на вопрос: «Что в наибольшей степени способствовало бы развитию России в XXI в.?», – 54% отметили прогресс отечественной науки и техники, 48% – наведение и укрепление порядка в стране, 35% – развитие образования и лишь 10% указали развитие подлинной демократии. Иначе говоря, демократические ценности и институты, по мнению подавляющего большинства россиян, имеют смысл только тогда, когда они включены в общий контекст вывода России из кризиса и работают на «общее благо».

Примечания

- ¹ Лапкин В. Демократические институты и общественное мнение в постсоветской России // Куда идёт Россия? Материалы Междунар. симпоз. 15–16 янв. 1999 г. Под ред. Т.И.Заславской. М., 1999. С. 162.
- ² Там же. С. 164.
- ³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Социс. 1998. № 1.
- ⁴ Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая / Моск. Центр Карнеги; под общ. ред. Л.Шевцовой. М., 1998. С. 169.
- ⁵ Дилгенский Г.Г. Политическое развитие России и переходный период // Политические процессы в России: современные тенденции и исторический контекст. Сер. политология. Вып. 10. М., 1995. С. 21.
- ⁶ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- ⁷ Dahl, Robert. A preface to Democratic Theory. Chicago, 1956; Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton Univ. Press, 1963; Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, 1987.
- ⁸ Фурман Д. Новые сосуды наполнило старое вино. В России завершилось становление «народной монархии» // Общая газ. № 45, 9–15.11.2000.
- ⁹ Капустин Б. Диктаторский либерализм или диктатура закона // Известия. 20.11.2000.
- ¹⁰ Фурман Д. Новые сосуды наполнило старое вино. В России завершилось становление «народной монархии». С. 140.
- ¹¹ Рукавишников В.В., Залман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 189.
- ¹² Федотова В. Диктаторский либерализм или диктатура закона // Известия. 20.11.2000.
- ¹³ Смолин О.Н. Политический процесс в современной России. М., 2004. С. 195.

В.Н. Шевченко

Противоречия в современном российском обществе в контексте уроков российской революции 1917 г.

Актуальность изучения сегодня уроков российской революции 1917 г. и прежде всего Октябрьской революции заключается в том, что ситуация в современном мире и в постсоветской России удивительно напоминает ту, которая была в мире в первые десятилетия XX в. В воздухе вновь пахнет порохом, весь мир вступил в полосу стратегической нестабильности и грядущих социальных потрясений.

Известный американский экономист И.Валлерстайн пишет о нарастании хаоса и обострении всех противоречий в современном мире. «Мы живем в эпоху перехода от нынешней микросистемы, капиталистической мировой экономики, к другой микросистеме или микросистемам. Мы не знаем, будет она лучше или хуже. ... Она будет эпохой конфликтов и усиления беспорядков и тем, что многие будут считать крахом моральных систем»¹.

«Напряженность в мире нарастает по мере того, – пишет А.С.Панарин, – как происходит все более откровенная социальная поляризация мира и открываются две противоположные перспективы: одна для избранных, предназначенных для вхождения в новое информационное общество, другая, противоположная, – для отверженного большинства мира»².

А.Салмин отмечал еще в 2001 г., что «не случайно многие новейшие рассуждения о мировом порядке XXI в. выглядят почти как цитаты из сочинений экономистов и социологов девяностолетней давности»³.

Что касается имперской России, то она сосредоточила в те времена, как в фокусе, все противоречия тогдашнего мира, являлась наиболее слабым местом мировой капиталистической системы. Впрочем, современная отечественная мысль старается не пользоваться категорией противоречия, ее больше привлекают такие понятия, как вызовы и угрозы, конфликты и ресурсы и т.д., которым, кажется, намеренно придается предельно конкретное содержание.

Изучение противоречий предполагает многоплановость, признание объективных закономерностей, глубокий историзм. Так вот, имперской России были объективно присущи все типичные противоречия мира: между трудом и капиталом, между развивающимся капитализмом и средневековыми порядками и традициями, между высокоразвитыми промышленными районами и отсталыми окраинами, рост национально освободительных движений. Кстати, такой была практически общепринятая точка зрения в советском обществоведении. Можно спорить об интерпретации этих противоречий, их взаимодействии между собой, но невозможно, на мой взгляд, и сегодня отрицать их наличие.

Интересно, что многие авторы также пишут о современной России как о новом перекрестке, на котором встретились те главные противоречия, которые охватили ныне весь современный мир. Говоря о ситуации в стране, В.Д.Соловей ссылается на слова В.И.Ленина о России как о слабом звене мировой капиталистической системы. «Эта слабость вызвана одновременной концентрацией неразрешенных противоречий старой, социалистической эпохи и выявлением противоречий новой, капиталистической эпохи. ...Старые механизмы стабильности разрушены – социальные и культурно-идеологические, а новые не созданы»⁴. По замечанию А.А.Малиновского, «крупнейшая страна мира Россия... стала средоточием основных негативных процессов глобализации мировой экономики»⁵. Ниже мы еще остановимся на подробном анализе этой ситуации.

В логике всемирной истории начала XX в. **российская революция 1917 г.** явилась способом разрешения противоречий России и создала условия для решения противоречий всего остального мира. Системный кризис в обществе привел к выбору революционного пути перехода страны на новый уровень исторического развития. Он сопровождался полным разрушением, до самого основания,

практически всех институтов монархической власти, что произошло после Февральской революции, а затем собиранием государства на принципиально новой, советской основе.

Каждая революция имеет свою жесткую логику. Можно даже сказать, что развивающаяся по восходящей линии революция больше управляет людьми, чем люди ее направленностью. Революция завершается тогда, когда происходит «отверждение» новых политических, государственных, экономических, идеологических форм жизни, выбор национального пути развития. И тогда возникает конфликт внутри революционных сил между теми, кто уверен, что революция все еще на подъеме, и теми, кто считает, что революционный период переустройства общества закончен или заканчивается, а выбор национального пути по сути сделан.

Теперь в новой логике развития истории XXI в. Россия так же должна решать свои противоречия, как это было 100 лет назад. Приходится с сожалением констатировать, что мы живем в стране невывученных уроков. Власть своими действиями вольно или невольно способствуют нарастанию объективных противоречий в стране, росту социальной протестной энергии, тем самым приближает революционную ситуацию, а не удаляет страну от нее. Важно сегодня знать тогдашнюю ситуацию в стране и в мире, знать и понимать, что привело к революции 1917 г., и потому отчетливо видеть, на каких путях возможно сегодня противодействие росту социальных конфликтов, а какие пути так или иначе ведут к ним. Любой здравомыслящий человек, тем более ученый, независимо от его идейных позиций, исповедует один важнейший принцип: как сочетать реформирование общества и контроль над ходом протекания социальных процессов. Чем радикальнее реформы, тем острее потребность в таком контроле. Разумеется, конкретный политический анализ ситуации в стране полезен и необходим. Но изучение политического ландшафта явно недостаточно для решения проблем, проистекающих из всей суммы одних, сложившихся и других, еще только складывающихся противоречий.

В лавинообразном потоке современной литературы по российской проблематике большое внимание уделяется влиянию внешнего фактора на ход истории России. Но в основном речь идет о внешнеполитических факторах, в том числе и военных. В последнее время стало очевидно решающее влияние на ситуацию в стра-

не состояния финансовых, экономических, торговых отношений с зарубежными государствами, с транснациональными корпорациями, международных отношений в целом.

В теоретическом изучении особенностей влияния внешнеэкономического фактора на развитие России имеется целый ряд мало исследованных проблем, решение которых поможет сделать грамотное сравнение ситуации начала XXI в. с ситуацией первых десятилетий XX в., а также определить границы правомерности такой аналогии.

Внешнеэкономические факторы не только влияли, но и в значительной степени определяли на протяжении последних пяти столетий траекторию, исторический путь развития страны. В результате Россия приобрела устойчиво циклический характер экономического и политического развития: от распада и нового собирания своих земель до взлета и расцвета, после чего наступали стагнация, застой, кризис и вновь социальный взрыв. Российскому государству не один раз в своей истории приходилось переживать смутные времена, в частности управленческие катастрофы, дважды приводившие только на протяжении XX в. к гибели государства. Причиной этих катастроф были не просто неверные действия первых лиц государства, правящей элиты, но отсутствие у них понимания всей глубины кризисной ситуации. Необходимость выживания и дальнейшего развития страны в условиях мощного воздействия на неё внешних факторов неоднократно приводила к перерождению многих возникавших в обществе новых явлений и процессов. Эта особенность истории российского общества остается наименее изученной в социальных науках.

Отечественный историк В.П.Булдаков прав, когда говорит, что «сегодня разделение российской истории на национальную и внешнюю – очевидный анахронизм»⁶, в том смысле, что в рождении и развитии всех внутренних противоречий России самое непосредственное участие принимают внешние факторы. Чем дальше развивалась история, тем это воздействие становилось все более масштабным и действенным. Именно по причине глубинных многомерных зависимостей развития страны от внешних факторов и внезапного наступления, на первый взгляд, открытого кризиса в стране правящие круги могли и не увидеть реальных пу-

тей для разрешения острейших внутренних проблем. Так было в царской России, в советские времена, сходная ситуация наблюдается в стране и в настоящее время.

В классической марксистской мысли был сформулирован ряд важных идей для понимания особенностей воздействия внешнеэкономических факторов на развитие той или иной конкретной страны. К.Маркс впервые рассмотрел капитализм с двойкой точки зрения: и как общественный способ производства материальных благ, и как мировую экономическую систему. В центре внимания К.Маркса находились противоречия в капиталистическом способе производства в странах Западной Европы – между производительными силами и производственными отношениями, между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением продукта трудовой деятельности рабочего класса и т.д. К.Маркс указал в «Капитале» на противоречие между трудом и капиталом как на экономическую основу неизбежной социальной (коммунистической) революции в Европе⁷.

Впоследствии Р.Гильфердинг, К.Каутский, В.И.Ленин, другие авторы создали работы по анализу империализма как новой, высшей стадии развития капитализма. Особенно для Ленина был важен показ раздвоенности капиталистической системы на стадии империализма на «метрополию, центр» и «периферию», а также характер связи между ними.

В начале XX в. Р.Люксембург написала работу «Накопление капитала», в которой она подвергла критике ряд положений, сформулированных К.Марксом в «Капитале». В этой работе Р.Люксембург показала действие закона накопления, концентрации и централизации капитала, при котором «капиталистическое накопление как общественный процесс, с первого до последнего дня, развивается в среде различных докапиталистических формаций, в постоянной политической борьбе и непрерывном экономическом взаимодействии». По этой причине, как считает Р.Люксембург, «здесь именно духу теории Маркса будет вполне соответствовать отказ от предпосылок I тома «Капитала». Сам Маркс только поставил вопрос о накоплении совокупного капитала, но не ответил на него»⁸.

Упомянутый ранее И.Валлерстайн в 70–80 гг. XX в. внес большой вклад в разработку основных принципов мир-системного анализа, который получил широкое признание в мире.

И.Валлерстайн показал, что в рамках капиталистической мирозкономики, во-первых, складывается разделение на ядро или центр, полупериферию и периферию. Он также показал, что причиной этого разделения выступает мировое общественное разделение труда между ними. Оно позволяет центру системы извлекать прибавочный продукт на основе неэквивалентного обмена, а также создавать рынки для распространения продукции своего технологически более развитого производства. При этом финансовые потоки имеют преимущественное направление от периферии и полупериферии к центру. В концепции И.Валлерстайна много спорных положений. Обращает на себя одно критическое замечание в адрес этого ученого. В своем предисловии к его работе «Анализ мировых систем» Б.Кагарлицкий ставит вопрос, насколько «капиталистической» является капиталистическая мирозэкономика И.Валлерстайна. С точки зрения последнего, которого интересовали преимущественно мировые экономические отношения, если система в целом является капиталистической, то и все включенное в нее, по Валлерстайну, тоже есть капитализм. Однако в этой системе содержатся многочисленные структуры и элементы, фактически унаследованные от прошлого и живущие по иной логике. Природа этих некапиталистических структур и отношений, пишет Б.Кагарлицкий, не стала предметом конкретного анализа у И.Валлерстайна⁹.

Концепция капиталистической мирозкономики оказала большое влияние на изучение современных экономических процессов в мире, в частности, на понимание особенностей развития периферийных и полупериферийных стран, находящихся и ныне в капиталистической мирозэкономике прежде всего с точки зрения действия закона накопления, концентрации и централизации капитала.

Что касается России, то ранее, в советские времена, по идеологическим соображениям не признавалась особая значимость и особые последствия экономической зависимости страны от центра капиталистической мировой системы. Такой позиции придерживался и автор настоящей статьи, который вместе с известным историком К.Н.Тарновским писал в 80-е г.: «Имевшая место определенная зависимость России от западноевропейских держав вследствие притока иностранных капиталов не была сопряжена с зависимым типом капиталистического развития, тогда как колониальные и

полуколониальные страны Востока находились в мировой капиталистической системе на положении сырьевого придатка, и важнейшие сдвиги в экономической и социальной сферах этих стран были обусловлены прежде всего нуждами развития метрополий»¹⁰. Сегодня эта позиция подлежит пересмотру. Есть достаточно оснований утверждать, что имперская Россия тем дальше, тем больше развивалась именно в рамках модели зависимого типа развития.

Россия на протяжении нескольких столетий стремилась стать капиталистической страной по западному образцу, но так и не смогла этого сделать вплоть до 1917 г. Некоторые либеральные авторы сегодня утверждают, что здесь помешал приход к власти большевиков. Обращение к анализу развития России как периферийной империи (полупериферии) приводит совсем к другому выводу. Нужно более пристально взглянуть на действие трех факторов. Во-первых, экономика страны по мере развития все в большей степени ориентировалась на внешний рынок, зависела от него, поскольку она была помещена на строго определенное место в мировом капиталистическом разделении труда. Во-вторых, в течение всего времени развития западного капитализма действовал и продолжает действовать в настоящее время закон накопления, концентрации и централизации финансового капитала в центре современной мировой системы, которая и есть капиталистическая мировая экономика. И, в-третьих, всякий раз предпринимаемая Россией очередная попытка догнать ушедшие вперед западные страны приводила к появлению нового варианта или витка зависимости. Отсталость и зависимость – это разные проблемы исторического развития страны.

Европейским странам, как центру капиталистической мировой системы, по мере индустриального развития требуются все в больших количествах товары сельского хозяйства, природное сырье, полуфабрикаты и т.д., на продажу которых и начинает ориентироваться отечественная правящая элита и торговый капитал. Здесь и находится самый общий ответ на вопрос о причинах социального, культурного и идейного раскола в российском обществе, который сопровождает его историю на протяжении последних столетий, начиная, по крайней мере, со второй половины XVII в.

Суть раскола заключается в том, что государственная элита, бюрократия вместе с торговым, посредническим капиталом заняты обслуживанием прежде всего запросов внешнего рынка. От

удовлетворения потребностей стран центра зависит их благополучие, их «европеизация». Чтобы получать хорошие валютные доходы, быть конкурентоспособными, отечественные производители, которые работают на внешний рынок, идут на максимальное понижение издержек производства. Это препятствует развитию внутреннего рынка, горизонтальных структур в обществе, развитию социальной сферы жизни, возникновению потребности в структурных политических реформах. Западная Европа как тогдашний центр системы вкладывает периодически в российскую экономику значительные инвестиции, но, как правило, только для производства необходимых ей товаров.

Основная часть населения остается глубоко укорененной в традиционные структуры и в традиционную жизнь. Иначе говоря, раскол можно объяснить через закономерности развития периферийного капитализма в России. Раскол – неустранимое явление в жизни страны, и встает вопрос, как возможно эффективно управлять расколотым российским обществом на протяжении столетий, а тем более сегодня, в XXI в., когда российское общество по-прежнему остается в значительной мере таковым.

Характерный для России устойчивый идейный и социальный раскол многократно описан и исследован с фактической стороны. Хорошо известны слова отечественного философа Г.Федотова о том, что «Петру удалось на века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества). ...Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной¹¹.

В истории российской экономической и политической элит зримо просматривается постоянное соперничество двух основных группировок, имевших различные стратегические линии поведения. Цели наиболее мощной части политической элиты и торгового капитала заключались в том, чтобы устранить рыночных конкурентов по торговле с Западом зерном, различным сырьем с помощью политических союзов или военных действий, получить хорошую прибыль, одним словом, занять выгодные позиции в международном разделении труда. Эта часть элиты не испытывала и сегодня не испытывает особой озабоченности от периферийного положения страны.

Другая часть экономической и политической элит пытается сделать ставку на национальный промышленный капитал, стремится, не всегда осознанно, сократить размеры экономической отсталости страны. Она многие годы и десятилетия тешит себя иллюзией, что страна может сделать энергичный рывок, если ей не помешают, и войти в группу стран центра капиталистической мировой системы, пусть и на положении отстающей страны.

Ответ на вопрос о том, можно ли было осуществить это вхождение в дореволюционную эпоху, скорее всего, должен быть отрицательным. Имперская Россия не просто отставала от центра. Она не смогла стать частью центра прежде всего потому, что центр всячески содействовал ее пребыванию в мировой системе именно в качестве периферии и делал все возможное, чтобы не допустить преобладания тенденций на самостоятельное экономическое, промышленное развитие страны, другими словами, промышленного капитала над торговым.

В условиях периферийного капитализма только часть общественного хозяйства, включенная во внешний рынок, приобретает капиталистические черты, но доминирующим в экономике и в обществе выступает торгово-посреднический капитал. Ориентированная на западные ценности правящая элита, государственная бюрократия начинают перенимать черты западного образа жизни, на что тратятся огромные деньги. Чем дальше развивается страна, тем больше долгов оказывается у страны. Начиная с правления Екатерины II, власть все больше живет в долг. Екатерина взяла в общей сложности 20 займов на сумму 75 млн гульденов. Долг неоднократно реструктурировался и был окончательно погашен только в 1891 г. Европеизированная государственная бюрократия, правящая элита становятся внешним парадным фасадом государства, за которым скрываются огромные пласты архаики и традиционализма. Принципиальную значимость для судеб страны играет факт выборочной модернизации и, следовательно, выборочной европеизации страны. Примерно до середины XIX в. имперская Россия свое экономическое отставание уравнивала на европейской арене военно-политической мощью и дипломатическими победами.

С 70–80-х гг. XIX в. в Западной Европе начинается становление индустриального капитализма как империализма. С этого времени самодержавная власть перестает справляться с грузом на-

висших над ней проблем. Передовые европейские идеи, в первую очередь либерализм и социализм, постепенно разлагают традиционные духовные, ценностные основания империи.

Вопреки распространенным взглядам, которые и сегодня разделяются людьми самых различных политических ориентаций, пореформенная Россия вовсе не двигалась быстро и успешно по капиталистическому пути. К 1917 г. в ней не сложился и не мог сложиться в общем сколько-нибудь целостный капиталистический способ производства, капитализм как общественно-экономическая формация. Страна являла собой пример крайне неорганичного, «разорванного» типа развития, когда по мере ее продвижения вперед росла несвязанность, обособленность, разрыв в уровнях развития различных социально-экономических укладов.

Главное внутреннее противоречие, лежавшее в основе всех революционных потрясений в стране первых десятилетий прошлого века, состояло в том, что самому отсталому землевладению, самой архаичной деревне противостоял передовой по европейским меркам промышленный и финансовый капитал. В этом обстоятельстве и заключается ловушка всех стран периферийного капитализма, когда в стране объективно складывается ситуация «наложения исторических эпох» и свойственных им противоречий. Становящийся капитализм имеет непреодолимое препятствие для своего развития в виде мощной самодержавной власти, многочисленных пережитков. Противоречия, принадлежащие к разным историческим эпохам, способствуют взаимному их «разогреву», досрочному предельному обострению. Это есть общеисторическая закономерность, однако наложение противоречий может иметь различные формы своего разрешения, что важно для понимания сходства и различий в ситуации прошлого века и нынешней ситуации.

Обострению клубка внутренних противоречий и способствовал особый тип развития отечественного капитализма как уклада. В течение всей второй половины XIX в. нарастает зависимость российской экономики от иностранного капитала, значительная часть передовых отраслей промышленности принадлежат французскому, немецкому, бельгийскому капиталу. Из 40 акционерных банков собственно русскими были два. Привлечение иностранного капитала в форме займов и инвестиций лежало в основе финансовой политики министра финансов Витте. Количество иностранных

компаний росло в России невиданными темпами, несмотря на серьезную оппозицию его политике на всех уровнях, включая лиц царского двора. В конце века иностранный капитал превратился в мощное средство выкачивания внутренних накоплений. К началу первой мировой войны Россия имела государственный долг – свыше 9 млрд. рублей, из них половина – это внешний долг, который в два раза превышал все иностранные капиталовложения в экономику¹². Правящая элита во времена Николая II залезает в огромные долги, что приводит к невыгодной для страны смене союзников. Вместо Германии Россия начинает дружить с Францией и Англией, что считается выдающимся политическим успехом англо-французской дипломатии, которой вскоре удалось столкнуть Россию и Германию, вывести их из числа своих опасных конкурентов.

Если промышленный капитализм все же развивался темпами, сопоставимыми с темпами европейского капитализма, то российская деревня по мере его развития становилась все более бедной и разоренной.

Нельзя назвать успешными и реформы Столыпина, к тому же они вызывали сильное противодействие со стороны многих влиятельных лиц царской семьи и правящей элиты. Доминирующей тенденцией в деревне выступала пауперизация крестьян в массовых масштабах. Капитализм делал из значительной части крестьян босяков. Босячество – это образ жизни миллионов людей в дореволюционной России, которые представляли собой огромную социальную силу, увы, разрушительную, анархическую, но малосозидательную.

Поэтому в стране с каждым шагом вперед по пути капитализма уровень социальной напряженности не снижался, а постоянно возрастал. Неумолимый ход событий толкал страну к одной из самых мощных социальных революций – «катастроф», когда-либо имевших место на мировой исторической арене.

Многочисленные попытки с этой стороны защитить российскую империю приводят в конце XIX в. к попытке разыграть «русскую карту». П.А.Столыпин неоднократно подчеркивал особую роль русского народа в строительстве империи. «Мы ответим за то, что пали духом, что мы впали в бездействие, что мы впали в какую-то старческую беспомощность. Что мы утратили веру в русский народ. В его жизненные силы.»¹³.

Но ставка правящей элиты на русский национализм, на провозглашение шовинистических настроений не помогла спасти империю. После февраля 1917 г. начинается распад российского государства. Центральной власти никто добровольно не желает подчиняться. О процессе распада в отечественной литературе пишут крайне неохотно, хотя его масштабы накануне Октября 1917 г. были огромны. В частности, А.Ахиезер показал на конкретном материале тотальную дезинтеграцию общества, когда «отдельные части страны, вплоть до уездов, объявляли себя независимыми республиками»¹⁴.

Важно подчеркнуть, что по мере распада государства, всей социальной ткани общества идет радикализация позиций большевиков, но не наоборот. Не нужно путать причину со следствием. А.Л.Янов, бывший диссидент и убежденный либерал-западник, говорит, что «в 1916 г. еще не поздно было подумать о стратегии, способной перехватить инициативу у большевиков, дабы новое либеральное правительство смогло выжить на обломках самодержавия. ... Только предложить такую стратегию оказалось некому. ...В таких условиях они были, можно сказать, обречены победить». Теперь он готов предложить целую стратегию для того времени, чтобы «навсегда с ними покончить»¹⁵. Как говорят в таком случае, бог в помощь, кто мешал это сделать либералам: взять да противопоставить что-то разумное, по мнению А.Янова, четкой и понятной для огромных масс народа большевистской программе радикального переустройства России.

Уникальная историческая ситуация, которая складывалась в 1917 г., открыла перед страной на краткий миг возможность иной траектории развития. Октябрьская революция перевела эту возможность в практическую плоскость.

По мере нарастания противоречий в европейских странах развитого капитализма начинается рост интереса к идеям социализма. В первые десятилетия XX в., да и впоследствии о социализме говорила вся Европа. Известный теоретик либерализма Ф.Хайек в работе «Дорога к рабству» сокрушается о том, что «к концу XIX в. доверие к основным принципам либерализма стало стремительно падать. ... Все более широкое распространение получала точка зрения, что дальнейшее развитие невозможно на том же фундаменте, что общество требует коренной реконструкции. ... Социализм вы-

теснил либерализм и стал доктриной, которой придерживаются сегодня большинство прогрессивных деятелей»¹⁶. Либерализм стал выглядеть как отвергнутый и заброшенный путь. По разным причинам политические партии и деятели отказывались от идеологии либерализма. Как отмечает историк Э.Хобсбаум, тогда «казалось очевидным, что прежний мир обречен. Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорят китайцы, “утратили благословение небес”. Человечеству нужна была альтернатива. К 1914 г. она уже существовала. Социалистические партии олицетворяли эту инициативу. ... Социализм прочно утвердился в европейском сознании как великий освободительный идеал»¹⁷.

В последнее время предпринимается немало попыток объявить идеи социализма виноватыми в том, что либерализм не нашел общего языка с имперским мышлением в дореволюционной России. Но социалистическая идея потому и победила в стране, что российская имперская идентичность и западный конституционный либерализм были тогда на политическом поле полнейшими антитепами.

Вкратце можно сделать следующие выводы из революционно-го разрешения ситуации столетней давности.

1. Российская империя попала в исторический тупик, сложившийся в ходе движения России по капиталистическому пути. Тупик был объективно обусловлен периферийным положением российской империи в капиталистической мироэкономике. В сложившемся тогда мировом разделении общественного труда Россия становилась во все большей мере поставщиком природного сырья, зерна, других сельскохозяйственных продуктов, в получении которых были заинтересованы страны центра капиталистической системы.

2. Конфликтное обострение всех противоречий в российском обществе стало результатом полной неспособности правящей элиты понять ситуацию и принять адекватные меры. Это привело к предельно острому формам протекания революции.

3. Октябрьская революция вывела страну из исторического тупика. Она радикально изменила положение страны на мировой арене, характер воздействия внешних факторов на развитие России, на решение задач по модернизации хозяйства. Советская Россия перестает быть периферией капиталистической мироэкономики,

прекращает свое движение по логике зависимого типа развития, становится независимой в финансовом отношении страной, из нее перестают уходить капиталы в Западную Европу.

4. Обретение страной нового, социалистического вектора развития было закономерным явлением, порожденным ходом развития как европейского, так и российского общества, всем ходом всемирной истории.

5. Октябрьская революция, которая произошла на периферии, а не в центре капиталистической микроэкономики, видоизменила порядок очередности преобразований в стране. Социалистический вектор развития в своем развертывании в советском обществе приобрел динамику, обратную динамике социалистических движений в развитых странах Европы. Движение от социализма к демократии было порождено экономической, политической, культурной отсталостью советской России. Оно вызвало необходимость самостоятельной разработки движения по социалистическому пути, незнакомому западной мысли, в том числе модели «партия – государство», поставило под сомнение многие привычные до того времени европейские представления о социализме. Вместе с тем историческое движение по пути раннего, государственного социализма объективно несло в себе угрозу схода с избранного пути, потери вектора социалистического развития и возвращения к капитализму, к тому, что навсегда казалось принадлежит прошлой истории.

6. Внешний фактор выступает не только в роли катализатора событий в российском обществе. Он был и остается сегодня важнейшим фактором, способным решающим образом, особенно в экстремальных условиях выживания страны, повлиять на сам выбор ею общенациональной стратегии развития.

Многие ученые, считающие себя марксистами, полагают, что созданный в Советском Союзе «социализм» не имел ничего общего с учением К.Маркса. Этот спор во многом беспредметный, ибо исходные посылки обеих сторон делают невозможным содержательный дискурс. Китай, к примеру, мало обращает внимания на то, что он строит китайский социализм не по Марксу, но от имени Маркса, имея в виду выдвинутый им великий общечеловеческий идеал: освобождение труда. Современные споры вокруг природы социализма вызывают отчуждение и взаимные подозрения среди

различных отрядов левого движения, но для российской истории, по моему глубокому убеждению, советский социализм оказался естественным и закономерным ее этапом.

В течение более семидесяти лет Советский Союз находился за пределами капиталистической мироэкономики, не был включен в капиталистическое мировое разделение труда. Руководство страны предприняло грандиозную попытку создания альтернативной Западу мировой социалистической системы с присущим ей своим общественным разделением труда. Считалось, что связь между двумя мировыми системами должна строиться на основе взаимовыгодных торговых отношений.

Великая депрессия 1929–1932 гг., которая поразила весь западный мир и особенно США, помогла Советскому Союзу провести ускоренную индустриализацию. Ю.Кагарлицкий, в частности, обратил особое внимание на ту исключительную роль, которую сыграла внешняя торговля в стране в начале 30-х гг. XX в.¹⁸. Экономический кризис сократил объемы мировой торговли на две трети. На мировых рынках в кредит и за полцены продавалось не просто промышленное оборудование, но целые комплекты самых современных по тому времени заводов, чем и воспользовался Сталин для ускорения темпов индустриализации страны. Все это позволило Л.Троцкому, который к тому времени был выслан за пределы страны, написать в апреле 1931 г. в своем журнале «Бюллетень оппозиции», что для Сталина «цифры внешней торговли все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства»¹⁹. А цифры внешней торговли просто поражают воображение. В 1932 г. около половины всего мирового экспорта машин приходится на СССР. Оборотной стороной мощного модернизационного рывка, который сделала страна в начале 30-х гг. XX в., стало стремительное утверждение в теории и на практике административно-командного, государственного социализма.

Шаги, которые предприняла власть после смерти Сталина, были робкими и непоследовательными. Командно-административный, государственный социализм все более входил в противоречие с народными, массовыми представлениями о нём. В советском обществе боролись, особенно начиная с 60-х гг. XX в., две позиции в понимании советского социализма: демократически-народная по-

зиция и административно-командная, за которой стояла партийно-государственная бюрократия. Отрыв, отчуждение власти от народа достигли тогда огромных размеров. Здесь уместно напомнить слова В.И.Ленина о том, что «нельзя победившему социализму удерживать своей победы без осуществления полностью демократии»²⁰. Демократия есть в своей сущности способность народа самому решать свои собственные проблемы, и в этом смысле демократия выступает как всеобщее участие всей массы населения во всех государственных делах.

Запад, не смирившись с потерей российской империи как своего постоянного сырьевого придатка, делал все, чтобы вернуть Советский Союз в орбиту своего влияния. Запад начал втягивать СССР обратно в капиталистическую мировую систему примерно с начала 70-х гг., особенно после того, как в страну обильно потекли нефтедоллары и дешевые кредиты. Власть, партийно-государственная номенклатура использовала их прежде всего для увеличения добычи и транспортировки на Запад нефти и газа вместо развития постиндустриальных «высоких» технологий. Правящая элита фактически проигнорировала приход постиндустриального общества, ей удалось затормозить проведение абсолютно необходимых, но опасных для ее монопольного положения в обществе политических реформ. В итоге, стала явно обнаруживаться утрата страной реальных стратегических целей, а также технологическое отставание советской экономики от Запада, который переиграл к концу 80-х гг. прошлого века отечественную, теоретически не очень образованную партийно-государственную номенклатуру.

Спустя 74 года мировой капитализм взял реванш за проигрыш в 1917 г. Постсоветская Россия вернулась на прежнее место в мировом капиталистическом разделении труда, которое она занимала до 1917 г., со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она вновь становится сырьевым придатком Запада с постоянным оттоком финансового капитала и интеллектуальных ресурсов страны. Одним словом, постсоветская Россия есть отсталая и зависимая периферия капиталистической мироэкономики, что, разумеется, не означает автоматического превращения страны в капиталистическую. Условно говоря, начинается строительство или реставрация капитализма, которая реально обнаруживает себя как выборочная

промышленная модернизация в тех отраслях экономики, которые нужны Западу. В первую очередь это касается нефтегазового сектора и добычи цветных металлов.

Постсоветская Россия – вновь перекресток, на котором сходятся все противоречия современного мира. Россия вновь переживает раскол – экономический, социальный, политический, культурный. В обществе накопилось много самых острых противоречий. Остановимся на главных из них.

1. Большое сходство с ситуацией столетней давности имеют нынешние противоречия в социальной сфере. Произошло мощное социальное расслоение российского общества на богатых – слой крупных предпринимателей, менеджеров, владельцев банков, акционерных обществ, средств массовой информации, а также их интеллектуальной и иной услуги, живущей в мире больших денег, информационных и финансовых технологий, – и бедных. А это основная масса населения, четыре пятых его, в том числе рабочие, научная и производственная интеллигенция, врачи, преподаватели вузов, учителя и т.д. Большая их часть прозябает в откровенной бедности. Разрыв в уровне жизни между сильными и богатыми, с одной стороны, слабыми и бедными – с другой, достиг в России невероятных размеров. О сколько-нибудь значительных размерах среднего класса говорить не приходится.

Масштабы бедности настолько велики, что она поразила как работников государственной сферы, так и лиц наемного труда, не говоря уже о нищенском положении основной массы деревенских жителей. Отсюда их общее неприятие растущей численности класса богатых и особенно сегодняшних миллиардеров и миллионеров. Особую опасность для судьбы государства имеет недопустимо высокий, в десятки раз, разрыв в уровнях экономического, социального, культурного развития, по объемам инвестиций между различными субъектами Федерации. Это вызывает сепаратистские и националистические настроения, стремления к сецессии, которые в условиях определенного усиления вертикали власти приобрели во многом латентный, скрытый характер.

2. Сохраняется глубокий политический раскол в российском обществе. Институты западной либеральной демократии плохо приживаются на российской почве, что вызывает одновременно критику и справа, и слева.

Радикал-либералы продолжают требовать смены сегодняшней «матрицы» российской государственности, которая якобы себя полностью исчерпала, на западную «матрицу». Но ведь именно они несут ответственность за полный провал либеральных реформ, предпринятых в стране в 90-е гг. прошлого века. Все государственники, державники, от консерваторов до левых, говорят о том, что сильная централизованная власть есть первейшее условие устойчивости российского государства. Левые, выступая за сильное централизованное государство, требуют, однако, решительного пересмотра концепции развития общества, которую сегодня можно назвать либерал-консервативной, практически являющейся официальной идеологией власти. При этом идеи нового социализма получают все большее распространение в левом движении в России.

3. Массовое сознание общества пронизано многочисленными противоречиями культурно-цивилизационного характера. Европеизированная часть населения страны – зажиточные и богатые люди, которые ориентированы на европейские, западные ценности и образ жизни, – составляет примерно 20–25% населения, остальная часть российского населения живет в традиционном мире, она далека от европейских стандартов зарплаты, быта, качества услуг. Отсюда столкновение двух культурных «матриц», присущих основной части населения. Идентификация правящей элитой себя с европейской общественной системой все больше становится идеологией реформируемой России. Но все дело в том, что идет, как и сто лет назад, выборочная европеизация страны. Остальная часть страны продолжает жить либо по советским обычаям, либо деградирует, либо впадает в этническую, языческую архаику, но отнюдь не европеизируется.

4. Названные и многие другие внутренние противоречия суть порождение основного противоречия эпохи глобализации. «Россия – это удивительный континент, парадоксальным образом соединяющий в себе структурные черты как сырьевого Юга, так и высокотехнологического Севера», – пишет экономист А.И.Некlessа²¹. Эти слова нужно понимать так, что в России идет борьба за выбор приоритетных путей развития: или ускоренного создания современной высокотехнологичной промышленности, или сохранения преимущественной ориентации на добычу природного сырья, что

и будет означать сохранение зависимого типа развития как страны периферийного капитализма. Россия, несмотря на все уверения власти, продолжает линию на первоочередное развитие экспортно-ориентированных отраслей сырьевой экономики, становясь при этом все более значимой частью западной экономики. Такая политика будет вести к дальнейшему увеличению разрыва между слоем лиц, занятых на производстве и в офисах удовлетворением западных потребностей, и основной частью населения, выступающей жертвами такой направленности экономики, социального разрыва между различными субъектами федерации.

За каждой из сторон этого экономического противоречия стоят определенные силы: с одной стороны, сырьевой и торгово-посреднический капитал, ориентированный на удовлетворение потребностей Запада, с другой стороны, национальный капитал, ориентированный на развитие реального, промышленного сектора экономики. Запад совершенно не заинтересован в развитии в стране современного инновационного производства, которое только и может выступать реальной основой бытия России как державы. Иначе говоря, страны, которая, принимая суверенные решения, исходит из своих национальных интересов, а не подчиняется диктату внешних условий ее существования в мировом сообществе.

В чем же заключается смысл тех невыученных уроков, которые страна проходила столетие назад? Власть в России осознает серьезность некоторых проблем, в частности, социальной, но действия ее не отличаются последовательностью, тем более теоретической обоснованностью. С начала века в стране одновременно проводилось более десятка реформ, но не было ни одного документа, в котором было бы показано их системное единство, социальные последствия, необходимые для их проведения финансовые, кадровые и иные ресурсы, связь реформ с национально-культурными традициями. Ныне власть признала, что прагматизм как основа ее действий себя полностью исчерпал, появились проекты развития социально-экономической сферы жизни на годы вперед, но видение реальных проблем далеко не соответствует их остроте и масштабам. Есть все основания говорить о том, что действия власти не работают на опережение, на своевременное разрешение противоречий в различных сферах общественной жизни.

Современное состояние страны наглядно демонстрирует уже знакомую ситуацию наложения различных эпох и свойственных им противоречий. Это означает, что в России, на периферии капиталистической мироэкономики, судя по историческому опыту, обострение противоречий может произойти раньше, чем в центре или близких к центру государств, поскольку им удастся решать часть социальных проблем за счет стран периферийного капитализма. Впрочем, чем дальше, тем в меньшей степени. Казалось бы, ход развития исторических событий в начале прошлого века, приведших к революции 1917 г., раскрывает нам некоторые «секреты» сценария, по которому может сложиться аналогичная ситуация в обозримом будущем.

Но есть одно кардинальное отличие от ситуации столетней давности, которое заставляет во многом по-новому посмотреть на грядущие перспективы разрешения сложившейся в России массы острейших противоречий. Заключается оно в том, что капитализм как мировая система исторически себя изжил. Видны исторические его границы, что убедительно показывает начавшийся мировой финансовый кризис, ставший итогом навязанной всему сообществу стран неолиберальной модели глобализации. Политические лидеры, ученые разных стран заговорили о радикальной смене модели капитализма. Какой же может быть в этих условиях наиболее оптимальный сценарий развития России? Вся многовековая история отношений с Западом показывает, что, несмотря на все ранее сказанное, связи между Россией и Западной Европой становились и становятся все более тесными и многосторонними. Сегодня можно говорить уже не просто о неразрывности этих связей, а о начале становления в XXI в. некоторой единой целостности. Но ее становление может идти двояким путем, и она может обрести различные формы.

Либерально-консервативная мысль утверждает, что россияне – европейцы, что у россиян и европейцев общая европейская идентичность. С этим можно в общем согласиться, но с некоторыми оговорками. Во-первых, если Россия и есть Европа, то только «другая Европа». Признание общей принадлежности предполагает обозначение серьезных различий между ними, анализу которых посвящена большая литература²². Хотелось бы обратить внимание только на один, но принципиальный

момент. В самой европейской идентичности важное место занимают социалистические ценности. Невозможно представить развитие западноевропейской мысли вне борьбы и взаимодействия идей либерализма и социализма, а западноевропейского капиталистического общества вне борьбы либеральных и социал-демократических движений и партий. В подавляющей части отечественной литературы о ценностях социализма как неотъемлемой части европейской идентичности сегодня даже не упоминается.

Если в российском обществе власть намерена и дальше утверждать европейские ценности, которые на поверку оказываются чисто либеральными, то это будет способствовать дальнейшей реализации модели зависимого и отсталого развития страны, модели, которая и реализуется последние два десятилетия. Европа будет дальше развивать современное высокотехнологичное производство, а Россия становится все более значимым для нее партнером и естественной частью в качестве огромной и дешевой кладези природных богатств. В обозримой перспективе страну ждет нерадостная участь страны периферийного капитализма.

Известно, однако, что исторически неизбежный переход к новым общественным формам происходил и видимо будет происходить в будущем в странах периферийного капитализма. В таком случае у России вновь появится исторический шанс в том смысле, что в процессе разрешения своих противоречий она сможет предъявить миру новый проект общественного устройства вместе с новой идеологией его созидания. Этот классический путь, который был проверен на практике сто лет назад, сегодня, однако, не выглядит неизбежным. Если Россия становится в условиях глобализации все более органичной частью Европы, такой желанной для неё по причине своих природных богатств, то более дальновидным должно выглядеть для России обращение к идеям современного нового социализма XXI в.

Сто лет назад вся Европа говорила о социализме, грезилась им как новой желанной организацией общества, способной стать реальной альтернативой бесчеловечному капитализму тех времен, о чем выше было сказано. Идеи К.Маркса стали тогда развиваться в двух основных формах: в западноевропейской и российской, радикальной версии марксизма, которая отвечала потребностям

российского общества, зашедшего в имперский период истории в исторический тупик. Эту версию нельзя считать отклонением, а тем более извращением классического марксизма.

Современный мир левеет. Везде, во всех странах и на всех континентах вновь говорят о социализме. Россия может и должна выработать свою, новую его версию, что и откроет перед ней путь превращения в обозримом будущем в равноправную, хотя и сравнительно отсталую часть единой Европы. Отсюда неизбежно для страны, если она хочет иметь достойное будущее, обращение к социализму и к социалистическим ценностям Европы.

Социал-демократия Западной Европы осталась верна идее социализма, идет к нему своим собственным и довольно-таки сложным путем. Ее достижения несомненны и общезначимы. Российским левым необходимо переосмыслить исторический опыт западной социал-демократии, создать российскую, современную версию социализма и предложить ее обществу. Капиталистической единой Европе новый социализм противопоставляет радикально иную перспективу развития единой Европы, в которой России будет принадлежать другая роль и другая историческая судьба. При этом новый социализм вовсе не отрицает европейских либеральных ценностей – свободы, индивидуальной самостоятельности и ответственности личности.

Современный, новый социализм XXI в. явится продолжением многовековой традиции, которая включает в себя как крестьянский, так и пролетарский социализм. Современный интеллектуальный социализм сохраняет свою приверженность основным ценностям марксизма и прежде всего гуманистической идее освобождения труда. Необходимость в новой исторической форме социализма – социализма XXI в. – обусловлена появлением принципиально новой ступени в развитии человеческого общества, которое начинает основываться во все большей степени на знаниях, иначе говоря, становится обществом «знания».

В отечественной литературе в последние десятилетия началось активное обсуждение нового видения идеи социализма в эпоху глобализации. Начало, как мне представляется, в нашей стране было положено публикацией статьи В.М.Межуева «Социализм как пространство культуры» в 90-е гг.²³, но только в последние годы стали появляться работы, посвященных теории и, что самое глав-

ное, обобщению политической практики первых шагов нового социализма. Эти вопросы были в центре внимания двух международных форумов, прошедших в Москве в 2007–2008 гг.²⁴

Социализм, как некогда сказал о нем Г.Маркузе в своих 33 тезисах о социализме, означает определенное «всеобщее»: всеобщее свободных личностей²⁵. Для этого сегодня созданы или создаются при переходе к обществу «знания» необходимые предпосылки, подчеркнем, впервые в истории. Приобщение к научным знаниям, как к продуктам всеобщего труда позволяет индивиду свободно развиваться все более независимо от его производственных функций и ролей. Но здесь как раз необходимо говорить о преградах, которые ставит на этом пути сегодняшний капитализм.

Современная интеллектуальная мысль утверждает, что борьба за социализм – это борьба за знания, культуру, образование, за человеческую духовность и гуманистические ценности. Речь идет о становлении современного образованного человека, о способах выработки им мотивации к овладению научным знанием и его использованию, культуры как совокупного исторического опыта своей страны и человечества в целом. Вот что становится сегодня великой исторической целью нового социализма, который открывает реальные перспективы практического воплощения главной цели и задачи марксизма – освобождения труда не только в социальном, но теперь уже и в технологическом плане.

Потребность в новом социализме родилась в мировой мысли в ходе поисков выхода из тупика неолиберальной однополярной глобализации, которая лишь усиливает разделение современного мирового сообщества на центр и зависимую и отсталую периферию. Новый социальный идеал утверждает новую парадигму мышления – справедливый мир. Реальный переход к многополярному миру возможен только в том случае, если отношения между странами будут регулироваться новой системой международного права, основанной на принципе справедливости. Хотя здесь есть очень серьезная проблема, которую только начинают обсуждать в литературе, состоящая в том, как практически можно соединить право со справедливостью. Конечная цель такого радикального переустройства мира – положить конец несправедливым в самой своей основе экономическим отношениям между центром капиталистической мироэкономики и странами, находящимися на ее периферии.

Возможно ли это сделать мирным путем, путем контролируемого процесса переустройства мира или нет, покажет будущее. Здесь эпицентр сегодняшних обсуждений перспектив человечества, ибо неуправляемый распад капиталистической мироэкономики будет означать настоящую вселенскую катастрофу. Но в любом случае борьба во всем мире идет за право выбора каждым государством, в том числе и Россией, своего национального пути развития. Для России это будет российский социализм XXI в. с его прочной опорой на свою национально-культурную традицию, в которой во все времена особую роль играла и продолжает играть идея социальной справедливости. Ситуация в мире, вместе с тем, настолько изменилась, что у нового социализма нет шансов превратиться в универсальный социализм советского образца, которому надлежало следовать в XX в. всем странам, вступившим на путь социалистических преобразований.

Другими словами, новый социализм XXI в. по мере своего развития все в большей степени начнет приобретать в теории и на практике в разных странах цивилизационную специфику. В каждой стране, каждом регионе складывается свое сложное соединение и сочетание различных исторических типов социализма с их различными системами ценностей, которые нужно уметь соединять в политических практиках сегодняшнего дня. Самые трудные проблемы начинаются тогда, когда речь заходит о субъективной стороне исторического процесса, о социальных силах, способных в исторической перспективе к реализации объективной потребности для страны российского варианта социализма XXI в.

Уникальное стечение обстоятельств позволило Советской России после Октября 1917 г. «выпасть» из капиталистической мироэкономики и тем самым выйти из исторического тупика. В современную эпоху такого рода обстоятельства могут сложиться только в случае краха всей системы международных отношений. Но есть большая опасность в том, что в любом случае радикальное обострение всех противоречий российского общества может привести только к еще одному и теперь уже наверняка последнему распаду российского государства. Сегодняшние требования перестройки всей системы международных отношений все чаще связываются с достижением справедливости. Но власть, которая преследует либеральные цели и надеется на рыночную конкурентоспособность

ее капиталистической экономики, не может взывать к справедливости. Если власть желает сыграть на опережение, она вынуждена будет принять ценности нового социализма как с точки зрения решения внутренних проблем – создания реальной инновационной экономики и решения социальных проблем, так и внешних – требования перестройки всей системы международных отношений и международного права с позиций справедливости, тем более сегодня, в условиях системного финансового кризиса. Под другими знаменами эволюционный путь развития России не состоится.

Примечания

- ¹ *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возможности XXI в. // Прогнозис. 2006. № 1. С. 25.
- ² *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI в. М., 2003. С. 50.
- ³ *Салмин А.* Новая система мира // Независимая газ. 11.04.2001. С. 6.
- ⁴ *Соловей В.Д.* Перспективы революции // Свободная мысль. 2007. № 10. С. 76.
- ⁵ *Малиновский А.А.* Глобализация как цивилизационный процесс // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 27.
- ⁶ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 321.
- ⁷ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 23. С. 770–773.
- ⁸ *Люксембург Р.* Накопление капитала. М., 1922. С. 22.
- ⁹ См. подробнее: *Кагарлицкий Б.Ю.* Предисловие к кн.: Валлерстайн Э. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- ¹⁰ *Тарновский К.Н., Шевченко В.Н.* Великий Октябрь и современность // Филос. науки. 1989. № 9. С. 9.
- ¹¹ *Федотов Г.* Письма о русской культуре // Русская идея / Сост. М.А.Маслин. М., 1992. С. 390.
- ¹² См. подробнее: *Алексеева Е.Ю.* Диффузия европейских инноваций в России. XVIII–XX в. М., 2007. С. 190 и далее.
- ¹³ *Столыгин П.А.* Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 128–129.
- ¹⁴ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I. М., 1991. С. 298.
- ¹⁵ *Янов А.Л.* Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999. С. 263–264.
- ¹⁶ *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 2005. С. 46, 49.
- ¹⁷ *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 67.
- ¹⁸ *Кагарлицкий Б.Ю.* Россия: периферийная империя. М., 2003. Гл. XIV: Советский мир.

- 19 Бюллетень оппозиции. Апр. 1931. № 20. С. 4.
- 20 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.
- 21 Неклесса А.И. Постсоветский мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат. СПб., 2000. С. 248.
- 22 Среди работ теоретического характера: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1999; Кантор В. Русский европеец как явление культуры. М., 2001; его же. Европейский смысл России // Свободная мысль – XXI. 2005. № 7; Чубарьян А. Российский европеизм. М., 2006.
- 23 Межуев В.М. Социализм как пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2.
- 24 Материалы I Международного социалистического форума «Решение социальных проблем XXI в. – социалистическая альтернатива» / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М., 2008; Материалы II Международного социалистического форума «Устойчивое развитие мирового сообщества в XXI в. – социалистическая стратегия» / Отв. ред. В.Н.Шевченко М., 2008; См. также: Славин Б.Ф. Новая модель социализма // Свободная мысль. 2007. № 11; Шубин А. Долгий путь к социализму // Альтернативы. 2008 № 2; Самир Амин. Социализм XXI в. // Альтернативы. 2008. № 3.
- 25 Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. № 2. С. 63.

С.С. Халтанова

Роль СМИ в региональных политических процессах как важный фактор становления демократии

Отношения между регионами России представляют собой важный объект политологического исследования. Эти отношения во многом определяют не только целостность страны, но и формирование единой в политическом отношении нации, и решение вопроса о самоидентификации россиян. Региональная пресса по-прежнему остается важнейшим инструментом политической борьбы: она реализует новейшие методы информационного воздействия и взаимодействия как с широкими слоями населения, так и с элитными группами. Цель настоящего исследования – проанализировать на примере Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Саратовской области и Краснодарского края особенности функционирования и развития региональных средств массовой информации и их роль в демократизации страны.

Известные всем постперестроечные процессы регионализации привели к усилению в жизни страны роли регионов и, что не менее важно, к существенным различиям в политике, общественной жизни, экономике отдельных субъектов федерации. Все исследуемые регионы довольно неоднородны по национальному составу, различаются по государственному устройству, плотности населения и уровню экономического развития, что, естественно, влияет на развитие СМИ в каждом из них. Процессы либерализации общегосударственной политики неизбежно обуславливают актуализацию изучения соответствующих проблем и программ на уровне отдельных субъектов федерации. Уяснение даже малой ча-

сти из происходящего в отдельно взятых регионах способно пролить свет на смысл процессов, происходящих в масштабе всей страны. Следует сразу уточнить, что политические процессы на уровне регионов совершенно не равнозначны общенациональному политическому процессу, любой из них отличается известной уникальностью. Каждый политический шаг общероссийской элиты, федеральной власти находит свое отражение на местах и получает новое звучание с региональной спецификой. Нашей основной мыслью является то, что «ресурс различия» (специфика самостоятельности населения различных регионов) способен стать действенным фактором демократизации России.

Стать объединяющим фактором разрозненных регионов России, регулирующим и обеспечивающим участие граждан в политической жизни страны, призваны российские СМИ, которые являются неотъемлемой частью процесса самоизменения, самопреодоления общества и способны вырабатывать новые отношения между людьми.

Эпоха «догоняющего», мобилизационного развития России окончилось. Какая стратегия позволит России быстрее освоить демократические технологии и стать равноправным партнером развитых стран? Новая демократическая Россия, как нам думается, должна придти к такой стратегии развития, которая адекватна не внешним образцам и критериям, а собственным проблемам. Сформулировать их и установить приоритетность можно методом демократической коммуникации всех заинтересованных групп. Внешний мир, разумеется, влияет на эту стратегию, но не как образец для подражания или извечный соперник, а как опыт, который нужно изучить, как сумма конкретных обстоятельств, благоприятствующих или мешающих решению проблем российского общества.

Нельзя произвести разграничение между русскими и национальными регионами, говоря о том, что проблемы кого-то из них актуальней. Каждый регион имеет свои специфические проблемы, которые можно решать, опираясь только на федерацию. Ведь вне федеративных отношений, которые являются гарантом развития научной жизни, экономики и культуры, регион самостоятельно не сможет развиваться. Но без сильных регионов не будет и сильной России. Найти модель интегрального развития, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на мест-

ные условия, – вот задача, которую российской власти предстоит решить и без которой невозможно, как представляется, снизить напряженность в процессе строительства российской демократии. Сильная Россия – это сильные регионы. Уровень демократизации каждого неизбежно связан с понятиями свободы слова и независимыми СМИ в них.

Вся история демократии в стране – это история демократизации «сверху», административным путем. Сложилось это исторически: в основе всегда лежала громадность пространств России, слабость, неразвитость общественных сил, чьи интересы объективно совпадали с переменами, вынужденный, недобровольный характер проводимых радикальных реформ, политическая апатия большинства населения. Без «низовой» демократии невозможно появление полноценного гражданского общества, а вместе с ним и таких СМИ, которые смогут стать его полноправным институтом. К сожалению, сейчас информация о том, что СМИ ангажированы и являются рупором тех или иных политических группировок, является уже вполне очевидной и даже не вызывает удивления.

Очевидно, что политический процесс по-разному протекает в стабильных и нестабильных регионах. В стабильных социумах политический процесс сопровождается так называемым эволюционным политическим развитием, содержанием которого являются (1) нарастание способности региональной политической системы гибко приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям; (2) умение своевременно выделить промежуточные задачи и провести преобразования, нацеленные на реальное продвижение общества вперед; (3) увеличение возможности для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в управлении обществом и государством. Кроме того, под политическим развитием подразумевается также возрастание «способностей» региональной политической системы к инновации как способности адаптироваться к новым проблемам, гибко реагировать на непредвиденные ситуации, способности к креативному управлению; мобилизации как способности активизировать и концентрировать ресурсы для решения конкретных задач; к выживанию как способности к производству и воспроизводству легитимных структур политического сознания и лояльных форм политического поведения граждан при помощи символического капитала власти и специализированных

структур эффективной политической социализации. Наконец, под политическим развитием понимают и усиление тенденции к политическому равноправию. Последняя проявляется в политическом плюрализме, расширении автономных и мобилизационных форм политического участия, универсализации действия законов (правовом равноправии), усилении роли образования, способностей и компетентности при формировании органов государственной власти. Ну и, конечно же, политическое развитие подразумевает развитие средств массовой информации, которое проявляется в плюрализме мнений, находящих отражение в СМИ, в отсутствии давления на СМИ как со стороны государственной власти, так и со стороны коммерческих структур.

Понимаемое таким образом политическое развитие неразрывно связывается с наличием в регионе институциональных возможностей для артикуляции групповых интересов (СМИ как канала массовой коммуникации); нормативной базы, способной обеспечить равенство политического участия разных социальных групп и усилить влияние интеграционных ценностей, а также компетентных политических элит, способных использовать политические технологии, исключая насилие и политический радикализм.

В нестабильных региональных социумах политический процесс, наоборот, протекает в условиях неравновесности политических состояний, несбалансированности политической активности основных субъектов, нарушения ими своих ролевых нормативно зафиксированных функций, превышения ими своих полномочий, выход за пределы норм и правил политической игры, в том числе и в сферу нелегальной политической деятельности. Соответственно и в условиях политических манипуляций со СМИ, превращением их в инструмент политической борьбы.

Важнейшей составляющей частью рынка периодики России и главным производителем информационного контента являются газеты. В настоящее время в Российской Федерации зарегистрировано 35,5 тысячи газет и еженедельников. Две трети тиражей общественно-политических газет в стране приходится на долю региональных и местных изданий¹. Местная пресса становится все более привлекательной для инвесторов, а в субъектах России активно формируются региональные и межрегиональные медиахолдинги. «Практика подтверждает активное развитие региона-

лизации российских средств массовой информации. Если тиражи общероссийских газет и журналов неуклонно падают, то тиражи региональной периодики растут»², – писал М.Шкондин.

К слову, учредителями большинства региональных и до 80% муниципальных газет России по-прежнему остаются органы государственной и муниципальной власти, что отражается и на редакционной политике этих изданий, и на их экономической независимости, поскольку так или иначе все они субсидируются из средств региональных и местных бюджетов. Иными словами, в России существует огромный массив периодических печатных изданий, которые по-настоящему в рыночные отношения на сегодняшний день не включены, и соответственно, не в полной мере включены и в политическую жизнь России.

В каждом из трех исследуемых регионов сложилась своя неповторимая ситуация. Так, в Саратовской области и Краснодарском крае наиболее популярными оказались федеральные издания, при этом основной тираж на Кубани в отличие от Саратова составляют подписные издания, в Бурятии – негосударственные местные СМИ, а в Якутии – издания, которые финансируются правительством. То есть в регионах, которые географически ближе к Центру России, «сильнее» газеты, формируемые из федерального центра, в удаленных же регионах актуальнее газеты, выпускаемые местными силами.

В трех регионах, кроме Краснодарского края, проваливаются попытки вывода на рынок частных ежедневных проектов общественно-политической направленности. Самые успешные из них держатся менее года. На наш взгляд, это связано с тем, что, во-первых, люди еще не могут позволить себе ежедневную газету в регионах, во-вторых, небольшая насыщенность рекламного рынка, а в-третьих, для подобных СМИ не хватает полиграфических мощностей, наконец, в-четвертых, не так велик рынок сбыта такого рода печатной продукции, основная масса читателей склонна к развлекательной прессе. В Краснодарском крае же, наоборот, наметилась тенденция к созданию ежедневных газет. Скорее всего, это связано даже с некоторой переполненностью газетного рынка региона. Во всех регионах можно констатировать одну и ту же тенденцию: все рекламные издания в республиках и «желтая пресса» оказались в руках коммерческих структур. В свою очередь, в реги-

ональной печати нашло отражение стремление предпринимателей утвердиться в законодательной власти. В каждом регионе присутствует издание, которое служит общественной базой для борьбы за выборные места в органах представительной власти.

В исследуемых регионах общий поток периодической печати можно разделить на государственные и негосударственные СМИ. Сегодня так называемые государственные печатные СМИ в регионах, в составе учредителей которых имеются властные структуры, представляют собой довольно мощный институт. В каждом исследуемом регионе присутствует конфликт, который связан с деятельностью СМИ, с ограничением властными структурами деятельности издания или телекомпании. Сами представители СМИ в регионах в подобных конфликтах видят политическую подоплеку. Все выступающие на эту тему руководители частных коммерческих изданий сходятся в одном: государство должно создавать равные условия для функционирования средств массовой информации всех форм собственности, а не дотировать избранные газеты и журналы. Однако позиция одинакового субсидирования всех СМИ (государственных и негосударственных), естественно, наталкивается на сопротивление местных государственных органов. Хотя иногда его провоцируют и сами журналисты, свободные от ответственности. Вот что пишет И.Засурский по этому поводу: «При условии существования мощных финансовых и политических группировок, обильно представленных в сфере массовой информации, сильный сектор государственных масс-медиа может способствовать не ущемлению, а сохранению свободы слова, представлению разнообразных точек зрения в СМИ»³. Нельзя сказать, что журналисты равнодушно относятся к профессиональной деградации. В прессе периодически появляются материалы, в которых журналисты дают весьма жесткую оценку и негативным процессам, происходящим в СМИ, и своим коллегам, утратившим чувство меры как в разнузданной критике, так и безграничной комплементарности. До сих пор мы говорили о манипулировании средствами массовой информации, о влиянии той или иной идеологии на позицию журналистов и изданий, о влиянии власти на СМИ. Однако это только одна сторона вопроса. Если дать определение термину «медиазация политики», то мы увидим, что это такой процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое

пространство средств массовой информации. В России медиатизация политики привела к торжеству компромата, своеобразному соревнованию медиа-технологов и журналистов.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что региональной прессе присущи черты, которые позволяют говорить о кризисных явлениях в средствах массовой информации. К ним можно отнести следующие:

- массовое огосударствление СМИ;
- создание таких периодических изданий, которые освещают деятельность только властных структур и преимущественно в позитивном плане;
- восприятие критики как оппозиционности;
- стойкое нежелание, а часто неумение или непонимание важности взаимодействия власти с негосударственными изданиями;
- стремление власти избавиться от неугодных редакторов в государственных СМИ;
- экономическая зависимость изданий от учредителя и как следствие – зависимость политическая;
- готовность некоторых редакций принципиально изменить политику издания в меркантильных целях;
- систематические нарушения этических норм в публикациях журналистов;
- наличие скрытой рекламы и заказных статей.

Определяя специфические условия, в которых действуют субъекты региональных информационных отношений, можно выделить большие различия в уровне развития коммуникационных линий как внутри регионов, так и в сравнении региональных СМИ друг с другом. Так, например, в регионах с низкой плотностью населения наблюдается

- высокая стоимость производства и доставки единицы печатной продукции на душу населения;
- практически полное отсутствие специализированной сети распространения периодической печати;
- наличие значительных территорий, недосягаемых как для электронных, так и печатных СМИ.

Региональную прессу мы можем дифференцировать по следующим основаниям:

- по типу собственности: государственная, негосударственная;

- политической ориентации;
- охвату аудитории (массовая, элитная, специфическая, предназначенная для малых социальных групп);
- языку издания;
- уровню аналитичности материалов, а также по другим основаниям.

Тем не менее эта дифференциация не является статичным феноменом, а носит гибкий, динамичный характер.

В нашем же исследовании наибольший интерес представляет дифференциация региональной прессы по политической ориентации. Отметим, что она становится явной, на наш взгляд, в основном в период активизации различных избирательных кампаний. Специфика всех региональных СМИ, на наш взгляд, прежде всего состоит в большей политической зависимости от местной власти, политической элиты, финансовых магнатов регионального уровня и от местных традиций, наконец. Говоря о национальных регионах, стоит отметить и то, что не последнюю роль в обозначении местной специфики прессы играет и менталитет того или иного народа. Так, например, очень важным является идеологическое влияние на массовое этническое сознание национальных республик. Здесь возникает вопрос об отношениях, складывающихся уже долгое время между российскими этносами и регионами.

Сейчас Россия впервые в своей истории может использовать ресурс различия, специфической самодеятельности населения регионов для демократизации страны. Россия состоит из нескольких цивилизационных образований, которые различаются не только конфессиями, традициями, культурой, но и климатом, ресурсами, отношением к труду, собственности, власти.

После распада СССР бурный процесс суверенизации российских регионов дал весьма неоднозначные и неодинаковые результаты: различие региональных политических режимов, которое накладывается на экономическую дифференциацию (по ресурсам и их использованию субъекты Российской Федерации разнятся очень сильно), налицо. На наш взгляд, проблема Российской Федерации состоит в вопиющих контрастах в развитии регионов по ряду важнейших параметров. Несмотря на позитивные предпосылки: расширение прав регионов – это все же важнейшее достижение первого этапа демократизации страны, центральная власть сдела-

ла важный шаг в поисках способа интеграции народов. Различия между регионами способны как детонировать явления распада России, так и стать могучим стимулом ее единения. Что способны в этом смысле дать российские СМИ – вот самый актуальный вопрос современного политического процесса.

Но вместе с тем наружу всплыли и проблемы. Авторы одного из многочисленных докладов, посвященных тенденциям развития российского федерализма, видели следующие слабости процесса федерализации: отсутствие четких законодательных и конституционных рамок организации государственной власти в субъектах Федерации, слабость судебной власти, отсутствие четкой границы между институтами государственной власти и местным самоуправлением, различия в статусе регионов, несовершенства бюджетного федерализма⁴. Регионы были брошены фактически на самовывживание.

Недостаточность правового обеспечения федеративных отношений чувствуется до сих пор. Не был отработан механизм федерального вмешательства в том случае, когда региональные власти нарушают федеральные законы. В условиях, когда некоторые статьи Конституции РФ на части территории страны не выполнялись, законодательная база была недостаточна, «индивидуальные» договоры о разграничении полномочий Центра и отдельных субъектов федерации стали выступать в качестве некоего вынужденного паллиатива. С субъектами федерации были подписаны договоры о разграничении полномочий. Сейчас многие исследователи полагают, что это были не совсем удачные, но вынужденные шаги. Но заключались договоры не в интересах населения регионов, а в интересах региональных руководителей, которые ловко «оседлали» ситуацию.

Если рассматривать скрытый механизм противоречий в регионах, то важной его пружиной являлось стремление новых собственников освободиться от контроля со стороны государственных структур и противодействие бюрократии, которая по-прежнему хотела, чтобы с ней делились.

С помощью местных средств массовой информации началось конструирование особых, выгодных для определенных групп людей, новых общественных представлений и установок. Здесь огромную роль сыграло (и до сих пор играет) идеологическое влияние на массовое этническое сознание республик. Здесь

возникает очень важный вопрос отношений, складывающихся между российскими этносами, между регионами, между теми и другими и федеральной властью. А СМИ все равно остаются мощным оружием идеологического воздействия на массовое сознание, в том числе и в межнациональных отношениях. Поскольку два исследуемых региона являются национальными, мы не можем обойти эту тему.

Особенности региона и даже его история позволяют местным элитам играть на патриотических чувствах. В публикациях конца 90-х гг. в прессе Бурятии и Якутии отчетливо формируется образ России – не централизующей силы, а, скорее, партнера, соблюдающего только свои интересы, с которым надо быть очень осторожным. Опыт человеческой цивилизации, борьба за демократическую государственность и гражданское общество показали, что развитие национальных отношений идет тогда, когда права и свободы граждан, основанные на нормах международного права, ставятся выше любых националистических амбиций. Равноправие всех граждан независимо от национальности, места и времени обеспечиваются законодательно. Гарантом строгого соблюдения прав граждан всех национальностей должны стать в том числе и средства массовой информации. Проблема решения национального вопроса в России лежит в плоскости соединения принципов территориального и национально-территориального государственного устройства. Формирование культуры межнациональных отношений – дело не только государственных органов, но и средств массовой информации. В современных условиях их задачи и главное предназначение – стать центром общественного и гражданского согласия, способствовать формированию у граждан России необходимого для современного цивилизованного общества уровня культуры. Россия нуждается, как подчеркивает Р.Абдулатипов, «в немедленном восстановлении в своих правах национальной политики в качестве важнейшего самостоятельного направления деятельности Российского государства, а не вынужденной меры в работе с нацменьшинствами, которые “мешают” развитию государства»⁵.

Дальнейшее развитие региональной прессы – и это один из главных выводов работы – связано с осознанием журналистами положения о том, что в современных условиях главное предназначение средств массовой информации – стать центром обществен-

ного и гражданского согласия, способствовать формированию у граждан России необходимого для современного цивилизованного общества уровня культуры вообще и культуры межнациональных отношений в частности.

Примечания

- ¹ Из доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям: «Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции, перспективы развития». М., 2008.
- ² Шкондин М. Экологические факторы трансформации структуры российских СМИ. М., 1999. С. 25.
- ³ Засурский И. Масс-медиа второй республики. М., 1999. С. 90.
- ⁴ Проблемы и перспективы российского федерализма. (Доклад Совета по внешней и оборонной политике, Экспертного института и Межрегионального фонда информационных технологий) // Власть. 1999. № 1. С. 38.
- ⁵ Абдулатипов Р.Г. Послание о федеративной и национальной политике. М., 1995.

ИНТЕРПРЕТАЦИИ. СОЦИУМ И ВЛАСТЬ

И.А. Ерохов

Кризис политической нормативности

В политической философии нормативность всегда выступала в роли краеугольного камня, с опорой на который выстраивалось понимание всего здания человеческого общежития. Всякое изменение нормативной системы влекло за собой фундаментальную трансформацию политического мировоззрения. Речь здесь ведется не об узком аксиологическом, юридическом или экономическом значении термина, а об определенном типе стратегического мышления, основанном на необходимости все и всегда пропускать через рефлексию смыслов и принципов деятельности. Безусловно, такие дистинкции, как мораль и нравственность в этике, право и норма в юриспруденции, договор и стоимость в экономике, соединяясь в политическом сознании, становятся характеристиками добросовестно действующего человека, принимающего на себя ответственность за следствия поступков. Оттого и сложно подчас, работая с текстами классиков политической мысли, точно фиксировать нормативную проблематику, которая буквально разлита по текстам и высказываниям мыслителей. Нормативность скрепляла интеллектуальные конструкции не только у тех авторов, для кого этическая парадигма выступала как база для осмысления политических процессов, но и работы критиков нравственности, которые, осознанно или нет, выступили в истории как аморалисты, имморалисты или реалисты. Мы всегда, при определенном интеллектуальном усилии, сможем обнаружить нечто глубоко ценностное даже там, где, казалось бы, политика раз и навсегда

прощается с моралью. Достаточно привести примеры макиавеллистского «духовного княжения», «морального договора» Адама Смита, ницшеанского «опыта переоценки всех ценностей». Кажущееся, на поверхностный взгляд, презрение некоторых философов к частному интересу, закону, государству на самом деле оказывается глубинной критикой тех дисфункций, которые происходят в нормативном ядре человеческих взаимоотношений. Наоборот, именно апологию разрушающейся нормативной системы и следует понимать как подлинную безнравственность или пустое морализаторство.

Политическое преломление нормативности актуализируется тогда, когда рефлексивный анализ фокусируется не на предмете ценностей, а на субъекте и происходящих в нем изменениях, обусловленных необходимостью занять определенную позицию по отношению к нарастающим тенденциям, складывающимся ситуациям, раскрывающимся перспективам, т.е. там, где ценности начинают действовать, а не засыпают между строк в «высокоморальных» книгах, стоящих на пыльных полках.

Не случайно, как представляется, современная критика политических явлений по большей части оказывается предсказанием или научным наблюдением кризиса, но никак не сознанием кризиса с его логикой и артикуляцией. Пророчествовать и анализировать крах той или иной системы политического общежития – дело простое: все, что имеет начало, имеет и конец, что хорошо одному, то плохо другому. Мы найдем немало предсказаний мировых войн, гибели империй, распада стран, краха революций, великих экономических кризисов так же, как и ясной экспертной аналитики этих событий. Однако как объяснить тот факт, что практически все пророки или эксперты оказывались в полной растерянности в тот момент, когда события начинали происходить. Только ленивый не предупреждал американцев о «великой депрессии», европейцев – о «нацизме», Советский Союз – о неизбежном коллапсе «плановой экономики». Однако когда, например, прозвучали первые залпы мировых войн, подготовку к которым утаить было невозможно, самыми удивленными оказались именно те, кто по роду своих обязанностей должен был быть наиболее подготовленным. Действительно, «генералы всегда готовятся к прошедшей войне». Такая же ситуация и в политической науке.

Кто из экспертов оказался готовым к «революции кампусов» 1968 г., к распаду СССР или к террористическим атакам 11 сентября? Проблема, полагаю, кроется в том, что разворачивающиеся события, без различения на всемирно-исторические или частные, требуют мобилизации не предметности знаний, а субъекта познания. Политической любую проблему делает не соответствие ее содержания политическим темам, а люди, причем конкретные личности. Политика начинается там, где появляются субъекты, которые выходят из тени приватной жизни в публичное пространство отношений, беря на себя ответственность, в качестве «авторов» событий. Но чем руководствуются «авторы»: долгом или эффективностью, разумом или рассудком? Ведь все совместно устроенные дела, безусловно, создаются в рациональной перспективе, даже если впоследствии та или иная рациональность будет опровергнута. Мы могли бы сказать, что рациональностью обладают все люди, но нормативной она становится, только если основана на том или ином знании всеобщего блага. Значит, вслед за Кантом мы имеем право утверждать, что разум в его высшей форме есть нормативная рациональность. Но что тогда означает «мужество знать» (лат. *sapere aude*)? В чем заключается мужество: знать, что есть принципиально непознаваемые «вещи-в-себе», или в том, что действовать нужно в момент события, а не после? Как действовать: следуя собственному представлению о долге или сознанию того, что у каждого действия есть причины и следствия? Действовать и при этом понимать, что последствия публичных поступков отразятся не только на деятеле, но и на всех участниках политических отношений. Нормативность ответственной политики взаимосвязанных акторов оказывается единственным, хотя и не очень надежным гарантом удержания общественно-политического модуса, во внутреннем пространстве которого возможна реализация человеческих интересов. Только нравственная сноровка политической культуры позволяет регулятивно формулировать, селективировать и давать нормативную санкцию на разрешение или запрет действий во имя партикулярных интересов, распознавая их как согласующиеся или не согласующиеся с всеобщими целями народа. Например, представим на миг, что рост благосостояния населения является всеобщей целью. В этом случае всеобщие общественно-политические смыслы свободы, порядка и справедливости будут

непосредственно конкретизировать частное во всеобщем, если воспользоваться конструкцией Гегеля. Проблемы предчувствия необходимости поддержания нормативных отношений между людьми не могут лечь в основание анализа современной политики до того, как сами эти отношения начнут практически реализовываться. Именно в этот момент политическая философия оказывается перед выбором: или ограничиться оценкой тех или иных политических явлений с позиции классической этики, при этом относя все аксиологические трудности к проблеме прояснения морального сознания наблюдателя, или принять в качестве обязательного исторического обстоятельства то, что единственным способом появления нравственного элемента политики является непосредственное развитие нормативности изнутри политических процессов. Этот второй путь, который можно обозначить как «философию коллективного политического субъекта» в противоположность «философии морального сознания» (классической философской модели этики), обладает собственным проблемным полем.

В первом случае, назовем его общефилософской доктриной, происходит отождествление нормативности с этикой в широком понимании. Согласно этой логике (в ее самой зрелой – кантианской форме) прогресс рациональности заключается в преодолении границ опыта и выходе в сферу «чистого разума». Трансцендентальное познание свободно от эмпирики, следовательно, для него единственными предметами оказываются нормативные принципы. Таким образом, высшей формой рациональности становился чистый моральный разум. Но проход к трансцендентным идеям оказывается настолько личностным, что по сути дела совпадает с прояснением сознания конкретного эксперта морали. Получив «на вооружение» нормативный инструментарий, моральное сознание позволяет с этической высоты оценивать и квалифицировать все явления, и в том числе политические, на предмет их соответствия субстанциям добра или зла. Но подобного рода этическая оценка, хотя и являлась для Канта формой деятельности, не могла участвовать в политическом процессе, поскольку способна была работать как оценка только постфактум, т.е. тогда, когда моральный наблюдатель, отстраненный, незаинтересованный и потому объективный, мог фиксировать тот или иной факт или становление той или иной стратегии. Философская нормативность необходимым

образом изолирует моральный разум от практики, вследствие чего политика оказывалась по ту сторону от морали и, естественно, не регламентировалась высшей формой разума.

Во втором случае политическая доктрина нормативности предполагает радикальный перенос нормирующих действий извне в самое ядро политического процесса. Нормативный аспект политики понимается здесь не как «моральное мышление» о политике или «нормативные основания» существующих институтов, а в качестве реальной движущей силы практической деятельности людей, поскольку они выступают субъектами политики. В центре внимания оказывается субъектная сторона, которая (в отличие от «чистой моральной теории» кантовского типа) рассматривается в ее обусловленности историко-институциональным контекстом. Стратегия, подразумевающая, что политическая этика – это не сторонний продукт моральной философии, а непосредственный результат политической борьбы, изменяет базис морали. Если кантовская мораль не имела феноменального субъекта – субъектом морали выступал здесь сам разум в своей высшей трансцендентальной (метафизической) форме, – то у политической морали существует собственный конкретный социально-исторический субъект. Это ассоциированные, солидаризированные силы, которые в политических актах проясняют нормативные смыслы, регулирующие и мотивирующие то или иное направление борьбы. Таким образом, не отстраненный наблюдатель (лат. *vita contemplativa*), а деятели-политики (лат. *vita activa*), если пользоваться различием Ханны Арендт, берут на себя этические обязательства нести авторскую ответственность за фактические результаты собственных политических решений. Радикальному пересмотру подвергается и форма разума, теперь вне априоризма и апперцепции разум становится детерминированным интересами тех, кто им руководствуется. Это мораль конвенционального типа, у нее появляется субъект ответственности. Сама же нормативность перестает быть синонимом «чистого разума», а становится важнейшим элементом идеологической стратегии, который, по сути дела, отвечает за смыслообразование политики. Другими словами, политическая нормативность создает идеологическую семантику действий, являясь наравне с иными элементами общественных стратегий важнейшей силой, реализующей себя в политической борьбе.

Исходя из различия «этики долга» и «этики ответственности», Макс Вебер делает вывод о том, что главный грех политики – безответственность. Здесь проходит водораздел между политической философией и философией как культурой всеобщего знания. Политику нельзя оскорбить незнанием, ее оскорбляют безучастием, отключенностью. Всякий политический философ – идеолог, а не пророк или свободный от социального ангажемента ученый. Идеолог заинтересован и детерминирован уже тем, что сам является частью истории события, в противоположность эксперту, наблюдающему за кризисом человеческого общежития с почтительного расстояния «чистого cogito». Поэтому все попытки дать политическим явлениям нейтральную, безоценочную характеристику выводят в результате содержание рефлексии за рамки политики – в этику, право, экономику и т.д. Значит, главное, в чем нуждается политика, – так это в политиках. И чем больше людей включено в публичные отношения в качестве политиков, тем значительнее нормативный эффект взаимодействия ценностей. Это и есть первичный идеал демократии.

В современной политологии все более выхолащивается понимание того, что демократия не институциональное состояние – форма государства, а процесс взаимодействия людей в публичном пространстве, в котором феноменализируется субъектность, а значит, по большому счету, происходит самообнаружение людьми самих себя. Самообнаружение критическое, поскольку действительная критика тем и отличается от критиканства, что несет в себе позитивную ценностную ориентацию на всеобщее благо. Политическая критика не имеет права оставить людей у «разбитого корыта», она всегда должна предлагать нечто позитивное взамен. Поэтому политическое существование – необходимым образом нормативно-критическое, иначе как различить намерения людей, проверяющих на прочность «защитные стены Полиса», ведь все ищут в них слабые места, но одни для того, чтобы разрушить, другие – укрепить. Если демократия не является институтом, то что за нормативно-политический феномен разворачивается в ее перспективе? Говоря, что за демократическим процессом скрывается тип общественной коммуникации или язык диалога, мы указываем на технические условия демократии, к которым необходимо добавить еще и механизмы фиксации общественных договоров – аппаратов

консенсуса – и определенный тип рациональности, который отличен, например, от научного, поскольку настроен не на познание истины, а на достижение взаимопонимания между людьми, далекими от обладания универсальным политическим знанием, если таковое вообще существует. Нормативность демократического процесса заключается не в аппаратах, а в направленности ее исторического движения. Демократия ценна прежде всего тем, что только в ее среде политические процессы приобретают качество всеобщей культуры (цивилизации), поскольку *культура*, по самому большому счету, есть путь, который проделывает все человечество, освобождаясь от природного рабства. Нет никаких иных причин считать демократию лучше или хуже сословного или общинного типа организации отношений. Изощенный ум политического эксперта всегда сможет аргументированно прояснить плюсы и минусы альтернатив демократии. Но в перспективе всеобщего освобождения только демократический процесс оказывается изоморфным истории культуры.

Однако остается без ответа вопрос: почему мы говорим о кризисе нормативности? Авторы современных политических стратегий бесконечно далеки от всяких попыток воспринимать политику с точки зрения ее нормативной оценки. Даже тогда, когда Юрген Хабермас¹ говорит о кризисе систем признания политики в «государствах позднего капитализма», он имеет в виду оценку не политики, а тех трудностей, которые возникают в современной политике. Но проблемы возникают в любом процессе, всегда обнаруживаются подводные камни и течения, которые решаются «в рабочем порядке». И было бы крайне несерьезным для политической аналитики опираться на некое «сознание кризиса»: негативных идей не бывает, как нет отрицательных натуральных чисел. В одном из своих интервью Мишель Фуко посмеялся над теми «серьезными» теоретиками, которые сегодня все еще рассуждают о кризисах. Кризис – это «лишь словечко, которое знаменует неспособность интеллектуалов уловить их настоящее». Кризис, продолжил он, «это вечное настоящее». «В современной... истории не было ни одной эпохи, когда отсутствовало бы чрезвычайно тяжкое осознание глубоко переживаемого кризиса»². Но совершенно не смешно, как заметит Фуко, становится тогда, когда мы понимаем, что кризис – это противоречие динамики процесса. *Кризис* политической

нормативности заключен не в препятствиях и тупиках, а в том, что политическому процессу поздней современности стало «не по пути» с культурой. Возникает парадоксальная ситуация: при, казалось бы, высших стадиях развития политических систем, проявлении во всемирном масштабе единственно легитимных нормативов политики – демократии, люди все менее и менее понимают, зачем вообще нужна политика. Перефразируя Алена Бадью, скажем, проблема не в том, что нет партий, способных на программном и деятельностном уровне реализовывать интересы. Наоборот, они есть, но проблема в том, что эти развитые формы политической деятельности никем не востребованы. Просто нет тех, кто в состоянии идентифицировать свой политический интерес и в партийной логике ассоциировать его с другими людьми. «Демократическому совершенству» и прочим «концам истории» человечество отвечает апатией и дезориентированностью. Карл Маркс как-то сказал, что всякий товар есть в определенном смысле производство: дом, являясь товаром, производит живущих в нем людей. Конечно, мы не хотим сказать, что современный политический процесс стал исключительно товарным фетишем, но производство освобождения в институтах свободы парадоксальным образом оказалось под вопросом. Сейчас следует говорить скорее о том, что логика овеществления политики в институтах привела к тому, что политика стала социальной сферой в точном социологическом значении. Политика стала зданием, заселенным политиками. Вебер называл их «политиками, живущими за счет политики». Политическая коммуникация превратилась в процедурный язык коммунального хозяйства, которое худо-бедно функционирует, но смысл всему этому придает уже не необходимость человеческого самообнаружения, а некая ритуализированная традиция по принципу «политикам тоже надо где-то жить». Политический ритуал без понимания того, зачем и почему политика все еще нужна всем людям. Политика как проект власти при апатичном согласии электората – в этом и есть суть кризиса нормативности – монументальный разлом между политикой и разнонаправленными векторами становления культуры.

Безусловно, на некоем более конкретном уровне рассуждений мы могли бы сказать, что данный разрыв ведет к глубинным изменениям эпистемологических основ в современной политической мысли: пропадает старинная, еще картезианская познавательная

согласованность субъекта, объекта и знания. Политические институты уже не гарантируют предметное осуществление всеобщих целей, а межсубъектные отношения строятся на частных интересах, что и фиксируется в усугубляющейся динамике потери легитимности власти. Всеобщая власть просто не в состоянии представлять все частные интересы, а если она осуществляется в чьих-то интересах, то что же здесь остается от всеобщности. На государственном уровне нарастает фундаментальное отчуждение власти от народа, власть оказывается чужой, террористичной, репрессивной; против нее выстраиваются бастионы, огораживающие приватный мир человека от угроз со стороны административной сферы. Между тем *политика*, по самому большому счету, представляет собой духовно-практический процесс создания и регулярного воссоздания такого типа общежития, которое в каждом своем идейном и институциональном элементе воспроизводит культурную целостность народа. Все это проблематизирует саму идею политического со-бытия людей, поскольку ставит под вопрос происхождение, законность и сферу компетенции политической власти. Демократия, все еще воспринимаемая в просвещенческом духе, как правление народа, на поверку оказывается ненародной суверенной властью элиты, правящей лишь во имя декларируемых интересов электората. Коммуникативное основание политического диалога – идеологическое разнообразие общест-венности – оказывается фикцией, поскольку подлинное разнообразие мнений и интересов проявляется в споре о политической форме общежития. А если прежнее идеологическое многоголосье все более редуцируется к единственной нормативной перспективе – либеральной демократии, то противоборство великих в прошлом идеологических стратегий либералов, консерваторов и социалистов оказывается нивелированным в пределах внутренних границ ригидной демократической формы. Идеологические доктрины, когда-то определявшие масштаб и цену политической борьбы, стали просто фракциями, дебатирующими сторонами в единственной либерально-демократической «партии власти». И действительно, как бы ни расходились во мнении политические оппоненты, в главном они едины: демократия – единственно легитимная политическая система. Поэтому в легальном политическом процессе просто отсутствует настоящая оппозиция: для того,

чтобы быть оппозиционным сейчас, необходимо объединиться в «антинародную» партию, но таких «антидемократических» сил в условиях демократии не может существовать (в расчет не берутся маргинальные группы). Конечно, победа личностных ценностей в историческом споре о нормативных основаниях коммуникации – явление неслучайное. Но проблема не в ценностях свободы, а в том, что демократический оппортунизм, который якобы автоматически гарантирует, как говорил Вальтер Беньямин, «пакет свобод», позволяет под ширмой «единственно возможной» политики проводить узурпацию политических, т.е. всеобщих решений. Иначе как объяснить, например, то, что многомиллионные антивоенные демонстрации не имеют для правительств «развитых демократий» никакого значения, что еще нужно, чтобы власть уяснила смысл интереса народа? А ведь с того времени, как, по словам Канта, человечество вышло из своего несовершеннолетия, единственной всеобщей характеристикой общечеловеческой культуры стал мир (в случае с Кантом – не борьба за мир, а состояние, «метафизика миролюбия»). Следовательно, те, кто начинает войны, политическими инструментами опрокидывают культуру в безумие, а это и есть движение прочь от культуры. Налицо утрата смысла споров, позиций, дебатов, обсуждений, поэтому и возникает приватная самоизоляция, а культурное самообнаружение человека происходит не позитивно, а в отчуждении от всеобщей сферы. Как убедительно показывал Талкотт Парсонс, системность – это принцип процесса, и если полис когда-то производил полисный мир – политическую цивилизацию свободы (ойкумену), то дрейф личности в самоогораживание и «оукливание» не может гарантировать открытости политики. Вебер как-то заметил, что государственная власть характеризуется монополией на легальное насилие. Но насилие – явление телесное, оно переживается (даже если речь идет о моральном насилии), и, как всякий телесный феномен, оно организовано по принципу непосредственного, персонального контакта. Именно поэтому Вебер скажет, что даже легальное насилие не может быть публичным – оно всегда интимно. В этой интимности прячется совесть демократического процесса, поскольку стыдно говорить о свободном обществе, законно использующем тайное насилие. Но если нет «антидемократической» оппозиции, то кто укажет на нормативный сбой демократии – узурпацию насилия,

закрепление его за социальной группой (политиками)? Эту проблему Никлас Луман сформулировал по-своему: может ли демократия действовать недемократически для того, чтобы демократическая система продолжала существовать? Ведь мировая демократия уже построена «в основном»...

Состояние развития современных социальных доктрин показывает, что политическая нормативность давно перестала являться чем-то объединяющим. Как раз наоборот, если в основу политической концепции ложатся функциональные критерии, то неожиданным эффектом данной конструкции оказывается становление «демократической элиты», что само по себе есть повод для психиатрического анализа, а не для политической рефлексии. Данный путь предлагают «демократические эмпирики» – последователи Йозефа Шумпетера. На другой же стороне весов – те, кто (от переизбытка нравственности) разделяет людей на «нормальных», живущих «человеческой» жизнью, и «полуавтоматических» администраторов. Следуя логике Юргена Хабермаса, первые способны интерпретировать и разговаривать, другие – лишь санкционировать и запрещать. Как заметил в своей знаменитой критике франкфуртской критической школы Мишель Фуко, необходимо понять, что и первые, и вторые (элита и электорат, администраторы и интерпретаторы) – это одни и те же люди.

Центробежность современной политики, подобно гигантской центрифуге, формирует два доктринальных полюса: функционально-эмпирический и морально-контракционистский. Побочным эффектом данных утрировок оказываются зияющие пустоты объединительных всеобщих идей.

Сторонникам теории демократических агрегатов всякий раз приходится доказывать, что политическая стратификация есть факт, который невозможно обойти с помощью этико-демократического дискурса; поэтому у Шумпетера отличие политической сферы от всех иных представлено весьма явно. Следовательно, суверенитет закрытого круга политических деятелей, как особой элитистской сферы, задан непосредственным характером осуществляемой деятельности – управлением. «Шумпетерианские политики» создают предельно конкретизированный потребительский продукт – целостные виртуальные иллюзии – политические программы. Этот продукт потребляется политическим рынком в различные полити-

ческие сезоны, и единственной нормативной задачей элитистской демократии, по сути дела, остается согласование демократических процедур и агрегированных интересов.

Для хабермасианской делиберации задача нормативного самообоснования – это прежде всего проблема нейтрального взаимодействия административной и коммуникативной сфер. Нейтральность, по мысли Хабермаса, является прямым следствием строго очерченного круга функций, выбор которых был осуществлен в рамках «идеальной речевой ситуации». Однако необходимость общественного признания процедур, присущих этим двум сферам, в значительной мере размывает возможность фактической нетождественности «жизненного мира» и «публичной системы». И коль скоро необходимость легитимации в равной мере актуальна и для частного, и для публичного, то идея делиберативной нормативности повисает в воздухе: необходимое признание политики со стороны публичной и частной автономии невозможно получить в процедурной логике. Иными словами, общественность, сформированная политическими субъектами (общественно автономными), в конечном счете совпадет с «жизненным миром», созданным частными автономиями.

Известную определенность в этом парадоксе можно получить, если предположить, что делиберативной политике дает опору какая-то этическая субстанциональность или своеобразные природно-политические качества субъектов, как их описывает, например, платоновская политическая антропология или гегелевская логика «написания истории» субстантивными классами. Например, в логике Гегеля, политическая субстанция, являясь по сути нравственной свободой субъекта, позволяла говорить о исторической истинности его³. След в нормативной истории могли оставить только те, кто помимо сущностного основания (отношение к земельной собственности) имел еще и феноменальное пространство, где собственно и конституировались отношения между собственниками земли и теми, кто на ней жил и работал. То же представление о субстантивности, только в лексике, более близкой к современным консенсусным теориям, мы находим в дюркгеймовой интерпретации, обозначавшей в качестве «наилучшего порядка» такое положение вещей, при котором все занимают подобающее себе место. Но именно этот субстантивный тип идентич-

ности априорно исключается Хабермасом из процедуры «речевой ситуации». Дело в том, что дискурс в делиберативном стиле исходно построен на принципах ситуативной объективности, которая практически достигается путем обмена разумными аргументами, исключающего не просто насилие, но и какое бы то ни было влияние на участников обсуждения. Заметим, что в логике Хабермаса невозможно даже предположить ситуацию, при которой кто-то из оппонентов хотел бы повлиять на точку зрения другого с одной только целью ее изменения⁴. По Хабермасу, речь, направленная не на прояснение собственных идей, а на скрытое или явное идеологическое ангажирование другого человека, есть насилие, которое разрушает автономию в «жизненном мире», а значит, и свободу, а если по большому счету, то всю демократическую политику⁵.

Логика рассуждений о нормативном каркасе общежития ставит перед Хабермасом выбор: полностью отказаться либо от конкретности субъекта демократии, либо от рационального обоснования причин, по которым идеальная речевая ситуация постфактум будет обеспечивать нравственную легитимность демократии⁶. Отказ от конкретности политического субъекта ведет к постановке проблемы в стиле «деонтологического либерализма», хорошо известного благодаря работам Дж. Ролза. Но если Ролз для обеспечения легитимации («справедливость как честность») предполагал объективацию политического обсуждения с помощью ультраполитического состояния – «исходной позиции под покровом неведения» («вуваль неведения»), то для Хабермаса это может означать утрату предмета делиберативной политики, поскольку с проблемой разумной объективации гораздо лучше справиться, например, правовая теория, а не политическая⁷.

Отказавшись от насилия как практического феномена разумной аргументации, Хабермас тем самым поставил под вопрос весь предложенный им инструментарий практического разума. Ему приходится пересмотреть всю политическую онтологию демократического спора, обсуждения, борьбы. Главным нормативным результатом данной переоценки оказывается практически полный отказ от плюрализма, что в свою очередь ставит под сомнение всю коммуникативную стратегию в политике. Как заметит по этому поводу Муфф: «Попытка избегания последствий ценностного плюрализма совершается посредством проведения

различия между этикой – областью, которая допускает существование соперничающих концепций благой жизни и моралью – областью, где могут быть достигнуты строгое следование процедурам и беспристрастность, ведущие к формулированию универсальных принципов»⁸.

Таким образом, если в теории «агрегативной демократии» закрепление сферы политики за политиками есть исходная причина успешного функционирования демократических процедур, то для «консенсусной» формы демократии то же различие власти и общества происходит как бы в тени неаргументированных следствий нравственности, якобы присущей всей системе делиберативной демократии⁹.

В общем смысле, «теория агрегатов», задуманная Шумпетером как некая попытка спасения либерально-демократической политики, пренебрегла этическими возможностями консолидации граждан. Сделав ставку на политических экспертов, теория агрегативной демократии смогла показать возможность достижения быстрой стабилизации политических институтов. Однако при этом были утрачены стратегические цели: общее благо, воля, ответственность, которые могли легитимировать демократическое государственное устройство.

Коммуникативная версия «общественного договора» Хабермаса, являясь реакцией неприятия на антинормативную политику, стала современной версией, если перефразировать самого Хабермаса, «политики модерна». Другими словами, здесь нормативность (как и во всех классических демократических теориях) должна была быть выражена через рационально-этическое признание политических институтов. Но в погоне за политической рациональностью теория Хабермаса «объективировала» субъектов политики, поставив над их свободным выбором силу рационального аргумента. Таким образом, полнотой демократического суверенитета стала обладать скорее идеализированная «речевая ситуация», нежели гражданский процесс, политический диалог и обсуждения, которые осуществляются в обществе людьми, не всегда и не во всем рациональными. Другими словами, политический консенсус, основанный на делиберативной власти, оказывается не менее репрессивным в отношении свободы личности, чем «суверенитет политиков» в теории агрегатов.

Идея нормативной политики находится в глубоком теоретическом кризисе, поскольку современных теоретиков в гораздо большей мере заботят способы легитимации власти, чем политические смыслы, которые, по мнению многих ставших уже классическими авторов, легитимируют саму политическую культуру. Как подчеркивала Арндт, только те политические проекты можно назвать перспективными, которые могут удержать собственную политичность и не опрокинуться в социальные, юридические, экономические или иные логики самообоснования.

Примечания

- ¹ Первый теоретик, обобщивший современный кризис политической нормативности в авторском концепте – «кризис легитимности в государствах позднего капитализма» см.: *Habermas J.*, *Legitimation Crisis*. Boston, 1975.
- ² *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избр. полит. статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 148.
- ³ Данное утверждение молодого Гегеля, по мысли Г.Лукача, позволяло воспринять класс как действительную силу, способную «дейтельно вторгнуться в общественную действительность и изменить ее в целом» (*Лукач Г.* История и классовое сознание. М., 2003. С. 139).
- ⁴ *Hansen E.* The Foucault-Habermas Debate: The Reflexive and Receptive Aspects of Critique // *Telos*. Spring 2005. Issue 130. P. 76.
- ⁵ *Habermas J.* *Legitimation Crisis*. Boston, 1975. P. 108.
- ⁶ *Bowman P.* Deconstructing Pragmatism: A War of Position // *Parallax*. Oct. 1998. Vol. 4. Issue 4. P. 142; *Parkinson J.*, Legitimacy Problems in Deliberative Democracy // *Political Studies*. Mar. 2003. Vol. 51. Issue 1. P. 180.
- ⁷ См.: *Pettit P.* Depoliticizing Democracy // *Ratio Juris*. Mar. 2004. Vol. 17. Issue 1. P. 52–65.
- ⁸ *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // *Логос*. 2004. С. 188.
- ⁹ См.: *Baumeister A.T.* Habermas Discourse and Cultural Diversity // *Political Studies*. Dec. 2003. Vol. 51. Issue 4. P. 740–758; *Lipscomb M.E.* The Theory of Communicative Action and the Aesthetic Moment: Jürgen Habermas and the (neo) Nietzschean Challenge // *New German Critique*. Spring/Summer. 2002. Issue 86. P. 135–158.

А.Б. Баллаев

Проблема «средних классов» в творчестве Маркса

В литературе, особенно учебной, до сих пор высказываются мнения о том, что К.Маркс признавал исключительно дуальную классовую структуру, не обращая внимания на разнообразную и важную во многих отношениях проблематику «средних классов»¹. На самом деле все не так просто. В некоторых контекстах данная проблематика выходит у Маркса на передний план, и оказывается, что сам подход классика и выводы, к которым он приходит, не лишены интереса и для нашего времени. Речь идет о полемике Маркса с А.Смитом, Д.Рикардо, Т.Мальтусом и другими теоретиками начала XIX в. по вопросам потребления, специфики наемного труда, возможностей экономического и социального прогресса. Видимо, привычки к дисциплинарному ограничению исследовательских «секторов обзора», а также известная недооценка полемики как жанра (сравнительно с позитивно-догматическими типами изложения) препятствовали более объективному отношению историков социальной науки к этому фрагменту марксовской теории. Кроме того, помехи создавались еще и из-за вычитанной из политологических работ Маркса и Энгельса идентификации «средних классов» с так называемой «мелкой буржуазией». Это, конечно, неверно, хотя «мелкая буржуазия» и составляет некую часть «средних классов» как во времена Маркса, так и теперь.

1. Полемика с Т.Мальтусом

Как известно, в работах «позднего» Мальтуса (20-е гг. XIX в.) предложена эвристически перспективная концепция потребления, позволившая Дж. М. Кейнсу в XX в. считать Мальтуса одним из своих предшественников². Мальтус не полагал, как Сей или Рикардо, что производство и потребление или, иначе говоря, предложение и спрос состоят в отношении некой предустановленной гармонии. Более того, отсутствие таковой для Мальтуса – важнейшая характеристика экономической сферы, ее «сущностная», базисная характеристика. По Мальтусу, предложение может и должно несколько превышать спрос, а потребление отставать от создаваемого в производстве, поскольку основные производящие классы – плохие потребители.

В производстве действуют рабочие и предприниматели. Спрос рабочих исходно весьма ограничен, поскольку, по Мальтусу, заработная плата входит в издержки производства, а прибыль реализуется в виде «надбавки» цены товара над всеми издержками. Маркс, не соглашаясь с мальтусовской концепцией «надбавки», согласен с ним в общей оценке спроса со стороны рабочих: «Спрос со стороны рабочих недостаточен, ибо прибыль как раз потому и существует, что спрос, который могут предъявить рабочие, меньше стоимости их продукта, и она, прибыль, тем больше, чем относительно меньше этот спрос»³. Эту мысль Маркс многократно повторяет, например, оценивая в общем смысле потребление рабочих: «Потребление рабочего равно в среднем лишь издержкам его производства, а не его продукту. Весь избыток рабочих, следовательно, производит для других, и таким образом вся эта часть его продукта оказывается производством для других»⁴. Ограниченность потребления рабочих представляет собой угрозу для сферы потребления в целом: оно «заранее подорвано, ибо наибольшая часть населения, рабочее население, может расширить свое потребление лишь в очень тесных границах»⁵. Чем и как эти границы определены, Маркс тоже указывает, но это выходит за рамки данной темы. Отметим только, что тезис «чем меньше издержки на рабочую силу, тем больше прибыль» подтверждаются любым падением предпринимательской прибыли, ибо экономия начинается с сокращения персонала, с экономии на заработной плате. Уменьшение расходов

на заработную плату означает и падение потребительского спроса в целом, хотя отдельные секторы производства могут быть этим процессом и не затронуты.

Спрос со стороны второго агента производства, предпринимателя, также ограничен. Его ограничителем служит необходимость развивать производство. Это выражается в необходимости накапливать, а не потреблять. «Сам капиталист, если он хочет накапливать, не должен... предъявлять спрос на свои продукты, поскольку они входят в доход, в тех размерах, в каких он их производит»⁶. Без всякой «протестантской этики» Маркс выводит «бережливость», тягу к накоплению, отсутствие ведущей роли в потреблении у «деятельного капиталиста» из самой сути данного типа экономической деятельности: «производство у нормального капиталиста», у «деятельного капиталиста», каким он должен быть, является *производством ради производства*⁷. Если же «деятельный капиталист» как социальный персонаж отходит от производства, предпочитает только пользоваться получаемой от своей собственности прибылью, т.е. потреблять, а не производить, то эта функция просто замещается другими (например, менеджерами). Конечно, в реальности между сен-симонистским «деятельным капиталистом» и валлерстайновским «капиталистом как рантье» нет никакой пропасти, но в экономическом смысле их различие принципиально. Маркс это неоднократно подчеркивает, например, упоминая итальянский метод бухгалтерского различения заработной платы и прибыли у одного и того же предпринимателя. Напомним, что вопрос о «спросе предпринимателя» был поднят Мальтусом; именно его точку зрения Маркс анализирует и критикует, хотя в главном между этими теоретиками расхождения нет. Вслед за Мальтусом и Маркс признает недостаточность спроса «агентов производства» для потребления всего ими же производимого.

По Мальтусу, вопрос решается посредством создания особого класса **непроизводительных потребителей**. Эти люди «...не только образуют огромный отводной канал для выбрасываемых на рынок продуктов, но и со своей стороны не выбрасывают на рынок никаких продуктов; так что... они не создают конкуренцию для капиталистов, а, наоборот, все они являются представителями только спроса без предложения и поэтому уравнивают перевес предложения над спросом, имеющий место на стороне

капиталистов»⁸. Что же это за публика, «непроизводительные потребители»? Меркантилисты считали просто, что средством увеличения богатства нации является внешняя торговля – бережливая и производящая товары нация должна их выгодно продавать расточительным, ценящим роскошь другим государствам. Но и у Мальтуса, и у Маркса, а впоследствии и у Кейнса речь идет о нужном типе потребителя в одной и той же стране. Маркс перечисляет приводимые Мальтусом примеры вполне в духе реалий того времени – это земельные собственники, которые присваивают себе, «под титулом ренты», изрядную часть стоимости годового продукта нации. Сюда же относятся нахлебники, оплачиваемые владельцами ренты, «...помогающие им проедать их богатство», прежде всего – домашние слуги. Но, продолжает излагать мысли Мальтуса Маркс, «этих получателей земельной ренты недостаточно для того, чтобы создать “достаточный спрос”». Необходимо прибегнуть к искусственным средствам. Эти последние заключаются в высоких *налогах*, в наличии большого количества обладателей государственных и церковных sineкур, в содержании больших армий, в выплате крупных пенсий, в десятинах в пользу попов, в значительном государственном долге и – время от времени – в дорогостоящих войнах. Таковы “целительные средства” по Мальтусу». Если отбросить социальный страт рантье, «элиминированный», по выражению Кейнса, в XX в., то «непроизводительные потребители» представлены у Мальтуса крупными собственниками и обслуживающим их персоналом, государственным аппаратом, в котором особо выделяется армия, церковь с ее аппаратом, привилегированными пенсионерами. Или, как грубо выражается Маркс, Мальтус старается доказать, «что откормленное духовенство и чиновничество необходимы для создания достаточного спроса на продаваемые капиталистами продукты»⁹. Если оставить в стороне мальтусовские «спецсредства» для обеспечения платежеспособного спроса (государственные долги и войны), то одним из важнейших способов обеспечения средствами «непроизводительных потребителей» являются налоги, отсасывающие прибыль у промышленных капиталистов, а затем государство распределяет ее по уровням своего аппарата и приближенных к государству структур. Далее, Маркс неоднократно добавляет в списки тех, кто отъемлет часть прибыли у промышленников, т.е. земельных собственников

и финансистов, считает земельную ренту и банковский процент средствами перераспределения прибыли. Так, конечно, возникает множество «непроизводительных потребителей». Второй важнейший путь для получения того же результата – использование фондов потребления самих «промышленных капиталистов» и «рабочего населения» – будет рассматриваться в следующем разделе.

В итоге заметим, что «непроизводительные потребители» Мальтуса, несмотря на всю его любовь к ленлордам, борьбу со смитовским культом бережливости и признанием необходимости роскоши все же принадлежат большей частью к «среднему классу». Мальтус предвидел и приветствовал рост этого класса, хотя и со своей специфической точки зрения. Маркс цитирует мальтусовскую мысль о том, что «все люди не могут принадлежать к средним классам», что и низшие, и высшие классы полезны, что их существование обеспечивает рвение, «... с каким каждый стремится улучшить свое положение, что составляет важнейшую причину общественного благополучия»¹⁰. Но главное, конечно, в том, что Мальтус обратил внимание на источник, «порождающую причину» образования средних классов в данном типе общества. Не трудовое рвение, не удача, не индивидуальные усилия и т.п., а простое перераспределение промышленной прибыли с целью создания достаточного платежеспособного спроса служит источником экономического существования «средних классов». В трактовке Маркса добавляется только мысль о прибавочной стоимости как сути промышленной прибыли и неоплаченном труде «рабочего населения», создателя «добавочного продукта».

В остальном же Маркс признает разумность объяснений Мальтуса, обобщая все это в концепте разрыва между производством и потреблением в капиталистической экономике.

По Марксу, общепризнанное в теории единство этих экономических процессов реализуется практически таким образом, что одна часть населения производит за другую, а вторая часть населения потребляет за первую. Единство же или равновесие между производством и потреблением восстанавливается методом кризисов, призванных как-то убрать преизбыток не находящих платежеспособного спроса товаров. Это общее положение в XX в. несколько иронически иллюстрирует наблюдение Кейнса, согласно коему длительность кризиса приблизительно соответ-

ствуует времени постепенного «рассасывания» товарных запасов на складах,¹¹ причем во времена «нового курса» в США на это потребовался не один год.

2. Производительный и непроизводительный труд

В наследии Маркса проблематика производительного и непроизводительного труда занимает заметное место и вне обращения к проблеме «средних классов». Но, как нам представляется, именно для концептуализации представлений о «средних классах», для получения ясного понятийного смысла именно это различие видов труда, введенное А.Смитом, было у Маркса основным.

А.Смит считал производительным труд, который приносит прибыль работодателю (предпринимателю, капиталисту). Соответственно, непроизводителен труд, который прибыль работодателя не увеличивает, а уменьшает. Таковым является труд, который предприниматель финансирует из своего личного дохода, т.е. той части своей общей прибыли, которая поступает в его пользование, используется для личного потребления. Труд же производительный финансируется из капитала, который направляется на обеспечение и развитие производства. И капитал, и доход – это одна и та же собственность предпринимателя, различие тут только в долях, которые собственник может потратить на развитие производства и на личное потребление. Отметим, что речь идет о самых общих характеристиках труда. Маркс неоднократно поясняет, что речь идет только об отличиях *формы*, и потому не суть важно, каково содержание труда, предметная ли это деятельность или нематериальная услуга и т.д. Это может быть и не материальное производство, вовсе не физический труд и т.д. Суть – в источнике оплаты. Маркс отмечает, что с изменением источника финансирования один и тот же вид труда может перейти из производительного в непроизводительный и наоборот. Так, например, по Марксу, оперная певица, работающая по найму на антрепренера, трудится производительно, ее труд приносит прибыль, ее пение – товар, который антрепренерставляет на рынок музыкальных услуг. И, добавим мы, та же певица работает непроизводительно, если ее в том же качестве нанимает богатый человек, который расплачивается с ней из своего личного

дохода и сам, не вынося ее певческих услуг на рынок, потребляет ее пение. Но, подчеркнем для точности, и у Смита, и у Маркса в качестве наиболее точной иллюстрации непроизводительного труда используется труд домашнего слуги. Этот вид труда подразумевает расходы на потребление, а отнюдь не получение предпринимательской прибыли. Как поясняет сам Маркс, это «расход на мое потребление: не прирост моих денег, а, наоборот, их убыль. Это – отнюдь не средство обогащения, как вообще ни одна затрата денег для моего *личного потребления* не является средством обогащения»¹².

У Смита, согласно подробному анализу Маркса, имеется и еще одно принципиальное объяснение различия между производительным и непроизводительным трудом – по вещественному составу, а не по форме. Производитель товаров-вещей занимается производительным трудом, производитель личных услуг – непроизводительным. «Первый вид труда представлен в какой-либо пригодной для продажи вещи; второй вид труда должен быть потреблен во время своего выполнения»¹³. Это определение Маркс считает более элементарным, дополнительным по отношению к первому, поэтому мы здесь о нем только упомянем для полноты картины.

Смит по различным причинам симпатизировал производительному труду и негативно относился к труду непроизводительному. Но главным было то, что производительный труд создает богатство: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого воздействия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй – непроизводительным. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыль его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости... Человек становится богатым, давая занятие большому числу мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит большое число домашних слуг»¹⁴. Из этих слов Смита вытекает, кроме всего прочего, и справедливость замечания Маркса, о том, что «производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда со стороны владельца денег, капиталиста, а не со стороны работника»¹⁵. Однако капиталист капиталисту рознь. Тут высказывается позиция «промышленного капиталиста», в отличие от «праздных

богачей». А.Смит оценивает негативно непроизводительный труд, причисляя к его представителям все слои общества, не занятые в непосредственном производстве. Король Англии попадает у него в один ряд с пауперами, заключенными, проститутками и клоунами – все они живут за счет дохода страны, они не создают товаров и не приносят прибыли. Маркс говорит о «массе так называемых “высших” работников, государственных чиновников, военных, виртуозов, врачей, попов, судей, адвокатов и т.д., труд которых отчасти не только не производителен, но по существу разрушителен и которые тем не менее умеют присваивать себе весьма крупную долю “материального” богатства либо продажей своих “нематериальных” товаров, либо насильственным навязыванием их»¹⁶.

Столь радикальные оценки Маркс объяснял историческим положением буржуазии, отсутствием у нее полной политической и даже экономической власти. Подход к проблеме непроизводительного труда у Маркса более дифференцирован. В многочисленных перечислениях «нахлебников и прихлебателей», потребителей дохода Маркс исходит из существования двух различных типов дохода, получаемых в материальном производстве – это доход предпринимателя и заработная плата. Причем заработная плата рабочего выполняет именно функции дохода, она идет полностью на личное потребление и не может стать средством для развития производства. Соответственно, Маркс относительно четко прописывает и различие типов непроизводительного труда, который связан с одним и другим из основных типов дохода. Тип труда, приближенный по смыслу к «домашнему слуге», понятен и очевиден. А как обстоит дело с аналогичным трудом в отношении «рабочего населения»?

Маркс не видит аналога «домашнего слуги» у рабочего: «Наибольшая часть общества – т.е. рабочий класс – принуждена, впрочем, сама для себя выполнять этот непроизводительный труд; но она может взяться за него лишь при условии, что она предварительно поработала “производительно”. Рабочий может варить себе мясо только в том случае, если он произвел заработную плату, которой можно заплатить за мясо; он в состоянии содержать в чистоте свою мебель и свое жилище, чистить свою обувь только при том условии, если он предварительно произвел стоимость мебели, квартирной платы, обуви. Таким образом, у самого этого класса производительных рабочих “непроизводительным трудом” оказал-

ся тот труд, который они выполняют для самих себя»¹⁷. Как видно, Маркс исключает возможность появления «непроизводительных работников», живущих на доход = заработную плату рабочих, поскольку последние вынуждены заниматься самообслуживанием. Сразу оговоримся, что в концепции Маркса не учитываются факторы гендерной эксплуатации на уровне семьи и домашнего хозяйства, что, согласно феминистским оценкам, указывает на историческую ограниченность данной концепции¹⁸. Но разве только трудом по обслуживанию прямых «витальных» потребностей является «непроизводительный труд» в смитовском смысле?

Маркс упоминает и другие товары, необходимые «производительным работникам», но проходящие под квалификацией услуг. «Покупка же таких услуг, которые выражаются в обучении рабочей силы, дают ей специальность или же только служат ее сохранению; следовательно, например, услуг школьного учителя, поскольку он “промышленно-необходим” или полезен, услуг врача, поскольку он поддерживает здоровье, т.е. сохраняет источник всех стоимостей – самую рабочую силу, – все это покупка таких услуг, которые дают взамен себя “пригодный для продажи товар и т.д.”, а именно самую рабочую силу, в издержки производства эти услуги входят»¹⁹. Маркс считает, что услуги врача можно отнести в графу издержек по ремонту рабочей силы. Вообще же Маркс замечает, что согласно смитовскому делению всякий труд, который «непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самую рабочую силу»,²⁰ следовало бы признать производительным, чего сам Смит не сделал из идеологических соображений. Маркс старается вывести рабочее население и его доход в виде заработной платы из-под подозрения в том, что на этот доход содержится и какая-то часть работников «непроизводительного труда». То, что отрицаемое фактически имеет место в реальной жизни, Маркс знает и учитывает, но считает мизерным в сравнении с непроизводительными затратами «праздных богачей» и просто состоятельных людей, оплачивающих услуги работников «непроизводительного труда»: «То, что рабочему приходится из этой заработной платы выплачивать государству и церкви, составляет вычет за навязанные ему услуги; то, что он затрачивает на воспитание, совершенно ничтожно; в тех случаях, когда он делает эти затраты, они производительны, так как воспитание воспроиз-

водит рабочую силу; то, что он расходует на услуги врачей, адвокатов, попов, – это его беда; остаются еще кое-какие другие виды непроизводительного труда или услуг, на которые расходуются заработная плата рабочего, но их очень мало, в особенности потому, что работы, связанные с потреблением (приготовление пищи, содержание в чистоте жилища, в большинстве случаев даже всякого рода ремонт) рабочий выполняет сам»²¹.

А все-таки, как обстоит дело с той частью людей, которые заняты «непроизводительным трудом», но оплачиваются не из кармана рабочего с его тощей зарплатой, а из более туго набитых кошельков или с банковских счетов «праздного богатства»? Здесь тоже все не так просто: «домашние слуги» А.Смита – это лишь удачная иллюстрация, сам же персонаж более типичен для предшествующих эпох. И слуга, и хозяин живут на один и тот же доход. На доход нации содержится государственный аппарат, армия, пенитенциарная система совокупно с тюремщиками и заключенными, церковь. Но и это только часть. «Разве в любой момент, наряду с пшеницей, мясом и т.д., нет на рынке также проституток, адвокатов, проповедей, концертов, театров, солдат, политических деятелей и т.д.? Эта братия получает хлеб и другие средства существования или увеселения не даром. За это она отдает или навязывает свои услуги»²². В этом перечислении к людям, чья деятельность финансируется из дохода нации, т.е. из государственного бюджета, (т.е. из перераспределенной прибыли промышленников) добавлены некоторые работники шоу-бизнеса и люди «свободных профессий». Отметим, что в другой связи Маркс выводит необходимость существования некоторых видов непроизводительного труда из «недостатков социальной структуры», из «наличия социальных зол»²³. В целом Маркс отличает непроизводительный труд как необходимый компонент потребления, входящий в «издержки потребления» собственников, от «навязанных услуг», причем вместе с таковыми услугами отчего-то чаще упоминаются юристы, в особенности адвокаты.

От работников непроизводительного труда Маркс отличает социальные группы, которые стоят вне этого смитовского деления, – это крестьяне и ремесленники. Они, по Марксу, представляют собой нечто особенное, поскольку соединяют в одном лице и работника, и хозяина, иначе говоря, их производство «не подчинено капиталистическому способу производства»²⁴. Благодаря тому,

что работник «является собственником средств производства, ему достается собственный прибавочный труд, и в этом смысле он относится как свой собственный капиталист к самому себе как к наемному рабочему»²⁵. Эту социальную группу, а также им подобные варианты в сфере литературы, искусства, живописи – всего того, что может быть названо «нематериальным производством», Маркс специально не рассматривает, хотя уже намечает динамику постепенного подчинения этих областей трудовой деятельности общим стандартам наемного труда и капитала (например, в замечании о «фабриках для обучения»)²⁶. Вообще же то, как Маркс понимает экономическую специфику таких социальных групп, как крестьяне и ремесленники, нужно рассматривать специально и подробно, поскольку вокруг этого накопилось достаточно «критического мусора».

Путь от крестьян и ремесленников к «средним классам» не слишком прям, зато в целом «непроизводительные работники» обычно Марксом упоминаются, когда речь идет о росте богатства общества и, соответственно, об увеличении «средних классов». Например, рассуждает Маркс, рост дохода «не ведет, однако, к тому, чтобы на заработную плату расходовалась соответственно увеличившаяся часть совокупного продукта. Те классы и подклассы, которые не живут непосредственно своим трудом, возрастают в численности и живут лучше, чем прежде, и точно также увеличивается число непроизводительных работников»²⁷. «Непроизводительных работников» Маркс не забывает укорить в том, что за свои «нематериальные» услуги они отхватывают себе «весьма крупную долю «материального богатства»»²⁸. С прогрессом производства, с ростом богатства общества слияние «непроизводительных работников» со «средними классами» становится все более тесным и очевидным, поскольку растет и потребность в «отводном канале» для обеспечения платежеспособного спроса. Маркс формулирует это совершенно недвусмысленно, например, когда поправляет Рикардо: «Что он забывает отметить, так это – постоянное увеличение средних классов, стоящих посередине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой – средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увели-

чивает социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч»²⁹. Получается, что Маркс согласен и с Мальтусом, и с Рикардо, и с множеством либеральных теоретиков XIX–XX вв., связывавших рост численности «средних классов» с экономическим ростом, ростом производительности труда и последующим «возрастанием социальной стабильности». Правда, в отличие от них, Маркса все это нисколько не радует. Социальная стабильность общественного устройства, против которого Маркс лично всю жизнь боролся, вряд ли представлялась ему желательным результатом экономического прогресса. Маркс критически относится к той реальности, которую сам признает, – это в принципе и есть его теоретическая позиция в работах цикла «Капитала».

К тому же у Маркса есть всему этому альтернатива, о которой он высказывается очень определенно: «Предположим, что производительность труда повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $2/3$ населения, то теперь участвует лишь $1/3$. Прежде $2/3$ населения доставляли жизненные средства для $3/3$ населения, теперь – $1/3$ – для $3/3$. Прежде “чистый доход” (в отличие от дохода работника) составлял $1/3$; теперь – $2/3$. Теперь нация – если отвлечься от классовой противоположности – должна была бы употреблять на непосредственное производство $1/3$ своего времени вместо прежних $2/3$. При равномерном распределении все имели бы больше времени – $2/3$ – для непроизводительного труда и досуга. Но при капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым... Теперь $2/3$ населения состоит частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проесть доход или – если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках – навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т.п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут в общем стоять на более высокой ступени образования и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т.д.»³⁰.

Этот прогноз, сделанный Марксом в столь давние времена, представляется весьма важным. Всем и так ясно, что с ростом общественного богатства какая-то, весьма дозированная часть должна попасть и к низшим в социальной иерархии. Что касается производительных работников, то «властвующим собственником» сложно с ними делиться, поскольку это увеличивает издержки производства и уменьшает прибыль. Рост образования, увеличение свободного времени, улучшение «ремонта рабочей силы» (здравоохранение) и т.д. – все это весьма нежелательные расходы, от которых предприниматели освобождаются различными способами, в том числе и делегируя свои полномочия государствам. Корпорации ограничиваются уплатой налогов, а недовольство системами образования и здравоохранения фокусируется на государстве, у которого на эти вещи, по определению, всегда не хватает ресурсов. К тому же «бегство от налогов» в экзотические страны без социального законодательства стало общепризнанной эффективной практикой, ограничивающей претензии «производительных работников» в регионах центра мировой экономики. Так что рост «среднего класса» в пределах материального производства не может стать отводным каналом для нужного роста потребления, для обеспечения достаточного платежеспособного спроса.

Однако Маркс и не указывает на рост потребления для производительных работников, его мысль – об увеличении числа работников непроизводительного труда как следствии роста производительности труда. Именно они вместе с «владельцами прибыли и ренты», по Марксу, будут делить фундаментально выросший доход общества. Опять же при верном историческом диагнозе Маркс совершенно в диккенсовском духе представляет себе этих самых непроизводительных работников будущего. Какие там «содержанки» и «кучера»? А вот как быть с топ-моделями-миллионершами, кинозвездами и звездами шоу-бизнеса, всей сферой профессионального спорта? Да что там, кто теперь узнает в целых областях мирового разделения труда скромного «домашнего слугу» Адама Смита? Гигантский пирог всемирного дохода (не путать с капиталом!) делится с огромной иерархией непроизводительных работников, превращая большую их часть в натуральные «средние классы», повышая искомую стабильность системы.

3. Исторические подтверждения и исправления

Никак невозможно, чтобы за время, прошедшее с тех пор, когда Маркс размышлял о причинах, порождающих «средние классы», его теория полностью сохранила свою адекватность изменившейся реальности. В политической экономии нашего времени (если таковая еще имеется) основополагающие категориальные различия А.Смита: доход и капитал, труд производительный и непроизводительный – скорее всего, потеряли свою значимость. Сохраняется некое уважение к трезвости Дж.М.Кейнса с его пониманием значения платежеспособного спроса и необходимости держать в определенных пределах «страсть к накоплению», но десятилетия господства монетаризма во многом это уважение подорвали. Следовательно, суровый реализм Мальтуса, который Маркс считал цинизмом, доказывавшего, что без класса «непроизводительных потребителей» производство не может нормально развиваться, тоже отдает наивностью времен первой промышленной революции. Маркс, полагавший эти различия: доход и капитал, виды труда – важными, фундаментальными основаниями экономической теории, в этом отношении тоже пострадал.

Однако мы знаем, что отношение современной культуры к своему прошлому слишком уж заражено, я бы сказал, комплексом «мухи-однодневки». Люди науки, как и люди прочих областей «духовного производства», часто относятся к предшественникам как к конкурентам или соперникам. Хоронят здесь с большим удовольствием, чем воскрешают. К социальной теории это относится чуть ли не более, чем к другим. Поэтому и Маркс постоянно попадает в забытые покойники, но с ним везет меньше, чем с другими. Отчего-то время от времени приходится объявлять очередной «ренессанс» этого мыслителя. Между тем в его концепциях, в частности и в теории «средних классов», кое-что действительно отмерло, просто отпало, отработало свой ресурс. Что же это?

Радикально изменилась феноменологическая картина «средних классов». Как-то ушел в прошлое особый социальный слой рантье, социологи стали делить «средние классы» на «новые» и «старые», причем и старых, пожалуй, во времена Маркса еще почти не наблюдалось (кроме разве что мелких торговцев). Что ка-

сается новых, то эти детища компьютерной эпохи и вовсе были немислимы до второй половины XX в. С ростом материального богатства общества появились целые «вторичные»-«третичные» сферы приложения человеческого труда, частично или полностью связанные с потреблением, – туризм, спорт, киноиндустрия, гигантское развитие пережили за это время образование и здравоохранение, наука, сфера обслуживания и т.д. Расходы государств на свои классические нужды (армия, флот, пенитенциарная система, чиновничество) также подпрыгнули до небес. В некоторых странах большая часть дохода нации уходит в эту сферу. Да и в материальном производстве возникли области, в которых историческая новизна производимого продукта позволяет корпорациям за счет высоких прибылей выплачивать части своих сотрудников невообразимые ранее заработные платы, делать их акционерами, оплачивать медицинское обслуживание и обеспечивать значительные пенсии. Корпорации делятся доходом с сотрудниками. Ясно, что в последнем случае речь идет о производительном труде, по Смиту, но сочетание в заработной плате работника компонента «платы за пользование рабочей силой» с некими бонусами из дохода корпорации для особо нужных людей – это явление достаточно новое и существенное для объяснения специфики современных «средних классов». Это, конечно, резко контрастирует с положением неквалифицированных работников или трудящихся в «третьем мире», но само по себе важно для рассмотрения нашей темы.

Все эти сферы деятельности еще можно рассматривать с позиций А.Смита, хотя производительный и непроизводительный труд в них представлены в самых разных сочетаниях, микстах и сращениях. Для нас существенно, что многие из них непосредственно относятся к непроизводственной сфере и так или иначе связаны с использованием дохода общества (а не капитала!). Соответственно, в них наличествует, возможно, подавляющая доля тех, кого социологи могут назвать «средним классом», пользуясь описательными характеристиками Макса Вебера и его последователей.

Итак, изменилась феноменология. Что же осталось? Видимо, указанная Марксом социальная специфика *Mittelklassen* не могла сделаться другой, поскольку историческая форма общества осталась той же самой. То обстоятельство, что Маркс по времени находился ближе к *началу существования* этой формы (хотя ему самому

так не казалось), позволяло ему более легко усмотреть ее отличительные характеристики. Дело касается не только общей трактовки капитализма, но и более частных, но выразительных спецификаций. Например, истолкование наемного труда как «жертвы» объединяет всех экономистов классического периода, даже Т. Мальтус выражал желание, чтобы в будущем такой труд сократился сколь возможно, из гуманных побуждений. Марксу и его современникам сложно было представить, что далекий от восьмичасового ограничения рабочего дня труд прядильщика, ткача или строителя может быть «жизненным призванием» для нормального человека. Да и никто этого от них не ждал. Вся экономическая публицистика, да и реальная практика управления производством за столетия наполнена соображениями о том, как бы заставить ленивцев-пролетариев добросовестно работать и не воровать. Наши нынешние управленцы думают о том же и так же. И понятно, почему. Примеров тому, что со снятием экономического принуждения к труду люди, скорее всего, просто перестанут работать вовсе, уже достаточно. Принудительный же труд трудно изобразить реализацией экзистенциальных желаний работника.

Правда, ныне же во множестве появляются доказательства того, что характер наемного труда столь изменился, столь приблизился к характеру «хобби», любимого занятия, что говорить об эксплуатации уже не следует (хотя о труде вовсе без оплаты подобным идеологам пока говорить в голову не приходит). Сидение за компьютером, составление программ, разработка новой техники и просто научная работа, и т.д. – уже массовые виды трудовой занятости, и их приравнивают к творческому труду, который сам себе награда. Видимо, не совсем еще так, поскольку и тут требуется капитал, нужно, как и во времена Маркса, вкладывать деньги в оборудование, оплачивать работников, беспокоиться о платежеспособном спросе, страшиться кризисов и т.д. Или, точнее, как бы ни менялось содержание труда, *по форме налицо тот же производительный труд, та же система наемного труда и капитала.*

Как и встарь, система требует поляризации («недопотребления» и «перепотребления» (по Мальтусу), и с ростом производительности труда «излишки» товарной массы заставляют систему порождать «потребителя как такового». Рост дохода, перехлестывающего через возможность превращения в капитал или потребления

«верхами» социума, заставляет беспокоиться о платежеспособном спросе: откуда ему взяться? Потребляя опасные «излишки», «средние классы» выполняют свою основную функцию – ответственно за платежеспособный спрос. Конечно, справиться с этой задачей, несмотря на страховку со стороны «социального государства», им трудно, ведь экономический рост весьма сложно контролировать, управлять им, подгонять или сдерживать. Напомним многократно повторяемую Марксом мысль о том, что при данном типе общества между производством и потреблением не может быть гармонии. Несомненно, что государственное перераспределение общественных доходов может быть совершенно непродуктивным: научные эксперименты с идиотическими целями, но очень дорогие; содержание армий и совершенствование вооружений, дело тоже недешевое. Вспоминается комический опыт нейтральной северной страны, в которой военные отчего-то регулярно перед принятием очередного бюджета ловили в заливе близ своей столицы советские подводные лодки. Возможны и периоды так называемого «перепроизводства» (недостаток платежеспособного спроса), когда экономика страдает и прибыль в целом уменьшается. «Перепроизводство проистекает как раз из того, что масса населения никогда не имеет возможности потреблять больше среднего количества необходимых жизненных средств и, следовательно, ее потребление не возрастает соответственно увеличению производительности труда»³¹. Тогда «средние классы» получают свою дозу негатива в виде отстранения от кормушки, кто-то может и сильно пострадать (как исчезла социальная группа или, как выражается Маркс, «подкласс» рантье). Когда же вновь потребуются усиленный спрос, «средние классы» реанимируются, и все переходит на следующий этап.

Кроме того, владельцы глобальной собственности вкуче – промышленный капитал, финансовые «властители мира» и прочие – не страдают излишней щедростью. Вопли о «дороговизне» сопровождали жизнь «социального государства» с момента его зарождения: экономия на многострадальных образовании и здравоохранении украшает, видимо, бюджеты всех членов ООН. Особенно впечатляют идеологические утверждения о том, что весьма относительный достаток жителей Европы и США, достигнутый в славное послевоенное тридцатилетие, породил «общество потребления» и поколения потребительствующих «middle classes». На самом деле,

конечно, людей убеждали, что их потребности должны ограничиваться предлагаемым им довольно жалким уровнем потребления, к тому же еще и долженствующим быть стимулом к трудовой повинности, ведь «средние классы» никак от нее не освобождены. Возможно, пожалуй, что живущему в джунглях аборигену потребление «среднего европейца» покажется сказочно избыточным, но в реальности оно убого, ограничено некоторыми «надбавками» над материальным жизненным уровнем, фиксированным в лассалевском образе «железной заработной платы». К тому потребление точно соответствует необходимости сбыта господствующих на монополизированных рынках типов товаров и т.д.

4. Заключительные замечания

В итоге получается, что у Маркса имеется собственное видение экономической специфики «средних классов» и некое предвидение их развития. Далекое от революционистских ожиданий, это понимание наполнено суровым социальным критицизмом. Реализм теоретический сопровождается у Маркса резко негативными оценками наличного бытия «средних классов» и ожидающего их будущего. Именно критической направленностью тексты Маркса отличны от современных ему и последующих, вплоть до наших дней, сочинений о «средних классах» как о гарантах стабильности и создателях либерального «гражданского общества», притом что фиксация реального положения дел в этой области у всех очень близка, почти идентична. Схожи и прогнозы Маркса, Рикардо и Мальтуса относительно роста средних классов по мере роста производительности труда.

Только то, что печалит Маркса, радует «апологетов капитализма» начиная с Т.Мальтуса. Но, мне кажется, здесь не следовало бы ни слишком ликовать, ни чересчур печалиться. *Система медленно, но меняется.* Вместе с ее трансформациями перемены заметны и в «средних классах». Их немало, но хотелось остановиться на одной, всем очень заметной. Произошли изменения в структуре «средних классов», не слишком тесно связанные с прогрессом промышленности, но в тоже время из результатов этого развития в XX в. вытекающие. Призыв Маркса к тому, чтобы считать «производствен-

ными затратами» затраты на медицинское обслуживание и образование рабочих, был услышан и воплощен в жизнь с различной степенью полноты. А именно, в практике многих государств вошло всеобщее среднее образование и медицинская помощь населению, государство взяло на себя эти функции. Государство тянет неприличный для себя воз социальных гарантий не без скрипа и попыток от них освободиться. Конечно, налоги платят все, и своя доля в расходах здесь есть и у низших социальных слоев; о качестве выполнения социальных функций государством тоже можно говорить, чаще всего люди им недовольны, но для нас важно другое.

Маркс оказался прав, утверждая, что доход (заработная плата) рабочего населения недостаточна для того, чтобы оплачивать услуги непроизводительных работников. В какой-то мере это преодолевается, совокупный доход (часть его) рабочего населения при посредстве государственной распределительной политики, с привлечением средств от налогообложения «имущих» входит в систему оплаты услуг «непроизводительных работников». А это означает, что вместе с традиционным и бесконечно прожорливым аппаратом государства, вместе с офицерами, полицейскими, чиновниками, политическими деятелями и т.д., средства бюджета получает огромная армия врачей, учителей, преподавателей высших учебных заведений и т.д. Формально приравненные к «прихлебателям и нахлебникам», эти люди представляют собой новый «подкласс» или особый вид «среднего класса», во многих смыслах отличный от исторически типичных чиновничества или офицерства.

Иерархия работников «непроизводительного труда» достаточно четкая: верхние ее слои непосредственно сливаются с «экономической властью» общества, а низшие слои опущены в отношении оплаты почти на уровень неквалифицированного труда в материальном производстве. Но эти же люди, «бюджетники» всех социальных государств, согласно веберовским критериям, полностью или частично входят в «средний класс», это не люмпены, не маргиналы, не рабочие на конвейере и т.д. Что же делает их людьми «нижшего среднего класса», только ли маленькая зарплата? Видимо, таковыми они становятся по вине тех, кому оказывают медицинские и образовательные услуги. Социальная поляризация в том и состоит, чтобы уровень развития «рабочего населения» соответствовал этой их основной функции (иначе работник, как заметил

еще Сисмонди, становится непригоден к труду). Равным образом «непроизводительный труд», оказывающий услуги рабочему населению за государственный счет, и должен быть «пролетаризированным», экономически сцементированным с социальным уровнем своей клиентуры. Доход производительного работника задает масштаб той части материального богатства общества, которая доступна «полупролетариям от среднего класса», обучающим и лечащим пролетариев полных.

Напомним, что говорил Маркс о последствиях роста производительности труда. Увеличение количества плохо оплачиваемых «непроизводительных работников» – одно из таких следствий. Конечно, художники, артисты, ученые, врачи и преподаватели, о которых мы уже говорили, согласно учебникам по социологии, профессионально относятся к средним классам. Их же коллеги, несколько более удачливые, трудятся в сфере обслуживания «имущих» и уже социально приближены к «высшему среднему классу». Отчего бы не верить, что дело в личном успехе, личных качествах, карьерной удаче и т.п.? Люди и верят. Но на самом деле речь идет о простом различии между огромным доходом предпринимателя или финансиста, которым они частично делятся с всякого рода «обслужкой», и зарплатой «рабочего населения», преобразившейся с подачи государства в тощее бюджетное финансирование, медицинские страховки или пособия по безработице и пенсии. Замороженные рекламной пропагандой и идеологической дрессурой, бедные «середняки» в большинстве своем, видимо, привержены стандартно-либеральным ценностям, и это вполне понятно. Однако и давление на правительства с целью улучшения достигнутых результатов деятельности «социального государства» имеется, отказываться от полученного «средние классы» не собираются. И, как нам представляется, новые армии «непроизводительных работников» имеют большие шансы, чтобы улучшить и развить «социальное государство», явно делающее еще первые шаги на трудном и тяжелом пути истории. А нам достаточно представить, какими могли бы быть следующие продвижения «социального государства», чтобы понять, насколько оправдана тотальная война, объявленная ему мировой «экономической властью», и в какой степени эта война является превентивной, предвосхищающей возможный ход событий, чтобы, как любит выражаться И.Валлерстайн, «изме-

нить все, чтобы оставить все как было». Ибо, если у системы еще есть «шанс жизнеспособности», то новые шажки и шаги в росте производительности труда непременно потребуют усиленной подкормки «непроизводительных потребителей», олицетворяющих категорию платежеспособного спроса, а гарантий безопасности для системы продолжение этого процесса отнюдь не дает.

Примечания

- 1 См.: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 68–72; Гидденс Э. Социология, М., 1999. С. 200–201.
- 2 Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 332–334.
- 3 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 396–397.
- 4 Там же. С. 276.
- 5 Там же. С. 548.
- 6 Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 120–121.
- 7 Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 276.
- 8 Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 46.
- 9 Там же. С. 53.
- 10 Там же. С. 58.
- 11 Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 305–306.
- 12 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 411.
- 13 Там же. С. 155.
- 14 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 2. М., 1962. С. 244.
- 15 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 139.
- 16 Там же. С. 157.
- 17 Там же. С. 148.
- 18 См.: Фолбр Н. Патриархатный способ производства // Гендер и глобализация. Теория и практика международного женского движения. М., 2003.
- 19 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 149.
- 20 Там же. С. 154.
- 21 Там же. С. 197.
- 22 Там же. С. 151.
- 23 Там же. С. 283.
- 24 Там же. С. 417.
- 25 Там же. С. 418–419.
- 26 Там же. С. 421.
- 27 Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 623.
- 28 Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 157.
- 29 Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 636.
- 30 Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 205–206.
- 31 Там же. С. 520.

А.Г. Мысливченко

Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве

Предметом анализа в этой статье является вопрос о соотношении демократии с политикой и экономикой, точнее – о соотношении института собственности и политического (государственного) регулирования. При этом я исхожу из представления о том, что демократия вырастает не из особой, политической сферы управления, а представляет собой способ функционирования и развития всего общества, одну из форм свободной коммуникации граждан, основанной на взаимопонимании.

Анализ соотношения политики и экономики теснейшим образом связан с понятиями собственности и субъектов экономической власти. Поэтому вначале следует определиться относительно самого понятия собственности, имеющего три аспекта: юридический, экономический и философский. В античную эпоху римские правоведы, опираясь на представление Аристотеля, определяли понятие собственности как владение, пользование и распоряжение (это определение сохранило свое значение до нашего времени). Позже появились различные естественно-правовые теории собственности. В Новое время (Локк и др.) возникновение собственности истолковывалось как результат трудового воздействия человека на природные объекты. В классической политической экономии категория собственности была включена в трудовую теорию стоимости. Опираясь на эту теорию, К.Маркс связывал отношения собственности со всей совокупностью экономических отношений. С юридической точки зрения, восходящей к римскому праву, соб-

ственность – это пакет прав владения, пользования и распоряжения, раскрывающих властный аспект, волевое отношение владельца к предмету собственности. Экономический аспект отражает связь понятия собственности с общественно-производственными отношениями в обществе, т.е. раскрывает сущность ее экономических отношений, заключающуюся в праве присвоения части создаваемых благ. Таким образом, отношения собственности носят экономический характер, юридически закрепленный в принципах и нормах права. В этом качестве они обретают социально-философский статус, образуя фундамент системы общественных отношений. Некоторые мыслители затрагивали и философско-психологические аспекты определения собственности. Так, Д.Юм связывал ее со справедливостью и психологией. В.С.Соловьев – с нравственностью и психологией, т.е. с самим существом человеческой личности. Иными словами, собственность в философском плане истолковывается как один из способов самоутверждения человеческого Я посредством присвоения предметов производственного и личного потребления.

По мере развития производительных сил отношения и формы собственности претерпевали эволюцию. Особенно важные изменения произошли на рубеже XIX и XX вв. Прежде всего речь идет о том, что возникновение монополий, финансового капитала, акционирование предприятий и т.д. инициировало новое понимание соотношения экономики и политики, института собственности, субъектов экономической власти и роли государства, его политико-экономических функций. Теоретическое истолкование этих вопросов теснейшим образом связано с развитием идей социального государства и демократии.

В характере взаимоотношений между субъектом собственности и политической властью в капиталистических странах произошли существенные изменения. В XIX в. владелец собственности выступал сувереном не только в экономической сфере, но и политической. Если в XIX в. владельцы собственности одновременно выступали и как господствующая политическая сила, то в XX в. произошла трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. Акционерные общества, кооперативные предприятия и т.д. демонстрировали процесс эрозии единоличного управления частной собственностью, возможность распределения

прав собственности между различными субъектами власти, возможность социализации отдельных функций права владения, которые законодательным путем изымались из частного владения и закреплялись за различными государственными и общественными организациями.

Осознание этого процесса привело многих политиков к постепенному отказу от прежней догматической интерпретации как самого института частной собственности, так и идеи обобществления в форме всеохватывающей государственной национализации средств производства.

В марксистской литературе понятие собственности обычно анализировалось в трех основных аспектах. Во-первых, в плане выявления исторических условий ее возникновения; во-вторых, как право владения собственностью, закрепленное юридически; в-третьих, определялись особенности различных форм собственности (общественной, частной, кооперативной и т.д.) и их влияние (положительное или отрицательное) на общественный прогресс. Отсюда вытекало преимущественное внимание к выяснению процентного соотношения между государственной (национализированной) и частной собственностью в той или иной стране. И делался вывод, что чем больше процент национализированных средств производства, тем больше создается условий для осуществления социалистических принципов. И наоборот.

Вследствие такого подхода широкое распространение получило представление, которое можно назвать дихотомическим, изображавшим право владения по принципу «или-или», т.е. это владение может быть или частным, или государственным (общественным). Однако, как будет показано ниже, в XX в. дихотомический подход перестал соответствовать реалиям общественно-экономического развития стран и не способствовал адекватному пониманию вопроса о субъекте власти, о соотношении экономической и политической власти. Поэтому в западной политологии был выдвинут другой методологический принцип, получивший название функционального.

Политико-философской платформой такого подхода послужили идеи Карла Поппера по вопросу о соотношении экономики и политики. Характеризуя марксову разновидность историцизма как экономизм, он все же соглашался, что между экономическими

условиями и идеями действительно существует взаимодействие, но это не просто односторонняя зависимость идей от экономики. В теории «открытого общества» и социальной инженерии Поппер пришел к знаменательному выводу, что в соотношении экономики и политики решающее значение имеет не экономика, а политика. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью. «Демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия – это контроль за правителями со стороны управляемых»¹. Таким образом, политическая власть может и должна контролировать экономическую, разрабатывать программу защиты нуждающихся, а также вести борьбу со злоупотреблениями экономической власти, например, коррупцией.

Отвергая широко распространенное представление, согласно которому экономическая власть является корнем всех зол, Поппер вместе с тем обращал внимание на другие опасности, порождаемые бесконтрольной властью любой формы. Деньги становятся опасными тогда, когда на них можно купить власть – непосредственно или путем порабощения экономически слабых. Фундаментальная проблема всякой политики – проблема контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти в государстве. Поэтому социальная инженерия предлагает превратить правовую систему в мощный инструмент политики. В этой связи следует проводить различие между личностями (лицами) и институтами. Всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной. И хотя политические проблемы могут требовать именно личных решений, все же всякая демократическая долгосрочная политика должна разрабатываться в рамках безличных институтов. «В частности, проблема контроля за правителями и проверка их власти является главным образом институциональной проблемой»².

Обсуждение выбранной нами темы в дальнейшем будет вестись в контексте представлений о социальном государстве как особом, социально ориентированном типе государства с развитой многоукладной экономикой, высоким уровнем социальной защищенности всех граждан в условиях представительной демократии. Появление собственно социальных функций у государства произо-

шло во второй половине XIX в. После II мировой войны идеи социального государства были возведены в конституционный принцип многих государств. Сформировались континентально-европейская, скандинавская и англо-американская модели социального государства, различающиеся по степени и способам реализации задач социальной политики. Согласно конституции, Российская Федерация также является социальным государством. Однако его идеи только лишь начинают реализовываться. Европейская модель социального государства, получившего название «государства благосостояния», – результат исторической борьбы различных общественно-политических движений как левой, так и правой ориентации, хотя и в различной степени. Современное социальное государство – совокупность социальных институтов, регулируемых государством, опирающимся на институты гражданского общества. Его главная функция – политическое регулирование сфер социального обеспечения, жилищного строительства, здравоохранения, образования, трудовой занятости, охраны внешней среды и др. Социальное государство призвано обеспечить правовое обоснование и достойный уровень поддержки в названных сферах для всех членов общества.

В современных условиях важное значение имеет поиск новых форм социализации, обновленное истолкование тех ее форм, которые получили название обобществления. В теоретическом плане понятие обобществления представляет собой трансформацию отношений собственности посредством превращения частной формы собственности или отдельных функций права владения (контроль, распределение) в государственную (национализированную) или общественную (коллективную) форму владения средствами производства. В первом случае образуется государственный сектор экономики, во втором – общественный (кооперативы, акционерные общества и др.). Еще К.Маркс в 3-м томе «Капитала» обращал внимание на то, что создание акционерных предприятий представляет собой «переходный пункт» к новому, обобществленному способу производства, к превращению капитала в собственность ассоциированных производителей. В современных высокоразвитых государствах ростки обобществления, представляющие собой по сути дела процесс социализации капитала, проявляются в создании новых видов кредитных, страховых, акционерных обществ и кооперативов, прогрессивных систем налогообложения.

Таким образом, бывшая когда-то популярной среди социалистов идея всеохватывающего централизованного планирования в настоящее время отвергается, но широко практикуется государственное регулирование и целевое программирование экономики. В программах партий социал-демократического толка подчеркивается, что процесс обобществления происходит не революционным путем ликвидации частной собственности, а посредством постепенного расширения прав производителей на долю продукта и власти. Особое значение придается попыткам применить на практике принцип «коллективного совладения через коллективное капиталонакопление».

Исходя из такого понимания института собственности и категории обобществления, видный теоретик немецкой социал-демократии Томас Майер пишет, что «если отдельные из этих прав те, кого они касаются, возьмут себе или по меньшей мере смогут участвовать в их осуществлении, то часть экономической власти уже подпадала бы под демократический контроль, даже если бы частная собственность не была ликвидирована. О чем идет речь на самом деле – это реальная демократизация полномочий на принятие решений в экономике, а не просто формальное изменение юридического названия собственности»³.

В нашей литературе «функциональный» подход к проблемам частной собственности до сих пор по-настоящему не осознан и не раскрыт. О нем вообще мало кто знает. Преимущественное внимание обычно уделяется традиционному, дихотомическому выяснению процентного соотношения между национализированной (государственной) и частной собственностью в той или иной стране. Как будто это имеет решающее значение...

Между тем вот уже несколько десятилетий существует шведская модель общественного развития, получившая название «функционального социализма» (ее обосновали Н.Карлебю, Э.Унден, Г.Адлер-Карлссон и др.). Наиболее полную разработку эти идеи получили в книге Гуннара Адлер-Карлссона «Функциональный социализм. Альтернатива коммунизму и капитализму» (1970)⁴. Автор развивает нетрадиционный подход, имеющий эвристическое значение для дальнейшего обсуждения этой проблематики. Он считает, что до сих пор «право владения (собственности)» рассматривалось как нечто однозначное, неделимое (т.е. или как целиком

государственная, или как целиком частная форма владения собственностью), что вело к затемнению сути дела. Между тем, говорит Адлер-Карлссон, нужно посмотреть на вопрос в свете функциональных свойств понятия права владения. И тогда обнаружится, что оно состоит из многих функций, которые можно распределять между различными субъектами власти.

В отличие от интерпретации «или-или», функциональный подход делает акцент на том, что оказывается более существенным, – на структуре права владения, охватывающей целый спектр функций (правомочий), таких как владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и продуктов производства и т.д. Одни из этих функций (например, юридически закрепленное право владения) могут оставаться в частной собственности, другие же могут быть «обобществлены», или социализированы.

Экономическая система современных развитых стран имеет многоукладный характер. В ней представлены различные формы собственности: частную, государственную, кооперативную, акционерную (частная и коллективно-трудовая).

В Швеции сложилась в известной мере парадоксальная ситуация, которая характеризуется сохранением основных средств производства в частном владении (85–90% производства) при одновременном изъятии и социализации ряда функций права собственности. В результате такой социализации сложился мощный «общественный» сектор, охватывающий бюджетные расходы на социальное обеспечение, оборону, образование, здравоохранение, науку, культуру, управление и т.д. Обращает на себя внимание, что этот сектор возник в результате не традиционно понимаемой национализации, а функциональной социализации в вышеназванном смысле. Таким образом, решающее значение придается не праву собственности, а политическому управлению отдельными ее функциями, т.е. контролю над производством и распределением его продуктов через соответствующую налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.

Среди многих инструментов, создаваемых для общественного контроля за экономической властью, важнейшую роль играют производственные комитеты, призванные обеспечивать соучастие наемных работников во всех основных вопросах деятельности предприятия («производственная демократия»).

В программе СДПГ утверждается, что в современном государстве более одной трети социального продукта проходит через руки государства. Поэтому вопрос заключается не в том, целесообразно ли распоряжение и планирование в экономике, а в том, кто осуществляет это распоряжение и кому оно приносит пользу. Частная собственность на средства производства имеет право на защиту и поощрение в той мере, в какой она не препятствует созданию справедливого социального строя. «В крупной экономике распорядительная власть перешла преимущественно к управляющим, которые, в свою очередь, служат анонимной власти. Тем самым частная собственность на средства производства утратила здесь в значительной степени свою распорядительную власть... Всякое сосредоточение экономической власти, в том числе и в руках государства, таит в себе опасность. Поэтому общественная собственность должна строиться на принципах самоуправления и децентрализации»⁵.

«Функциональное» истолкование института частной собственности принципиально противостоит марксистской традиции, согласно которой решающая роль в развитии общества принадлежит именно форме собственности. По мнению же социал-демократов, задача состоит не в том, чтобы уничтожить механизм частной собственности в обществе, а в том, чтобы заставить собственника капитала поделиться той властью, которую эта собственность порождает. А форма собственности сама по себе не так уж важна, лишь бы она давала положительные результаты.

Выступая против всеобщего огосударствления экономики, социал-демократы вместе с тем не исключают возможности и необходимости оказывать более кардинальное влияние на структуры собственности в хозяйственной жизни и изменять их. Так, в программе социал-демократической партии Швеции ставится задача сломать концентрацию экономической власти, означающую, что в крупных секторах экономики продолжают доминировать интересы немногих, прежде всего олигархов. Для решения этой задачи предлагается развивать упоминавшийся выше принцип «коллективного совладения через коллективное капиталонакопление». Если потребуют интересы общества, то социал-демократы допускают, «чтобы в собственность или под контроль общества перешли природные ресурсы, кредитные учреждения или отдельные предприятия»⁶. Банки, кредитные учреждения и страховые обще-

ства должны находиться под общественным надзором. Правда, возможность названных мер допускается лишь при условии, что этого «потребуют интересы общества», но не-ясно, каким образом это может произойти.

Важное значение в поисках способов воздействия на инвестиционный капитал придается различным формам «коллективного капиталонакопления». Так, в 1975 г. группа шведских экономистов из числа социал-демократов и деятелей профсоюзов во главе с Р.Мейднером выступила с проектом создания особых фондов, получивших название «фондов трудящихся». Замысел состоял в том, чтобы определенный процент прибыли предприятий (поначалу называлась цифра 20%, но в ходе дискуссий она понижалась) отчислялся в этот фонд с тем, чтобы в дальнейшем полученные средства превратить в акции предприятий, а работников – во владельцев этих предприятий. По сути дела, речь шла о том, что предлагалась схема поэтапной социализации и передачи в руки профсоюзов большей части экономики Швеции. Однако этот проект встретил жесткое сопротивление со стороны капиталистов. Противники создания фондов указывали, что коллективная форма владения приведет к снижению эффективности и рентабельности предприятий и к концентрации функций владения в руках небольшой группы профсоюзных и социал-демократических функционеров. В результате с 1978 г. в проект был внесен ряд поправок, а в 1983 г. был выдвинут новый вариант, который предлагал промышленникам внести определенную сумму в пенсионный фонд, а взамен трудящиеся должны были согласиться на снижение заработной платы. В итоге важная идея заглохла, а попытки создания фондов как формы «коллективного капиталонакопления» так и не увенчались успехом.

Одна из причин этого, видимо, кроется в самой природе категории собственности. В этой связи один из авторов переведенной на русский язык книги по истории шведской социал-демократии пишет: «Курс на постепенное обобществление прав собственности неизменно упирается в тупик, как только общественное вмешательство доходит до фундаментальной сути права собственности (остававшейся, впрочем, никак не сформулированной). С этой точки зрения собственность – не луковица, которую можно очистить полностью, а скорее артишок: после снятия наружных слоев

у него остается твердая, прочная сердцевина. Окончательно разрешить этот вопрос могло бы только полное разрушение права собственности...»⁷. Но об этом кардинальном способе, конечно, никто всерьез не говорит.

Наиболее весомый вклад в построение социального государства внесли европейские социал-демократические партии. Главным их политическим инструментом выступает национальное социальное государство, использование демократических институтов для проведения политических установок. Основу институциональности государств благосостояния образует система централизованных социальных соглашений между главными участниками экономической жизни – профсоюзами, работодателями и государством, которое легитимирует и контролирует соглашения. Это создавало производственную основу для перераспределения доходов посредством введения прогрессивной шкалы налогообложения, высоких налогов на прибыль и широкой системы социальных выплат. Достигнуты впечатляющие результаты в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, трудовой занятости, культуре и т.д.

Решение задач социального государства напрямую зависит от состояния экономики. Особое значение в формирующейся посттехногенной модели общественного устройства приобретает рациональная социальная организация, ориентированная на достижение консенсуса между различными социальными слоями не только и не столько за счет перераспределения ресурсов, сколько за счет более эффективного их использования. Этот подход получил название «интегрирующей демократии». Согласно этой концепции, одной лишь политической демократии недостаточно, нужно, чтобы все трудящиеся имели возможность равноправно участвовать в организации общества и в управлении. Демократические идеалы должны пронизывать не только политическую жизнь, но социальную сферу и экономику. Теоретики социал-демократии отдают предпочтение демократии не как классовому правлению (например, пролетариата), а как правлению всех на основе принципов консенсуса. Отсюда призыв – от политической демократии к социальной и экономической демократии. В Швеции концепция интегрирующей демократии сочетается с другим идеалом – концепцией общества и государства как «дома народа», в котором царят равенство, внимание друг к другу, сотрудничество и взаимопомощь.

Для борьбы с бюрократизмом и отчуждением населения от институтов власти практикуются различные формы участия граждан в обсуждении и решении социально-экономических и других вопросов: создание на предприятиях и в учреждениях производственных и профсоюзных комитетов, независимых общественных организаций и комиссий, поощрение многообразных форм взаимной помощи и т.д. Взят курс на формирование «общества соучастия», осознания гражданами важности и нужности своей роли в государстве, чувства личной ответственности не только за себя, но и за дела в обществе. Иными словами, гражданское общество может держать под контролем государственные институты, оказывать давление на парламент, брать на себя задачи по организации взаимопомощи.

Поначалу традиционная политическая установка социал-демократов на достижение равенства приносила определенные социально значимые результаты. Однако в дальнейшем, по мере интернационализации мировой экономики, обострения международной конкуренции и развития европейской интеграции становится все более затруднительным проводить социально ориентированную политику прежними методами. Постоянный рост государственных субсидий в социальную сферу, несбалансированность повышения заработной платы с уровнем производительности труда, сильно разросшийся бюрократический аппарат управления и т.д. – все это порождает психологию социального иждивенчества, не способствует проявлению личной инициативы, а значит, и росту производительности труда. Простое продолжение традиционной политики выплат создает угрозу для самого существования социального государства. Возникли дискуссии о необходимости реформирования существующей модели государства посредством отказа от политики социальных выплат и компенсаций и перехода к перестройке сложившейся системы образования, обучения и переобучения кадров с тем, чтобы стимулировать развитие частной инициативы, индивидуальной ответственности («самоответственности»). Иными словами, происходит смена парадигмы: от патерналистской роли государства к «государству инвестиций» в человеческий капитал (прежде всего в образование).

Ясно, что для обеспечения возможности финансирования и поощрения людей приобретать нужные квалификации или даже пойти на переквалификацию необходимо осуществить серьезную

перестройку сложившейся системы образования. Поскольку однажды полученное образование теперь уже не гарантирует индивиду шансы на будущее, то доступ к образованию и использование возможностей нового обучения должны быть обеспечены в течение всей жизни. Иными словами, образование и профессиональная подготовка должны войти в повседневную жизнь человека и тем самым ликвидировать традиционный разрыв жизненного цикла на три стадии – школьную, трудовую и пенсионную.

В неолиберальных и неоконсервативных идеологиях, ориентирующихся на глобализацию, утверждается, что сфера политики, политических методов решения социальных проблем сужается, растет тенденция к минимизации роли государства, поскольку рыночная экономика сама вырабатывает механизмы ее саморегуляции. В противоположность этой позиции социал-демократы считают, что государство призвано быть гарантом сплочения всех социальных групп, т.е. «интегрирующей» демократии. Государство, поддерживая эффективную рыночную экономику, в то же время должно гарантировать равные возможности и права для граждан, обеспечивая им справедливый доступ к социальным благам, которые не должны зависеть от распределения через рынок. Таким образом, социал-демократы выступают против смешивания понятий «рыночная экономика» и «рыночное общество». Задачи, связанные с обеспечением, с одной стороны, «социальных расходов» (в виде простых выплат), а с другой – «социальных инвестиций», нужно не противопоставлять, а сочетать.

На последних конгрессах Социнтерна была выдвинута идея разработки новой, усовершенствованной модели социального государства. Лиссабонский саммит государств Европейского Союза (2000 г.) принял решение, ориентирующее на стратегию строительства «Социальной Европы», т.е. европейской модели социально-экономического развития, в том числе на выработку принципов единой социальной политики Евросоюза.

Обсуждая перспективу создания «европейской модели», видный немецкий социал-демократ Э.Эпплер пишет, что в данном случае речь не идет о некоем специфическом социал-демократическом проекте, ибо европейская модель может основываться только на широком консенсусе, охватывающем не только социал-демократов, но и христианских демократов, «зеленых» и часть тех либералов,

которые считают себя приверженными традициям европейского либерализма. «Что представляет собой модель, которую европейцы могут противопоставить англосаксонской рыночной модели? Европейская модель также будет моделью рыночной экономики. Но, чтобы быть европейской, она должна быть политической. Вместо того, чтобы вытеснять политику рынком, она должна предоставить и политике, и рынку их законное место»⁸. Удовлетворять потребности, которые рынок удовлетворить не может, – первостепенная задача национальных государств и гражданского общества, в котором граждане обладают влиянием и волей принимать политические решения.

Выработка оптимальной модели государства продолжает оставаться актуальной и для современной России. Для проведения политики реформ важно критически осмыслить зарубежный опыт строительства социального государства, имея в виду как его достижения, так и кризисные тенденции, выявившиеся в последние годы. Политическая жизнь показывает, что аналогичные проблемы возникают и в России.

Зарубежный опыт общественного развития, достижения в проведении реформ, особенно государственного регулирования экономики и социальной сферы, в организации системы социальных гарантий, создания условий для развития малых и средних предприятий, парламентского контроля над исполнительной властью и т.д., безусловно, заслуживают всестороннего изучения и продуманного, взвешенного использования, если учитывать при этом существенные различия в социально-экономических условиях и национальных традициях различных стран. В специфических условиях России требуются существенные корректировки этого опыта.

Рассмотренный выше функциональный метод нашел свое отражение и в современной российской политике. Правда, вначале в неявной, а затем в более открытой форме и с некоторыми особенностями, о которых будет сказано ниже. В ежегодном послании президента В.В.Путина Федеральному собранию страны (2001 г.) было высказано положение, которое до сих пор не стало предметом оценки в нашей печати, прошло как бы незамеченным. «Я убежден, – говорится в послании, – эффективность государства определяется не столько объемом контролируемой им собственности, сколько действенностью политических, правовых и административных меха-

низмов соблюдения общественных интересов в стране». Здесь речь идет о том, что решающее значение имеет не форма собственности сама по себе (частная, государственная и др.), не традиционное выявление процентного соотношения между ними (т.е. «объема»), а эффективное управление, контроль над производством и распределением посредством налоговой политики, регулирования рынка труда и т.д. Эта позиция, по сути дела, выражает функциональный подход, направленный, как было сказано в послании, на создание «механизмов соблюдения общественных интересов». Иными словами, государство должно выполнять социальную миссию. Идея социального государства, перспективы его развития способствуют выработке в обществе консенсусных и консолидирующих подходов, созданию устойчивой политической системы.

Но если следовать той логике, что эффективность государственного регулирования экономики не зависит от форм собственности, то из этого можно сделать вывод о нецелесообразности пересмотра итогов приватизации в России 90-х годов. Между тем следует прислушаться и к вопросам по поводу того, как проходила приватизация, о различного рода махинациях. «Однако, – отмечалось в послании, – передел собственности может быть для экономики и социальной сферы страны еще более вредным и опасным».

И все же в последнее время усиливаются разговоры о пересмотре итогов приватизации. Лидер партии «Справедливая Россия» С.М.Миронов считает: «Необходимо признать на государственном уровне, что собственность, приобретенная в период либеральных реформ 1990-х гг. с использованием преимуществ олигархической монополии, не имеет морального основания. Такая собственность не является продуктом честного труда и требует социальной легитимации. Способом социальной легитимации должно стать возмещение нынешними владельцами разницы между реальной ценой приобретенной собственности и той, что была за нее уплачена в условиях олигархического монополизма»⁹.

Осенью 2007 г. ВЦИОМ опросил по этому вопросу предпринимателей. Оказалось, что 58% из них согласны на компромисс с властью в том случае, если предприятия были приобретены с нарушением законов. 17% – против любого отъема собственности. И только 15 % выступают за массовый пересмотр итогов¹⁰. Директор Института новой экономики С.Ю.Глазьев считает, что итоги

приватизации должны быть пересмотрены, например, с помощью введения компенсационного налога на те объекты приватизированной собственности, которые в свое время были недооценены, а также путем пересмотра в судебном порядке незаконных сделок¹¹.

В последнее время в нашей печати возникла дискуссия по поводу создания госкорпораций. До сих пор в российской экономике были такие формы собственности, как государственная, муниципальная, частная, а теперь появилась новая форма собственности – госкорпоративная (например, «Роснанотех», «Олимпстрой», «Ростехнологии» и др.). Созданные госкорпорации занимают уникальное положение: они являются некоммерческими организациями, которым государство либо дает средства в уставный капитал, либо передает им свое имущество, которое становится собственностью таких корпораций. Государство может назначать их руководителей, создавать наблюдательные советы. Но корпорации не могут быть подвергнуты банкротству (а значит, их ориентация на рыночную конкуренцию вызывает сомнения). Они ни за что и ни перед кем не отвечают. Зато размеры зарплат поражают воображение. И хотя этот вопрос – тайна за семью печатями, все же некоторым экспертам удалось выяснить, что руководители ряда госкорпораций и их заместители получают от 400 тысяч до 1 миллиона рублей в месяц. Они сами (или наблюдательный совет) назначают зарплату себе и своим сотрудникам. Оклад руководителя в большинстве госкорпораций почти вдвое выше, чем у президента России¹².

Аналитики выражают тревогу, что без должного контроля госкорпорации могут стать «черной дырой» нашего бюджета. И, как показывают некоторые факты, политическая власть все же прислушалась к подобного рода критическим высказываниям. Выступая на XII Петербургском международном экономическом форуме в июне 2008 г., первый заместитель председателя правительства РФ И.И.Шувалов, который, среди прочего, курирует также госсобственность, признал, что многие критикуют власть за стремление проникать во все сферы. Но у правительства нет установки на усиление роли государства. Оно должно проводить более сбалансированную и мобильную политику, т.е. в каждый конкретный момент быть в состоянии сократить вмешательство, когда задачи будут выполнены. И наоборот, быстро обеспечить свое участие, где это оказывается необходимым.

Для проведения этой политики, заявил И.Шувалов, необходимо максимально сократить число чиновников в аппарате управления крупнейших госкомпаний и заменить их «независимыми» квалифицированными специалистами-менеджерами, а также внедрить современные формы корпоративного управления. Комментаторы отмечают, что все сказанное выше отличается от политики, которая проводилась последние годы. Кроме того, они выражают сомнение в возможности реального осуществления этой замены, учитывая явный дефицит такого рода квалифицированных кадров.

Заслуживает внимания постановка новой цели – развивать институты демократии, соответствующие современным условиям: «Россия стала полноправным членом клуба крупнейших экономик мира... Мы поставили перед собой новые цели – стать страной с развитыми институтами современной демократии»¹³.

Высказанные подходы, видимо, можно назвать применением методов самокоррекции. Известно, что западную либеральную демократию считают несовершенной, но, как отмечал К.Поппер, у нее есть то великое достоинство, что она создала внутри себя механизмы самокоррекции и исправления ошибок. Формирование этих механизмов актуально и для России, где многие аналитики отмечают явную недостаточность, а то и вовсе отсутствие контроля за деятельностью властных институтов на всех уровнях. И дело не в количестве контролируемых организаций, а в эффективности их деятельности (чего как раз явно не хватает). Остро стоит проблема неэффективности выполнения государственных функций, полномочий чиновников во всех звеньях управления.

Для развития демократических принципов в стране важное значение имеет учет общественного мнения, предложений и критических замечаний граждан. К сожалению, в жизни утвердилась практика игнорирования критики в адрес власти как со стороны граждан, так и со стороны средств массовой информации. Или же создается видимость некоего реагирования, которое при ближайшем рассмотрении оказывается имитацией. На это обращал внимание еще А.Зиновьев после своего возвращения в Россию. Об угрожающей масштабности этого явления, укоренившегося в нашей политике и власти, пишет и известный журналист О.Попцов: «У нас слишком много имитаций. Даже больше того: имитационность стала нашей повседневностью, сутью политики. Имитация обще-

ственного мнения. Имитация гражданского общества. Имитация реформ – судебной, милицейской, науки, образования. Имитация демократии. Имитация борьбы с коррупцией»¹⁴. Невольно вспоминается мудрая сентенция – метафора: «Вся наша жизнь – игра».

Теперь перейду к вопросу относительно определения понятия демократии теоретиками различной политической ориентации. Во второй половине XX в. отчетливо проявился кризис всех мировых общественно-политических парадигм: либерализма, консерватизма, социализма. В массовом сознании они выступают как некие фундаментальные альтернативы. В действительности же, при всех их различиях, которые кажутся жизненно важными, по многим вопросам у них просматриваются некие общие позиции в понимании смешанной экономики, политического и культурного плюрализма, представительной демократии и др. Различия между названными течениями нередко проявляются в акцентах, дозах и очередности предлагаемых решений, в терминологии. В результате традиционные понятия, особенно «демократия», «свобода», «социализм» и др., подвергаются семантической эрозии, теряют свой первоначальный смысл. По признанию политолога А.Лейпхарта, «демократия – это понятие, которое решительно не поддается определению»¹⁵. Политический язык становится аморфным, неоднозначным, что подчас приводит к недоразумениям. Иными словами, смысловое поле политической семантики разрушается.

И тем не менее в вопросах генезиса демократических идей, глубинных истоков их формирования имеются и устоявшиеся наработки, которые, правда, не всегда принимаются во внимание современными политологами. Речь идет об определении демократии как способа жизни того или иного народа, исторически сложившегося способа коммуникации граждан и решения различных задач, возникающих в повседневной практической жизни. Кстати, категория «повседневности» была разработана в политико-философских исследованиях Д.Лукача. Демократия не есть некий универсальный ключ или учение, а задача, которая должна решаться снова и снова. Тот или иной уровень демократии не зависит от конституций и парламентских учреждений (например, в Англии до сих пор нет никакой конституции). Демократия не живет в силу законов и статей. Все законы могут вырождаться в мертвую демократию. Демократия – не политическая система, а форма человеческой жиз-

ни. Демократические принципы вырабатываются и усваиваются постепенно, в ходе простых и обычных отношений, в результате осмысления практического опыта людей, особенно опыта реальной организации демократического общества на принципах диалога и компромисса. Но этого недостаточно. Важнейшую роль играло воспитание и усвоение демократических принципов в личной жизни посредством образования и просвещения простого народа в школах, высших народных школах, библиотеках, обществах и т.д. (особенно в сельской местности). В дальнейшем стали возникать различные профессиональные, культурные и политические союзы. Во всех названных учреждениях люди учились общественно-политической работе, практически обучались демократии. Это означает, что люди учатся понимать точку зрения других, учатся искусству сотрудничать и учитывать интересы не только личные, но и общественные. Иными словами, человек становится свободной личностью, гражданином.

В этой связи надо согласиться с выводом датского общественного деятеля и педагога Х.Коха, который после второй мировой войны работал в одной из высших народных школ, где прививал учащимся идеалы народовластия. «Мы, – писал он, – постоянно работаем над тем, как найти правильную демократическую форму правления. Но даже если удастся осуществить и политическую, и экономическую демократизацию общества, это будет далеко не все, если мы не будем в состоянии демократизировать самих людей – формировать, образовывать и воспитывать их»¹⁶.

В заключение несколько соображений относительно суверенного пути России в осознании ценностей демократии. Согласен с теми, кто говорит о необходимости учета национальных и интернациональных условий развития демократии, полагая, что в России была иная, чем в Западной Европе, форма исторического движения к демократии. Демократические традиции в России формировались естественным путем осознания ценностей суверенитета русской нации и русского государства. Особенность этого формирования заключается в том, что демократические традиции сочетались с упованием на патерналистскую роль государственной власти. Современная российская демократия является продолжением российской государственности на новом этапе ее развития, включающего в себя как задачи демократизации обще-

ства, развития гражданского общества, так и задачи строительства суверенного государства. Взятый поначалу политический курс на стабилизацию общества в настоящее время в основном исчерпал свои задачи и требует обновления, т.е. определения нового курса демократизации, сочетающейся с укреплением роли государства как механизма гармонизации общественных интересов, защиты прав человека, развития его как гражданина.

Примечания

- ¹ *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 148.
- ² Там же. С. 153.
- ³ *Майер Т.* Демократический социализм – социальная демократия. М., 1993. С. 128.
- ⁴ *Adler-Karlsson G.* Funktionssocialism. Ett alternativ till kommunism och kapitalism. 2 uppl. Lund, 1970. S. 22.
- ⁵ Цит. по: *Помтхофф Х., Миллер С.* Краткая история СДПГ. М., 2003. С. 509.
- ⁶ Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. Бурос, 1992. С. 33.
- ⁷ Создавая социальную демократию (Перевод). М., 2001. С. 509.
- ⁸ *Eppler E.* Vom Europäischen Modell // *Gewerkschaftliche.* Düsseldorf, 1999. № 7–8. S. 389.
- ⁹ *Мионов С.* Мы выбираем новую социалистическую перспективу. М., 2007. С. 38.
- ¹⁰ См.: Аргументы и факты. 2008, № 6. С. 16.
- ¹¹ См.: Аргументы и факты. 2008, № 15. С. 11.
- ¹² См.: Ведомости. 07.05.2008.
- ¹³ Российская Бизнес-газета. 10.06.2008.
- ¹⁴ Литературная газета. 20–26.02.2008. С. 3.
- ¹⁵ *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997. С. 38.
- ¹⁶ *Кох Х.* Что такое демократия. Копенгаген, 1993. С. 87.

В.М. Межуев

Э.Сепир о культуре подлинной и мнимой

Нижеследующий текст является кратким комментарием к статье выдающегося американского языковеда и лингвиста Эдварда Сепира (1884-1939) «Культура, подлинная и мнимая». Хотя статья написана в 1924 г., многие ее положения сохранили свою актуальность до наших дней. На русском языке статья была опубликована в 1993 г.¹, но я не обнаружил ссылок на нее ни в одной из изданных у нас культурологических работ. Несомненно, с ней знакомы специалисты в области языкознания, но она почему-то обойдена вниманием со стороны тех, кто сделал своим предметом анализ современной культуры. Именно под этим углом зрения я и хотел бы обратиться к данной статье, тем более, что и в самом творчестве Э.Сепира она занимает особое место: в ней в яркой, подчас публицистической форме поднимается ряд вопросов, касающихся существа культуры и ее положения в современном (преимущественно американском) обществе. Вся статья пронизана крайней озабоченностью по поводу этого положения и весьма критична в отношении того, что в этом обществе выдается за культуру. Много, что люди, в частности, американцы, считающие себя высокоцивилизованными существами, называют культурой, оказывается на поверку мнимой культурой, уступающей в своем качестве даже той, в которой жили индейские племена – аборигены Америки. Являясь общепризнанным знатоком жизни этих племен, Сепир на их примере предлагает свое понимание подлинной культуры, не сводя ее, разумеется, к повторению того, что уже нельзя вернуть.

Чем же является и может быть подлинная культура? Как ученый-языковед, Сепир, естественно, начинает с выяснения того, как слово (или термин) «культура» используется в научном и повседневном языке. Он выделяет три основных смысла (или группы смыслов) его употребления, каждый из которых лежит в основе особой концепции культуры. Однако отнюдь не все они являются синонимом подлинной культуры.

Большинство этнологов и историков обозначают словом «культура» всю совокупность социально наследуемых признаков человеческой жизни – материальных и духовных – без какой-либо их оценки в качестве хороших или плохих. Разделяя культуры на «низшие» и «высшие» по степени их сложности и дифференциации, они усматривают в них лишь разные стадии поступательного исторического развития или эволюционного процесса. Подобное «техническое» применение данного термина, охватывая все формы и виды социально наследуемого поведения людей, совпадает с тем, что принято называть «цивилизацией», существование которой само по себе ничего не говорит о степени подлинности или мнимости культуры.

Во втором случае под этим термином понимают то, что является для индивида «культурным идеалом», санкционированным традицией или общественным классом, к которому он принадлежит и который предписывает ему определенный образ жизни, манеры, внешний облик, не имеющие прямого отношения к его внутренней жизни. Культурен, с этой точки зрения, тот, кто ведет себя согласно принятым в данном сообществе нормам, правилам хорошего поведения. Здесь также что-то наследуется из прошлого, но на основе отбора того, что считается достойным поклонения.

Третий случай более сложный. Как и первый, он имеет дело с духовным достоянием всего сообщества людей, которое принято называть народом. Со вторым его сближает упор на выделение только таких факторов, которые данный народ считает для себя наиболее ценными и важными по сравнению с другими. По словам Сепира, эта концепция культуры позволяет «охватить в едином термине те общие для конкретного народа установки, взгляды на жизнь и специфические проявления цивилизации, которые позволяют ему определить свое место в мире. «Когда говорят о культуре в этом третьем значении, то подчеркивают не столько то, во что

верит тот или иной народ или что им создано, сколько то, каким образом созданное этим народом и то, во что он верит, функционирует в его жизни, какое значение все это имеет для данного народа»². Речь идет, иными словами, о присущей народу системе ценностей, отличающей его от других, образующей его определенное преимущество перед ними и тем самым характеризующей его как нацию. В таком понимании культура совпадает с тем, что принято называть «гением» или «духом» народа. Цивилизация – это культура в той мере, в какой она воплощает гений конкретного народа, его национальный дух.

Этнологи, подчеркивает Сепир, избегают говорить о национальном духе в силу зыбкости и неопределенности этого термина, что в известной мере оправдано шовинизмом национальных апологетов, доказывающих превосходство своего народа над всеми другими. Но тем самым не устраняется тот очевидный факт, что каждый народ обладает своей особой духовной «матрицей», заложенной в нем то ли его природным темпераментом, то ли историческим развитием. «Специфическая культура нации – это такой набор элементов, в котором отпечатки матрицы выражены с наибольшей рельефностью. На практике национальную культуру иногда удобно отождествлять с духом нации»³.

Таковы предварительные дефиниции, которые вводятся Сепиром с целью выработки понятия подлинной культуры. Последнее формулируется им на основе второй и третьей интерпретации. С одной стороны, подлинная культура – это специфически духовная матрица, с другой – форма поведения отдельного индивида. Подлинная культура – та, в которой индивид живет, действует, мыслит в соответствии с заложенной в его народе культурной матрицей, а не в силу внешней и навязанной ему необходимости. Можно сказать и так: подлинная культура – это национальная культура в той мере, в какой она стала индивидуальной, востребованной индивидом в качестве неотъемлемого условия своей личной жизни и непосредственной деятельности. Именно духовная слитность национальной культуры с индивидом придает ей подлинность. Такая культура возможна в рамках любой цивилизации, на любом этапе исторического развития и никак не является отличительной чертой только одной из них. С этой точки зрения, подлинная культура не является ни высокой, ни низкой, она гармонична, уравно-

вешена в своих составных элементах, самодостаточна, придает всему, что делает индивид, духовно осмысленный характер. Такой индивид не испытывает чувства опустошенности, разочарования, крушения надежд и пр., даже если его представления о хорошем и должном не совпадают с нашими. Так, в культуре, признающей необходимость существования рабов, рабство не вызывает никакого отвращения, тогда как культура, осуждающая рабство, будет инициировать усилия для избавления человека от рабского труда. Все великие культуры прошлого потому и воспринимаются нами как здоровые духовные организмы, что при всех сопутствующих им диссонансах тяготели к подобной гармонии, не допускали расхождения между собой и тем, как живет, мыслит и действует отдельный индивид.

И здесь начинается самое интересное в рассуждениях Сепира. Только та цивилизация, которая разрывает связь индивида с целым, превращает его в «простой винтик» социальной системы, приводимый в действие некоторой коллективной целью, прямо не совпадающей с его личными запросами и интересами, перестает служить примером подлинной культуры. Последняя не совместима с внешним принуждением, даже если оно осуществляется во имя достижения экономической и любой другой эффективности, имеющей целью благо всего общества. Подлинная культура – не средство для достижения внешних по отношению к индивиду целей, а реализация его собственных. Иными словами, это не внешняя, а внутренняя культура. «Культура, которая не вырастает из коренных интересов и желаний ее носителей, которая направлена от неких общих целей к индивидууму, это – внешняя культура... Подлинная культура – культура внутренняя (internal) в том смысле, что она направлена от индивидуума к тем или иным целям»⁴. Та культура подлинна, которая обладает для человека силой внутренней, а не внешней необходимости.

Таким примером служит для Сепира культура американских индейцев, изучению которой он посвятил всю свою жизнь. Индеец, находящийся на более низком уровне развития цивилизации, уже потому культурно превосходит современного рабочего (частным примером служит для Сепира труд телефонистки – весьма цивилизованный по тому времени вид деятельности), что то, что он делает в экономическом плане, никак не противоречит всем остальным

его поступкам и делам. В своей хозяйственной и духовной жизни он остается самим собой, не испытывая при переходе от одного к другому виду деятельности никакого духовного дискомфорта. Не то в современном обществе. «Телефонистка, которая в течение большей части отпущенного ей на бодрствование времени применяет свои способности для выполнения в конечном счете высокоэффективной, но не отвечающей никаким ее духовным вопросам рутинной процедуры, – это ужасающая жертва цивилизации. Если взглянуть на нее с точки зрения тех задач, которые призвана решать культура, то здесь налицо провал – тем более прискорбный, чем значительнее природная одаренность девушки»⁵.

Если для индейца все, что он делает, имеет в равной мере и духовное значение, то труд современного рабочего даже в случае своей экономической эффективности не совпадает с его духовными запросами. «Деятельность индейца, бьющего острой лососю, представляет собой высший тип по сравнению с деятельностью телефонистки или фабричного рабочего просто потому, что при ее выполнении обычно не возникает чувства духовной фрустрации, ощущения подчиненности тираническим, но при этом по большей части незамысловатым требованиям, поскольку охота на лосося естественным образом сочетается со всеми остальными видами деятельности, в которых участвует индеец, и не выделяется из всего его жизненного уклада таким бесплодным пустырем чисто экономических усилий»⁶. На своем языке американский антрополог высказал то, что на языке социальной философии называется отчуждением труда. Великое культурное заблуждение эпохи индустриализма заключается, по его мнению, в том, что, оседлав для нас машины, она так и осталась в неведении, как избавить большую часть человечества от опасности быть оседланными машинами.

Некоторая идеализация культуры индейских племен, подчеркивающая их культурное и моральное превосходство над современными людьми, живущими в условиях развитой цивилизации, свойственна многим этнологам. Вслед за Сепиром ту же мысль чуть позже выскажет К.Леви-Стросс в своих «Печальных тропиках», посчитав, что именно у индейцев надо учиться морали. Подобное мнение восходит к французским просветителям XVIII в. (в частности, к Ж.-Ж.Руссо) с их учением о «добром дикаре», о нравственной неиспорченности «естественного человека», об упадке нравов

в эпоху цивилизации. Сепир, правда, специально оговаривает, что дело не в сентиментальных сожалениях по поводу того, что время «естественного человека» миновало, равно как и не в отрицании полезности и необходимости экономических усилий. Проблема в том, чтобы найти место подлинной культуре в условиях современной, экономически ориентированной цивилизации, не подменяя ее мнимой культурой, не имеющей прямого отношения к тому, что человек реально делает.

Очевидный прогресс цивилизации – усложнение общественных форм организации, рост знаний и технических изобретений с целью практического овладения силами природы и достижения экономического эффекта, даже определенная гуманизация человеческих отношений – не должен создавать ложную иллюзию достижения «более совершенной жизненной гармонии, более глубокой и в большей степени удовлетворяющей нас культуры»⁷. Мы правы, отмечает Сепир, в своей вере в прогресс цивилизации, но заблуждаемся, когда утверждаем, что его функцией является развитие культуры. Между тем и другим нет прямого соответствия, а чаще всего они находятся во взаимоисключающем отношении. Вся история культуры свидетельствует о том, что «наибольшие высоты культуры часто достигались на низких уровнях усложненности, а на высоких – фиксировались наиболее глубокие провалы. Цивилизация, как целое, шагает вперед; культуры приходят и уходят»⁸.

Высказанная Сепиром идея несоответствия между современной цивилизацией и подлинной культурой также не была слишком новой: к тому времени сочинение Шпенглера «Закат Европы», в котором эта идея стала основным лейтмотивом, было уже всеми прочитано. В отличие, однако, от Шпенглера, для которого гибель культуры перед лицом цивилизации нельзя ничем предотвратить, Сепир ставит вопрос по-другому: никакой прогресс цивилизации не может восполнить отсутствие подлинной культуры, заменить ее собой. Проблема в том, возможна ли такая культура в век машин и экономической эффективности. Хотя, как он считает, подлинной культуре легче просуществовать на более низком уровне цивилизации, на котором индивид еще не отделился от целого, не фрагментировался до уровня «винтика», проблема сохранения целостности индивида в качестве «сердцевины культурных ценностей» стоит перед любой усложняющейся цивилизацией. «Мы в

Америке, – признается Сепир, – далеки от ее разрешения. В самом деле, можно усомниться, осознает ли эту проблему кто-нибудь, за исключением незначительного меньшинства. И тем не менее охватившее весь мир волнение в сфере трудовых отношений в качестве одного из наиболее глубоких своих корней имеют своего рода ощущение культурной ущербности современной формы индустриализма»⁹.

Итак, проблема поставлена, причем, на мой взгляд, в форме, весьма созвучной той, в какой она ставится многими современными критиками капитализма. Сам Сепир никак не демонстрирует своих политических и идеологических пристрастий, предпочитая рассуждать исключительно как ученый-этнолог, но то, о чем он пишет, во многом совпадает с пониманием проблемы теоретиками левой направленности. Именно кризис культуры, понимаемый как десубъективизация индивида, как его обезличивание и сведение к частичной функции, исключаящей все остальные, является их главным обвинением в адрес капиталистической системы – даже той, которая достигла в своем развитии высокого уровня цивилизованности.

Подобная фрагментация индивида, сужение и ограничение его функций происходит, как подчеркивает Сепир, прежде всего в экономической сфере. Деятельность большинства людей сведена здесь к поддержанию их биологической жизни и продолжению рода – к заботе о пище, одежде и жилище для себя и для тех, кто от него прямо зависит, т.е. к реализации самых ближайших и непосредственных целей. Более отдаленные цели, связанные с удовлетворением духовных запросов человека, уходят на второй план, отделяются от первых, обособляются в самостоятельную сферу, доступную немногим, то, что Сепир называет «духовным бегством или уходом». Хотя, как он считает, полного разрыва между экономикой и духом (культурой) быть не может, цивилизация движется именно по этому пути.

Теперь ясно, что подлинной для Сепира является та культура, которая создается при непосредственном участии каждого индивида (или когда культура является непосредственной целью человека), тогда как мнимая культура творится деятельностью лишь особой группы людей. В первобытном обществе танцуют все, в развитой цивилизации танец, воплощающий в себе творческий дух, – дело исключительно артистов балета. Сепир не отрицает, что подобное

обособление способствует обогащению духовного «Я», но в его результате непосредственные (материальные) цели обретают тираническую власть над человеком, утрачивают какую-либо связь с духовной жизнью, а более отдаленные (духовные) цели, воплощаемые в искусстве, религии и науке, отделяются от первых, третируют их, замыкаются в своей обособленности. Раньше все жили в культуре, теперь только избранные. Для большинства людей культура, представленная меньшинством, хотя и пользуется почетом и уважением, оказывается мнимой, с которой они никак не связаны. Поглощенные своими непосредственными целями, они оказываются как бы выключенным из культуры. Отчуждение труда оборачивается, в конечном счете, отчуждением культуры, что, собственно, и является признаком ее мнимости; сам Сепир не использует термин «отчуждение», но, на мой взгляд, он точно передает суть его мысли. Пока вся система жизненных ценностей находилась под непосредственным контролем индивида, он находил свое место в культуре, но с того момента, как эти ценности сдвинулись из сферы непосредственных в сферу отдаленных целей, он чувствует себя обделенным в этом отношении. «Никакая гармония и полнота жизни, никакая культура невозможны, когда деятельность почти всецело замыкается в сфере непосредственных целей и когда человеческое функционирование в этой сфере столь фрагментарно, что ни понятность, ни интерес не являются его неотъемлемыми свойствами. В этом как раз и заключается самая жестокая ирония современной американской цивилизации. Огромное большинство из нас... лишено как возможности, так и побудительных мотивов к участию в производстве неутилитарных ценностей. Часть времени мы – ломовые лошади, в остальное время – равнодушные потребители товаров, не несущих в себе ни малейшего отпечатка нашей личности. Другими словами, наш духовный голод почти постоянно остается по большей части неудовлетворенным»¹⁰.

Можно спорить, в какой мере человек, поглощенный исключительно своими материальными заботами, действительно испытывает «культурный голод», нуждается в духовной культуре (чаще можно наблюдать полное равнодушие к этой сфере жизни), но нельзя отрицать, что в плане культуры он действительно является неполноценным существом, а сама культура утрачивает характер подлинной. В любом случае «здоровая национальная культура ни-

когда не является пассивно воспринятым наследием прошлого, а, напротив, предполагает активное творческое участие всех членов сообщества; иначе говоря, она предполагает наличие культурных индивидов»¹¹. Вне такого участия национальная культура – мир застывших и абстрактных формул, а индивид, утративший творческую связь с ней, духовно бесплоден и пуст. Пассивное восприятие культурной традиции дает лишь внешнюю оболочку, видимость былой жизни, тогда как культурное творчество вырождается в пустое фантазирование, в имитацию подлинной новизны.

Сепир не устает подчеркивать ошибочность мнения о том, что так называемые «новые» страны, являющие собой образец современной цивилизации, создают благоприятные условия для формирования более зрелой и плодотворной культуры, чем предыдущая. Уж слишком много времени и внимания в них уделяется непосредственным (экономическим) целям, что приводит к сокращению творческих усилий в сфере более отдаленных целей. «Конечным результатом этого оказывается ощутимое отставание в развитии культуры»¹². В таких странах растет сознание того, что традиционные культурные ценности утратили свое качество и значение, больше не соответствуют экономическому и социальному окружению, от них следует отказаться и заменить чем-то совершенно новым, чему нет еще точного названия. Но вряд ли, считает Сепир, подобные попытки принесут в скором времени плоды подлинной культуры, ибо дело не в ней самой, а в той организации общественной жизни, которая превращает ее недоступное для многих излишество, как бы духовнонивает жизнь.

Если «подлинной является та культура, которая дает своему носителю чувство внутреннего удовлетворения, некое ощущение себя властителем собственного духа»¹³, делает его «*spiritual mastery*» (что в переводе с английского означает его существование как одновременно хозяина и творца своей духовной жизни), то можно ли в условиях современной цивилизации вернуть индивиду это утраченное им чувство?¹⁴ Как превратить индивида из пассивного потребителя культуры в ее творца, создающего ее по мерке своей индивидуальности? Поразительно то, что в своих выводах Сепир предельно сближается с теми, включая Маркса, мыслителями Нового времени, которые именно в культуре искали антитезу отчуждающей силе экономического развития. Ведь на высших уров-

нях цивилизации экономика и является той сферой общественной жизни, из которой чувство «властелина своего духа», или чувство подлинной культуры, было устранено в наибольшей степени. Следовательно, данное чувство «должно даже в большей степени, чем в случае более примитивных цивилизаций, получать подпитку из внеэкономических сфер человеческой деятельности. Индивид, таким образом, оказывается понуждаем – или должен быть понуждаем, если он хочет быть включенным в культуру, – к тому, чтобы идентифицировать себя с какой-то частью многообразных внеэкономических интересов»¹⁵.

Не в экономике следует искать подлинную культуру, а за ее пределами, равно как она не сводится и к простому копированию старых образцов. Культура не в том, чтобы жадно поглощать ранее созданные плоды, а в том, чтобы служить человеку средством развития им своих личностных сил. Она в точном смысле нужна человеку для того, чтобы быть самим собой, хозяином и творцом своей духовной индивидуальности. Сама по себе эрудированность, образованность и даже природная одаренность в том или ином виде творческой деятельности, если они не соотношены с собственным «я», хотя и соответствуют общеупотребительному представлению о культурном человеке, не могут считаться признаком глубокой культуры, являются, скорее, ее внешним подобием. Поэтому эстетическое и любое другое творчество – желательное, но вовсе не обязательное условие жизни в культуре. Люди средних способностей подчас более культурны, чем те, кто наделен определенным талантом. Отсутствие яркого творческого дарования вполне может быть заменено общением с выдающимися творцами культуры, если оно, конечно, осуществляется также ценой творческих усилий и затрат и без отречения от собственной индивидуальности, т.е. без того, что Сепир называет «прислужничеством», «пренебрежением собой и потерей себя», свидетельствующими о «расстройстве личности».

Понимание Сепиром подлинной культуры как сферы производства человеком самого себя в качестве общественно и духовно развитой индивидуальности во многом совпадает с той концепцией культуры, которая разрабатывалась у нас (разумеется, под влиянием работ Маркса) еще в советские времена. Культура, согласно этой концепции, – это производство не просто вещей и даже идей

(те и другие образуют лишь предметную, внешнюю форму существования культуры), а самих людей в их взаимоотношении с природой, друг с другом и самими собой. Главным продуктом культуры является сам человек во всей целостности своего индивидуального, а, значит, и общественного бытия, ибо индивидуальное и общественное, в конечном счете, совпадают друг с другом. Говоря словами Маркса, культура – это «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, – производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...»¹⁶. Мнение выдающегося языковеда и антрополога относительно подлинной культуры лишь подтверждает справедливость этой концепции.

В своем стремлении к культуре индивидуальное «я» руководствуется не просто желанием получить удовольствие от пользования уже созданным и накопленным культурным богатством, а прежде всего потребностью быть личностью, ориентироваться в мире культурных ценностей, что позволяет ему жить в согласии не только с самим собой, но и с обществом в целом. Индивид присваивает существующую в обществе культуру, ибо никакой другой нет, делает ее своей не с целью своего уединения, превращения в отшельника, а, наоборот, ради своего максимального включения в общественную связь. Но, вырастая на почве общественной, индивидуальная культура не является ее марионеткой, пассивным слепком, механическим подобием, но всегда запечатлевает в себе силу и мощь создающего ее индивидуального духа.

Именно наличие индивидуального начала является для Сепира признаком подлинной культуры. Даже когда это начало вступает в противоречие с возраставшими его ценностями, деструктивно по отношению к ним, оно не теряет связи с подлинной культурой, способно достичь высшей точки культурного развития. Примером такого экстремального типа культурного развития служит Сепиру Ницше и Толстой. Вряд ли когда-то человечество сможет приблизиться к занятой ими духовной позиции, взять ее за образец, но и в таком виде они обладают большей культурной ценностью, чем некритическое восприятие культурного наследия или традиции, придающее ему характер стандартизированных и нивелирующих всех правил и норм человеческого поведения. Традиция повелевает

каждому быть таким, как все, подлинная культура исходит из необходимости «следовать глубинной, сущностной природе своей собственной личности». Во всяком случае, индивидуальное начало, столь ценимое в европейской культуре, намного лучше «плоского и тоскливого однообразия духовной перспективы», «анемического притворства» и «самодовольной нетерпимости к будоражащей новизне», составляющих, по мнению Сепира, «укорененные свойства нашей американской души»¹⁷. Так это или не так, но ясно одно: Сепир ставит в вину американцам то, что свою экономическую и индустриальную цивилизацию они ценят выше культуры. При всей своей цивилизованности американцы в плане индивидуальной самобытности и оригинальности намного уступают европейцам. Они более безлики, чем европейцы, более консервативны и традиционны в своем отношении к культуре и тем самым менее современны. Высоко ценя разного рода традиции, они менее озабочены тем, насколько на их делах и поступках лежит отпечаток их собственной личности, насколько они индивидуализированы в своем поведении и мышлении.

Отношение к прошлому, как считает Сепир, лучший тест на подлинность культуры. Ни один подлинно культурный индивид, разумеется, не отвергает прошлое, не относится к нему с презрением. Но прошлое для него – не просто музейная реликвия, а выражение человеческого духа, который при всех своих отличиях сходен с его собственным. Прошлое он ценит в той мере, в какой оно является для него настоящим и даже будущим. Нельзя в культуре, в отличие от исторической науки, относиться к прошлому как к чему-то священному, неприкосновенному: оно меняется вместе с нами в плане не только нашего знания о нем (мы сегодня знаем о прошлом больше, чем раньше), но и того, как мы используем опыт прошлого в собственной деятельности. Культурный человек ищет в прошлом ответ на вопрос не о том, что, когда и где люди делали до него, а как жить и действовать ему самому.

В своей теории культуры Сепир озабочен, следовательно, местом и ролью отдельного индивида в мире современной цивилизации. Его интересует в первую очередь, как, каким образом индивид может удовлетворить в этом мире свое стремление к подлинной культуре. И здесь индивид сталкивается с противоречием, которое он как-то должен разрешить. Она состоит в том, что ин-

дивид, с одной стороны, стремится к тому, чтобы властвовать над своей духовной сферой, с другой – вынужден смиряться с теми ограничениями, которые навязываются ему экономическим прогрессом (например, разделением труда и дифференциацией функций) и которые представляют собой прямую угрозу духу. Решить эту проблему, как считает Сепир, можно посредством поиска компромисса между собственным желанием всей полноты духовного удовлетворения и жесткими ограничениями экономической деятельности. Ни при каких условиях нельзя жертвовать собственным «я», соизмеряя при этом свои стремления и насущные нужды с духовной жизнью всего сообщества. Заимствуя из этой жизни все необходимое для роста собственных сил, важно, конечно, чтобы эти силы применялись к тем областям духовной жизни, которые составляют предмет озабоченности других индивидов, т.е. не были бы социально бесплодными.

Все это, однако, не отменяет того, что духовный рост каждого человека, становление его индивидуального «я» и есть единственная цель подлинной культуры. Ничего другого она не означает. Усматривать в этом «я» инструмент, средство для достижения каких-то иных общественных целей, будь то цели государства или другого социального института, значит обрекать человека на духовное рабство. «Духовная свобода, как бы ее ни понимать, – это не милостыня, порой безразлично, а порой нехотя раздаваемая обществом в лице его институтов. И то обстоятельство, что ныне во взглядах на отношение индивида к своей группе столь ощутимо превалирует совсем иная философия, делает тем более насущной необходимость настаивать на духовном первенстве индивидуальной души»¹⁸.

Концепцию подлинной культуры Сепира, отстаивающую безусловный приоритет культуры над современной цивилизацией, а духовной свободы индивида над всем формами обезличенной коллективности, можно назвать предельно гуманистической. То, что эта концепция принадлежит не просто философу, рассуждающему в духе отвлеченного теоретизирования, а выдающемуся ученому-языковеду и антропологу (к тому же еще и американцу), свидетельствует о том, что она – не мечта, выдумка или просто моральное пожелание мыслителя-утописта, а неизбежный вывод из того состояния, в котором оказалось человечество на этапе ка-

питализма. Данная концепция может быть использована как еще один аргумент в пользу того направления общественной мысли, которое ищет в культуре альтернативу экономике и политике в качестве базиса общества, ибо, как пишет Сепир, «постижение подлинной культуры невозможно иначе как на основе в высшей степени индивидуального духовного развития», и она в своих высших достижениях «отнюдь не испытывает желания склоняться перед экономическими и политическими оковами»¹⁹.

Данное высказывание можно истолковать единственным образом: в анализе современного общества мы основное внимание уделяем фигурам финансиста, экономического дельца или политика, полагая, что именно они играют решающую роль в нашей жизни. И эмпирически подобное мнение, казалось бы, трудно опровергнуть. Однако в более отдаленной перспективе решающая роль принадлежит все-таки не им, а людям культуры, или культурным людям, способным жить и творить в меру собственной духовной индивидуальности. Только они смогут восстановить утраченную связь личного и общественного, тогда как все другие пути, разрывающие эту связь, ведут в исторический тупик. И потому гарантом будущего является не просто экономика и политика, но прежде всего культура, причем в той мере, в какой она сохраняет в себе черты не мнимой, а подлинной культуры.

Примечания

- ¹ См.: *Эдвард Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- ² Там же. С. 469.
- ³ Там же. С. 470 а.
- ⁴ Там же. С. 475.
- ⁵ Там же. С. 474–475.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 476.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 477.
- ¹⁰ Там же. С. 480.
- ¹¹ Там же. С. 480–481.
- ¹² Там же. С. 481. Все, что не соотнесено с собственным «я».
- ¹³ Там же. С. 482–483.

-
- ¹⁴ Как справедливо комментирует переводчик статьи на русский язык П.Б.Паршин категорию *mastery* в понимании Сепира, речь идет у него «о некоей категории, которая должна служить отрицанием того, что в гегельянско-марксистской традиции называется «отчуждением»» (там же. С. 493).
- ¹⁵ Там же. С. 483.
- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 386.
- ¹⁷ Там же. С. 485.
- ¹⁸ Там же. С. 487.
- ¹⁹ Там же. С. 490.

Л.В. Кривых

Символический мир как основа самоидентификации*

Процесс самоидентификации является одним из важных аспектов нашей практической жизни. Поэтому проблема самоидентификации приобрела в последнее время столь актуальное звучание. Однако она нуждается в переосмыслении некоторых прежних представлений. Последнее позволит точнее прогнозировать социальное поведение в обществе с учетом особенностей разных культур и, что немаловажно, расширить наши представления не только о социальных и культурных моделях, но и о самом человеке. Новый виток исторического развития России в очередной раз ставит вопрос о выборе ее дальнейшего пути. Вдумчивое осмысление этого феномена, вне всякого сомнения, будет способствовать не только лучшему пониманию происходящих событий, но и наиболее эффективной проработке экспертно-теоретических моделей этого вероятного будущего.

Данные социологических опросов россиян за последние десять лет свидетельствуют о том, что «русскими» себя считают сегодня не менее половины граждан, в то время как «россиянами» – около трети населения. Тех же, кто идентифицирует себя с «советскими людьми», не набирается и трети. Если судить по этим данным, можно сделать вывод, что у русской идентичности культурно-психологическая основа. Люди ориентируются в пер-

* Научное исследование проведено при поддержке РГНФ. Проект (09.03-00137а) «Взаимодействие восточной и западной культурных моделей: теория и практики».

вую очередь на субъективное ощущение «русскости» («любит Россию, считает ее своей Родиной», «любит русскую культуру»). По мнению специалистов, за результатами проведенных исследований стоит попытка русского национального сознания найти новые основания для восстановления своей самоидентификации. Вопрос только в том, нужно ли вновь искать эти основания или достаточно переосмыслить старые. При этом следует учитывать, что старые настолько пластичны, что не могут быть препятствием для адаптации к новым социальным условиям.

Любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир. При этом можно ощущать себя либо автономно самодостаточным (Я есть Я), либо частью некоей целостности (Я есть часть Мы). Сама человеческая культура фокусируется либо на Я, либо на Мы-идентичности. Традиционное российское сознание фокусируется на Мы-идентичности. На уровне обыденного сознания решающую роль в жизни россиян играет отождествление себя с семьей и друзьями, близкими и т.д. На уровне же глубинных структур подсознания особую роль играют образы абстрактно-символической общности. Образы такого рода общности отражают духовную близость людей во всем ее многообразии: схожесть взглядов или религиозных убеждений, принадлежность к одной профессии или национальности.

Важность той роли, которую играет в сознании россиян идентификация с абстрактно-символическими общностями, возможно и есть формальная предпосылка для возникновения «нации россиян». Человек живет в мире значимостей. В том мире культуры, который человек сам для себя создал, особое место занимает мир символов. Последние представляют собой сложившиеся в сознании человека образы явлений, отношений, общественных институтов, вещей, обладающие смыслом, выходящим за рамки физического существования этих объектов. Приобретая метафизический смысл, символы образуют свой целостный мир, который и является сферой духовной жизни человека. Говоря о природе символов, К.Г.Юнг писал: «Символ является, с одной стороны, первичным выражением Бессознательного, а с другой – идеей, соответствующей наивысшему предчувствию сознательного ума». Вещи, «подобные архетипическим символам, не должны продумываться,

они должны снова вырасти из темной глубины забвения, чтобы выразить внешнее предчувствие сознательного ума и наивысшую интуицию духа с целью интеграции уникальности сознания, полнотой сознающего настоящее, с изначальным прошлым жизни»¹. Любая сфера общества нуждается в символических средствах самовыражения. Внутри целостной системы эти средства выполняют функцию интеграции, а в ее взаимоотношениях с другими социальными системами – функцию презентации или идеализации. В обоих случаях символы являются, как уже было сказано выше, не объективным отражением реальности, а идеализирующим и дополняющим ее образом, который представляет собой целостную картину с системой устоявшихся (принятых) значений. Внутри самой системы (в данном случае социальной) он способствует ее самосохранению, во внешних отношениях – приспособлению к другим системам. Что касается выработки идентичности отдельных людей или социальных групп, то они не нуждаются в объективных образах своей реальности; им нужны не объективные истины, а образный мир символов. Последний упорядочивает реальный мир человека. Как носитель и хранитель знания, он дает ему представление о Добре и Зле, направляя поступки человека в ту или иную сторону. Символ выражает единство человеческих коллективов и в такой форме приобретает власть над отдельными людьми. Можно сказать, что мир символов в определенном смысле легитимирует жизнь человека в реальном мире, придает ей смысл и порядок. Мир символов упорядочивает жизнь не только отдельного человека, но и историю целого народа, связывая в коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В определенном смысле он выражает единство человеческих коллективов и в такой форме приобретает власть над отдельными людьми.

Самоидентификация предполагает наличие самосознания, определения себя как некоей единицы, включенной в социальную структуру, в некий контекст отношений. Такое осознание невозможно без определения внешних границ моего Я, за пределами которых начинается Другой. Если полагать, что для отдельного индивида (человека) границы его Я пролегают через его тело², то для коллективного Я дело обстоит несколько сложнее. Архитипическое сознание порождает (создает, конструирует) иной способ самоидентификации. Для его самопрезентации существует символическая карти-

на Мира. Будучи потаённой в глубинных структурах человеческого бытия, она представляет собой внутреннюю, сложно организованную иерархическую пространственно-временную структуру. Эта картина особым образом упорядочивает окружающие человека вещи и события. Она задает некоторую структуру их организации, некую «сетку» (основу), не только упорядочивающую окружающие вещи, события, не только задавая стереотипы поведения человека, но и вписывая его самого и способы его взаимодействия в социальный и природный мир. Она помогает человеку определить, задать границы Мы – Они, Мое – Чужое, Наше – Не наше.

Структура символического мира может быть выстроена либо по горизонтальному, либо по вертикальному принципу. У традиционных (коллективистских) сообществ она вертикальна. Индивидуалистические сообщества представляют собой образец горизонтальной организационной системы со всеми вытекающими последствиями.

В модели мира, представленной в традиционно-коллективистском обществе, задается система отношений взаимозависимости индивидов. Она выстроена иерархически, вертикально. В индивидуалистической – человек рядоположен, равноправен и, будучи включенным в некое структурное образование, сохраняет за собой относительную независимость. При этом необходимая вертикаль не дана (задана) изначально, а выстраивается (вырабатывается) рядоположенными, равноправными субъектами. Она представляет собой отрефлексированный продукт рациональной конвенции.

Приобщение к той или иной модели означает самоидентификацию с тем или иным символическим миром и усвоение значений его символов. Идентификация с символами содержит определенный возвышенно-сакральный смысл. В сакральных способах чтения акцент делается на возвышенно-символические аспекты национального мифа, сознание обычных людей приобщается (восходит) к национальным святыням.

Разрушение мира символов, этого глубинного пласта человеческого подсознания, фактически означает смену устоявшихся значений. Выпадение элемента из целостной структуры приводит к нарушению этой целостности. Поэтому смена усвоенных смыслов фактически означает смену «мира», в котором находится субъект

ект, что ведет в лучшем случае к кризису его самоидентификации, а в худшем – к её утрате. Поэтому так велико значение символов в формировании и упрочении идентичностей.

Именно эти общие соображения дают нам возможность говорить о значении символических средств для возникновения и трансформации идентичностей в России. Ведь россияне исторически являются носителями традиционного сознания, в котором велики доля и роль образно-символической составляющей.

Личностный рост любого человека во многом определяется его способностью к приспособлению к изменяющейся социальной действительности. Возникающее в кризисные моменты ощущение «утраты Я» связано с нарушением целостности и устойчивости представлений о себе. Личностная перестройка, вызываемая жизненными событиями, захватывает всю систему человеческого Я. Психологический смысл этого процесса состоит в необходимости совершить индивидуальный выбор в мире возможностей³. Однако важно, чтобы он не разрушил базовое основание личностного Я. Существенно пройти этот путь без утраты своей идентичности. Такой утраты не происходит, если процесс трансформации не посягает на базовые ценности, находящие свое отражение во внутреннем целостном символическом мире человека. То есть значение базовых образов остается прежним.

Фундаментальными символами абстрактно-символической общности русского традиционного сознания являются понятия «Мир» (синонимом которого была «община»⁴) и «земля». Исторически эти понятия были центральными в традиционном сознании русского народа. «Мир» представлял собой автономную самодостаточную единицу. В древности в традиционном сознании «Мир» занимал место государства, поэтому в нем, как в фокусе, сосредотачивались все общественные устремления. С образованием государственной структуры «Мир» в глазах народа становится самодовлеющим целым, при этом он не утрачивает позицию верховного авторитета. С одной стороны, государство становится особой частью глобального «Мира», а с другой – системой, объединяющей многочисленные «Миры» («Миром» в более широком смысле слова, отличие которого от составляющих его элементов заключалось в количественных,

а не качественных характеристиках). При этом на государство были перенесены фактически все функции общности, в том числе и хозяйственные.

Если «Мир»-государство представлял собой административное образование, то «Мир»-община – хозяйственное. По народному воззрению, вся Россия – это большая община. Одним из важных символов русского самосознания являлась Земля. Она была предметом идентификации для большинства российского населения. Для глубинных архитипических структур подсознания Земля являлась символом общности, объединяющим всю нацию. Она не могла кому-либо принадлежать, так как принадлежала «Миру» в целом. В глазах русского народа земля была Божья или государственная, что, в конечном счете, для него было тождественным. Право на землю появлялось тогда, когда в неё вкладывали труд. Так как основной формой хозяйствования была община, то и обрабатывалась земля «всем Миром». Соответственно и принадлежала она «Миру». Благодаря труду предков земля становилась достоянием потомков. Общество при этом по традиции оставалось недостаточно автономным и независимым, а граждане были оставлены на милость или немилость государства. В русском самосознании царь и народ представляли собой общее нерасторжимое Мы. Для него было характерно понимание царя как Отца русского народа. Отсюда следовало: чего хочет народ, того хочет и царь (как выразитель воли народной). А того, что хочет царь, хочет и народ. Таким образом, выстраивалась структура целостного коллективного сознания.

Любые социокультурные изменения приводят либо к трансформации, либо к разрушению связанных с ними структур. Трансформация предполагает уточнение в соответствии с произошедшими изменениями смыслового мира или мира значений. Она не представляет опасности для целостности этого мира. Более того, она является адаптационным механизмом, позволяющим ему выжить. Смена же устоявшихся значений символического мира приводит к расшатыванию его структурной целостности. Превышение критической массы таких изменений может привести к разрушению этого мира.

Можно говорить, что до реформ Петра I символический мир русского народа трансформировался в соответствии с происходящими в стране изменениями. На этом фоне его реформы могут

быть рассмотрены в качестве таких изменений, в результате которых начало происходить постепенное разрушение старой русской иерархической символической структуры мира.

Реформы Петра I фактически должны были привести к изменению типа мышления русского народа. На смену образно-символическому мышлению в таком случае пришло бы рационально-логическое. Такая смена привела бы к переструктурированию символической картины мира и изменению её пространственно-временной координаты. Реформирование шло по двум направлениям: изменение структуры мира (замена вертикальной на горизонтальную) и замена символов (символов коллективистского мира на символы мира индивидуалистического).

До Петра I структура государственного устройства соответствовала внутреннему мироощущению народа. Реформы удвоили мир русского сознания: внутренний мир оставался иерархически-вертикальным, а государственное устройство осуществлялось по горизонтальному принципу.

Сильным ударом по символической иерархической вертикали русского самосознания явились церковные реформы, проведенные Петром. В определенном смысле церковь сама являлась системообразующим принципом целостного мира. Для народного сознания она была сакральным символом и в этом качестве представляла собой проявление священного. Такой символ «...сам по себе раскрывает сакральную или космологическую реальность, чего никакое другое проявление сделать не в состоянии»⁵. Лишение церкви сакрального смысла (сакральности) автоматически меняло её положение (место) в структуре символического мира, что, как следствие, привело бы к её переходу из вертикальности в горизонтальность.

Для рационально прагматичного Петра I церковь имела значение как орудие власти и источник государственных доходов. Преследуя в своих действиях чисто властные и экономические интересы, он фактически низводил церковь до положения звена государственного аппарата и тем самым лишал её сакрального смысла. При нём церковь совершенно утратила свою относительную независимость и самостоятельность. Она была способна действовать лишь как одно из государственных учреждений. Начиная с церковных реформ Петра, российское правительство стало причислять церковь к числу своих государственных учреждений.

«...А с начала XIX в. в официальном словоупотреблении даже самый термин “церковь” заменяется термином “ведомство православного исповедования”»⁶. Изменение статуса довершалось обременением священнослужителей дополнительными, не свойственными для их церковного чина функциями. Это превращало их служение в простое исполнение обязанностей, лишало его сакрально смысла, и низводило их до положения государственных служащих. В представлениях же народа церковь, даже как институт, обладала сакральной властью. Она являлась не только «божьем домом», но и местом единения всего «Мира». Поэтому в сознании народа она сама и всё, что с ней было связано, занимали особое, высшее место.

Попытка трансформации порождала у народа различные формы протестного поведения. Эти протесты были направлены на защиту и сохранение былого уклада. Выражалось они по-разному, начиная от различных форм психологической защиты (порожденные разного рода слухов⁷ и т.д.) до открытых выступлений (от простого «ухода в бег» до крайней формы – самосожжения).

Удары, наносимые Петром по усвоенным народом символам повседневной жизни (национальная одежда, бороды, народные праздники и способы их проведения и т.д.) с заменой их на новые, привели к активному сопротивлению их внедрению. Чувствуя реальную угрозу своему устоявшемуся миру, народ не только не принимал символы другого, но и в конечном счете начал отторгать от *своего* Мира самого Петра. Это отторжение осуществилось в виде переноса представления об антихристе с «подмененного» царя (см. сноску 7) на самого Петра. Так, бытовало мнение, что «...он изменил летоисчисление и назвался императором, чтобы обмануть народ и скрыть, что он антихрист. Он украл восемь лет у бога да еще перенес начало года на январь (никогда сотворение мира не могло быть в январе – ведь яблок тогда не бывает)... Он провозгласил себя богом России, став над сенатом и синодом, и требует поклонения себе.»⁸. Одним из важных доказательств антихристовой природы Петра было то, что он «...учини описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старых и младенцев, живых и мертвых, возвышаяся над ними и изыскуя всех, дабы ни един не мог скрыться от рук его...»⁹. Так ревизионная перепись крестьян для взымания подушной подати – явление обыденное, очевидно

необходимое для рационально-прагматичного мира, – отозвалась в русском символическом сознании как очередное посягательство на последний оплот первозданного русского символического мира – крестьянскую общину. Петр ввел в обиход «изобретение дьявола» – слово «моё», он пересчитал живых и мертвых, разделил людей на разные чины, попытался изменить «образ божий в человеке»: брить бороды и носить «немецкое платье». Ропща и протестуя, народ это стерпел. Он «отдал» ему государство, но отдать общину еще не был готов. Но до неё «руки Петра» не дошли.

Несмотря на то, что усилия Петра I были направлены во многом на борьбу с символами, сама его преобразовательная деятельность во многом носила символический характер. Перенесение столицы из Москвы было символом не только дистанцирования от прежнего жизненного уклада, но и серьезного намерения его переделать¹⁰. Как удачно подметил К.Маркс: «В отличие от Москвы Петербург был не центром расы, а местопребыванием правительства, не результатом длительного труда народа... не центром, определяющим свойства континентального народа... не традиционным ядром национального развития, а сознательно избранным местом для космополитической интриги. Перенесением столицы Петр порвал те естественные узы, которые связывали ...прежних московитских царей с естественными способностями и стремлениями великой русской расы. Поместив свою столицу на берегу моря, он бросил открытый вызов антиморским инстинктам этой расы и низвел ее до положения просто массы своего политического механизма»¹¹. Однако не вызывало сомнений, что Москва, как носитель русской ментальности, несмотря на утрату статуса столицы, по-прежнему оставалась центром России.

Проводимые Петром I реформы явились по сути своей основой разделения русского государства на собственно государство и земщину (общину). Мир русского народа удвоился. Граница между царем и народом превратилась в пропасть. Государство раскололось на царя и его правительство и на остальной «Мир» (общину). Это не могло не повлечь за собой процесс трансформации русского традиционного сознания. То, чего практически не знала допетровская традиционная Русь, составляло едва ли не главный показатель характера перемен в сознании русского общества. И первым здесь следует назвать процесс индивидуализации.

Реформы Петра I нанесли удар как по структуре, так и по базовым символам русского самосознания, что привело в конечном счете к расколу единого традиционного сознания. В мире коллективистского сознания определенно заявили о себе носители сознания индивидуалистического.

Если «полем деятельности» Петра I была государственная система, то следующей проверкой на прочность русского самосознания явилась столыпинская попытка внедрения индивидуалистического сознания в саму крестьянскую общину. По сути своей его реформы должны были превратить общинного крестьянина в хуторского собственника. При этом произошло бы разрушение традиционно сложившегося в русском сознании образа «матушки», «кормилицы»-земли и низведение её до уровня обычного товара. Известно, что «не может иметь святости то, что имеет цену». Образ земли-товара господствовал в континентальной Европе. Так, например, если у немцев и сохранялось коллективное использование земли (например, пастбищ), то это было не общинное, а общее владение. В Германии крестьяне были коллективными собственниками земли и каждый имел пай в общей собственности. Своей собственностью можно было распорядиться по своему усмотрению. Как было отмечено выше, такое отношение к земле было не характерно для русского сознания. Вероятно, поэтому так велико было сопротивление этой реформе со стороны крестьянства. Действия крестьян можно рассматривать как попытку защиты целостности существующей картины мира, как желание восстановить должную иерархию мироздания. То, что для одной культуры может быть капиталом, для русской есть духовное состояние нации.

Нарушение внутреннего символического мира опасно тем, что оно приводит к кризису самоидентификации. Человек как бы перестает понимать, что происходит с ним и его миром. Он не в состоянии определить происходящее вокруг него. В момент такой внутренней неопределенности проще воспринимаются символы другой, навязываемой человеку культуры. Это впоследствии может привести к утрате собственной культуры.

Таким образом, можно сказать, что переструктурирование пространственно-временного каркаса символического мира в совокупности с выпадением из целостной картины мира системоо-

бразующих символов и изменением их общепринятых смысловых значений, может привести сначала к серьезному кризису, а затем и к утрате самоидентификации.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Гриненко Г.В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. М., 2000. С. 89.
- ² Следует отметить, что и с этой границей не все так просто, так как индивидуально-личностная граница телесного Я социокультурно обусловлена. Она неразрывно связана с образом Я и соответственно с образом моего тела. Границы образа моего тела не совпадают с границами тела физического (плотского, организменного). Тело для субъекта социального взаимодействия (а иной формы существования у человека нет) является неким артефактом, неким орудием конструирования действительности и приспособления к Другому, способствующим более успешному выживанию человека.
- ³ См.: Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.
- ⁴ См.: *Лурье С.* Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // *Человек.* 1992. № 4.
- ⁵ Цит. по: *Гриненко Г.В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. С. 89.
- ⁶ См.: *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1983. С. 188.
- ⁷ Так, когда народное сознание ещё не готово было принять тот факт, что молодой царь, «помазанник Божий», ведет себя неподобающим образом, появлялись разные слухи. Так, например, в 1698 г., после возвращения Петра из-за границы, пошел слух, что «подлинный царь пропал без вести в «Стеклянном государстве», а на его месте в Москве воцарился... антихрист» (см.: *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 168.)
- ⁸ *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 168–169.
- ⁹ Цит. по: *Никольский Н.М.* История русской церкви.
- ¹⁰ Не менее символическим было и то, что после смерти Петра I возникает вопрос о возвращении столицы в Москву. Известно, что император Петр II большую часть своего непродолжительного царствования провел в Москве, где и умер. В Москву в это время перебрались все центральные учреждения, включая Монетный двор. Под страхом наказания запрещалось тогда говорить об обратном переезде двора в Петербург.
- ¹¹ *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // *Вопр. истории.* 1989. № 4. С. 12.

КАФЕДРА

С.Г. Ильинская

Опыт преподавания политологии: научный потенциал ИФ РАН как стратегический резерв развития политической науки

Уникальность Института философии РАН как исследовательского центра – факт общеизвестный. Однако с некоторых пор это академическое учреждение превратилось также и в уникальную «кузницу кадров».

Надо сказать, что функция подготовки специалистов по философии была присуща Институту всегда. Но вот уже более десяти лет, помимо традиционной для этого учреждения аспирантуры, на базе Института функционируют два факультета Государственного университета гуманитарных наук (философии и политологии), имеющие 14 выпускающих кафедр и собственную аспирантуру ГУГН. В Институте повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров преподаватели-гуманитарии могут пройти курс обучения по базовым («Философия», «Политология») и инновационным («История и философия науки», «Политическая философия и цивилизационный выбор России») программам. Отделение востоковедения философского факультета ГУГН осуществляет подготовку по специальности 030800 «Востоковедение» (это отделение – единственное в стране, где готовят востоковедов-философов), предоставляет возможность изучить арабский, китайский язык, санскрит или хинди.

На кафедре истории и философии науки ИФ РАН проходят подготовку и сдают кандидатский минимум аспиранты всех учреждений Российской академии наук – будущее российской науки. В ИФ РАН осуществляется сотрудничество с зарубежными учрежде-

ниями высшего образования (Французский университетский колледж, Российско-германский колледж, лондонский Университет им. Брюнеля и пр.), а также с российскими региональными вузами (например, проводятся образовательные мероприятия на базе совместной с Астраханским государственным университетом лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия).

Цель настоящей публикации – рассказать об использовании научного потенциала Института философии РАН на факультете политологии ГУГН, раскрыть специфику подготовки политологов в данном вузе, а также поделиться личным опытом участия автора статьи в данном процессе.

Политическая наука, переживая в России в конце XX в. период бурного развития, нередко шла путём заимствования западных наработок¹. На факультете политологии ГУГН этого удалось избежать благодаря ряду обстоятельств. Прежде всего, специалисты ИФ РАН изначально обладали знаниями о состоянии западных исследований по этой тематике. Благодаря работе наших учёных, многие «буржуазные» теории сделались известны ещё советской научно-педагогической общественности. В жанре комментированного реферирования нередко излагалась суть той или иной концепции, а ниже по тексту давалась «идеологически выдержанная» критика, которую понимающий человек не принимал во внимание.

В то же время в Институте имелось большое количество специалистов по отечественной и восточной политико-философским традициям. Поэтому преподавание политологии имело здесь свою существенную специфику. Более того, именно этот научный потенциал и уже имеющийся опыт преподавания может на сегодня стать стратегическим резервом развития мировой политической науки и солидным российским обществоведческим преимуществом, дающим возможность преодолеть дилемму индигенизации² versus универсальности³.

Специфика развития отечественной политологии проявилась также и в том, что в ее рамках детально разрабатывались такие категории, как государство, политическая власть, политический режим, политические процессы и институты, политическая культура, политическая идеология, тогда как другие важнейшие категории (толерантность, политическая ответственность, леги-

тимность, свобода и др.), которые по праву составляют багаж политической науки, не входили в сферу научных интересов отечественных политологов.

К сожалению, в российских вузах, особенно региональных, сегодня мало людей, «которые кроме ведения “часов” демонстрировали бы ещё серьёзные научных достижения»⁴. Государственный университет гуманитарных наук, напротив, представляет собой уникальную структуру, в которой наука и преподавание не разделены, а студенты имеют возможность вживую слушать лекции корифеев отечественной гуманитарной мысли: курс политической антропологии в исполнении Валерия Подороги, спецкурс «Политические процессы и политические отношения в современной России» Игоря Пантина, дисциплину «Классическая западная политическая мысль» Марии Фёдоровой.

На факультете идёт постоянная ротация спецкурсов. Иногда это происходит благодаря прикрепляющимся к Диссертационному совету ИФ РАН по политическим наукам (Д 002.015.05) аспирантам и докторантам, стремящимся к апробации своих исследований, иногда вследствие того, что оригинальные авторские разработки учёных ИФ РАН незамедлительно интегрируются в образовательный процесс высшей школы.

В течение последних трёх лет объектом исследования преподавательского коллектива факультета политологии ГУГН являлась система категорий политической науки. Проект подразумевал обоснование новых философско-методологических подходов к их изучению, разработку концептуальных методов взаимодействия общей научной теории и практики ее преподавания студентам-политологам. При этом разработчики проекта исходили из того факта, что в обществе налицо тенденция понижения уровня взаимосвязанности общей культуры и политических смыслов, что ставит под сомнение саму политическую активность. В силу этого авторы видели свою задачу в укреплении этой взаимосвязи через определение новых политических смыслов уже разработанных политической наукой категорий, а также в тщательном выделении именно политического смысла категорий из других областей знания, успешно работающих в последнее время в рамках политической науки (справедливость, ответственность, толерантность, самосознание, ценность и др.).

Обогащение категориального аппарата политической науки осуществлялось через систему специальных курсов, в которых раскрывались политические аспекты категорий из областей знания, смежных с политологией.

На первом этапе реализации исследовательского проекта в рамках решения теоретической задачи по реконструкции системы категорий политической науки были выделены следующие категории, ставшие главным предметом теоретической рефлексии участников проекта: 1) (политическая) толерантность, понимаемая не как отмена борьбы, а как борьба, но в известных границах, которые нельзя определить априорно, поскольку их задает практика борьбы; 2) (политическая) справедливость, определяемая как нравственное требование развития человеческих возможностей, предъявляемое одновременно к другим людям и государству; 3) легитимность, определяемая через исследование и тщательное разведение таких понятий, как идея легитимности и система легитимации, понимаемые не как антитезы, а как самостоятельные проблемные логики; 4) свобода, рассматриваемая авторами проекта не только в своем субъективно-духовном измерении, но в институциональном плане; специфика восприятия свободы как политической ценности различными категориями массового сознания.

Затем в систему исследуемых понятий были включены другие категории, а по уже изученным разработаны спецкурсы, успешно внедрённые в практику преподавания на факультете политологии ГУГН и др. вузов.

Кроме того, более четкое определение политических смыслов исследуемых категорий потребовало от разработчиков проекта детального анализа общей структуры политического знания, в особенности в том, что касается разграничения и спецификации общих и прикладных политических дисциплин (политическая наука и политическая философия, политическая наука и политическая антропология, политическая этика, политическая экономия и др.).

Авторским коллективом подготовлен сборник программ разработанных лекционных курсов⁵, внедрённых и переработанных с учётом опыта апробации. Программы курсов проходили апробацию не только на факультете политологии ГУГН (И.А.Ероховым, Н.Б.Ильиной, С.Г.Ильинской, А.Г.Мысливченко, И.И.Мюрберг,

А.Ф.Яковлевой), но и в магистратуре РГГУ (И.А.Ероховым), на факультетах политологии МосГУ (Г.Ю.Канаршем), Института бизнеса и политики (С.В.Климовым).

Подготовленный сборник состоит из нескольких разделов. Первый раздел посвящен политической истории и теории, второй – методологии политической науки, в третьем раскрывается философская база политологии. Четвёртый раздел – категориальный, в нём научные сотрудники Института философии РАН в форме спецкурсов расширяют категориальный аппарат политической науки, разрабатывая в качестве политических категории смежных областей знания: этики (справедливость, толерантность), права (легитимность). Пятый раздел посвящён прикладной политологии, в него включены спецкурсы по выборным технологиям, политическим партиям, политическому лидерству и дисциплина «Политическое консультирование». Шестой раздел посвящён политическим системам. В него вошёл общий курс «Мировая политика и международные отношения», в рамках которого разбираются ключевые современные региональные подсистемы международных отношений, а также спецкурсы по западной социал-демократии, британскому либерализму, шведской модели общественного развития. Последний раздел – учебно-методический, он призван помочь студентам в написании письменных работ.

Авторы-разработчики стремились к преодолению западно-центричной заданности, характерной для первых лет становления отечественной политологии, постарались дать будущим политологам представление об этой науке как о мультипарадигмальной. Авторитаризм и демократия рассматриваются в базовом курсе политологии ценностно нейтрально, в качестве альтернативных политических режимов, подчёркивается реформаторский потенциал авторитаризма, современная и традиционная ценностные матрицы (в теме «Политическая модернизация») изучаются в качестве равноправных и т.п. Западная и восточная политические культуры также рассматриваются как альтернативные, теологическая парадигма в восприятии феномена власти – как равноправная и актуальная, например, для современного политического ислама и т.п.

Другой методической «находкой» является «континентальная специализация» заданий для самостоятельной работы. Преподавание сравнительной политологии, как правило, осуществляется не

ранее 4 курса. Данное обстоятельство приводит к тому, что будущие политологи владеют только самыми элементарными примерами из истории и современности (советский и немецкий тоталитаризм, однопартийная система СССР, двухпартийная система США и проч.), а всё богатство общественно-политической жизни на разных континентах, в различных странах остаётся ими не изучено. Предложенная континентальная специализация (как правило, студенты, однажды выбрав для изучения один из континентов, не меняют объект исследования) пробуждает интерес к практической политике в одной из региональных подсистем мира и приводит к ранней «специализации» будущего политолога, который ещё до написания первой курсовой работы начинает накапливать эмпирический материал по интересующему его кругу стран, задолго до изучения курса «Сравнительная политология» овладевает элементарной методикой компаративных исследований.

Практика показывает, что на первом курсе студенты ещё не готовы к полноценному участию в семинарских занятиях. В своих выступлениях они часто сбиваются на демагогические рассуждения общего характера. Поэтому наряду с традиционными семинарскими вопросами для самостоятельной работы студентам предлагаются конкретные практические задания, после выполнения которых они приобретают возможность аргументированно отстаивать собственную точку зрения на семинарах. Те студенты, которые подготовились по одному и тому же континенту, дополняют ответы друг друга, участвуют в полемике относительно «проблемных» вопросов или государств. Те, кому не удалось принять участие в коллективном обсуждении, сдают работы в письменном виде.

Другим немаловажным аргументом для внедрения настоящей методики образовательного процесса послужил тот факт, что основным источником информации для современного студенчества является сеть Интернет, причём информация оттуда заимствуется бездумно. Любой найденный реферат, неизвестно кем и как составленный, воспринимается как истина в последней инстанции. Для того чтобы научить будущих специалистов элементарным навыкам рефлексии, авторами-разработчиками предлагаются задания, в которых Интернет может быть только источником информации. По каждой теме в ходе лекции студентов знакомят с ря-

дом ключевых фамилий классиков и современных исследователей, являющихся авторитетами в данной области, чьим публикациям они могут доверять.

Другим методом контроля является написание итогового эссе. Оно пишется по актуальной проблеме, интересующей студента и имеющей отношение к пройденным темам, и носит аналитический характер, например: «Особенности российской (или любой другой) политической культуры», «Роль корпоративных и олигархических групп давления в российской политике (политике другой страны)», «“Левые” и “правые” в идейно-политическом спектре России (другой страны)», «Проблемы и противоречия политической модернизации в Латинской Америке (Восточной и Центральной Европе, России, на постсоветском пространстве и проч.)», «Либерализм и этатизм в России (другой стране): политические и социальные аспекты», «Взаимоотношения режима и оппозиции (на примере любой страны)» и др.. В качестве варианта написания эссе также предлагается осуществить сравнительный анализ двух-трёх государств, избрав в качестве программы исследования тематику курса (политическая система, политический режим, политические институты, политические процессы, политическая культура и проч.).

Программы подготовки будущих политологов имеют тенденцию существенно корректироваться с учётом существующей социально-политической конъюнктуры: в 1990-е политология нередко подменялась политическими технологиями и пиаром, в 2000-е – государственным управлением, что соответствует «духу времени», но чревато утратой политической теории как таковой⁶. На факультете политологии ГУГН, напротив, всегда не хватало прикладных политологических дисциплин, и на протяжении всей истории вуза преподавательский коллектив факультета старался преодолеть существующую структурную диспропорцию в пользу политической философии в программах подготовки будущих политологов путём введения таких курсов, как «Политический менеджмент», «Политическая психология», «Политическая социология» и т.п.

Задумывался коллектив и о профориентации своих студентов. Здесь автор настоящей статьи намерен рассказать о собственных наработках в данном вопросе. Имея за плечами практический опыт политического журналиста, эксперта-аналитика, политтехнолога,

партстроителя и даже кандидата в депутаты, в момент своего прихода на факультет политологии ГУГН автор застал там безрадостную картину. Выпускники вуза шли либо в аспирантуру (лучшие), либо в менеджеры по продажам или страховые агенты. Такова уж специфика вуза, в котором традиционно сильна философско-методологическая база подготовки политологов в ущерб прикладной политологии. наших студентов с успехом учили «высокой теории», однако невозможно готовить «политологов вообще». Существует достаточно много различных политических профессий, специфика которых существенно различается: политический управленец, советник, независимый эксперт, идеолог, партийный функционер, политический журналист, политтехнолог, преподаватель политологии (учитель обществоведения) и др.⁷. «Политолог вообще», приходя на работу в аналитический центр или органы государственного управления, нередко не имеет элементарных практических навыков.

В настоящее время проблема профориентации на факультете политологии ГУГН с успехом преодолена в рамках дисциплины «Политическое консультирование». Главная задача, которую ставил перед собой автор-разработчик, – продемонстрировать будущим политологам всё богатство возможностей профессионального приложения творческих способностей. Такая «профориентация» крайне необходима уже на втором курсе для того, чтобы студенты видели потенциальные перспективы собственной карьеры, расширяли личную библиотеку, занимались самообразованием, специализировались в избранном направлении при написании курсовых работ, приобретали практический опыт, работая по совместительству в политконсалтинговых агентствах, трудоустраиваясь в период летних каникул.

В данном курсе предельно широко трактуется сфера политического консультирования (от политтехнолога до стратегического аналитика), в сферу политического консультирования включается имиджмейкерство, спичрайтерство, деятельность пиармена и мн. др., систематически рассматриваются все аспекты деятельности политического консультанта с отработкой практических навыков, что помогает ранней специализации будущего политолога. Структура курса (даже в ущерб систематичности изложения материала) специально продумывалась так, чтобы с первых занятий студенты

начинали выполнять практические задания, приобретая навыки работы по специальности, от простейших задач (написание пресс-релизов, собственного резюме, плана-графика PR-мероприятий и т.п.) постепенно переходя к составлению сложных документов (аналитических записок, политических стратегий и т.п.). Так, прикладной уровень политического анализа даётся уже в первом разделе для того, чтобы студенты могли использовать соответствующий инструментарий в процессе выполнения практических работ. Второй же раздел посвящен аналитической работе на более глубоком теоретическом уровне.

Важное значение в данном курсе придается принципам профессиональной этики экспертов, работающих в сфере политического консультирования. Видение политических коммуникаций даётся не с позиции манипулирования волей избирателя, а с точки зрения артикуляции и агрегирования настроений электоральных групп. В разделе, посвящённом аналитической работе, упор делается на объективность и беспристрастность выводов эксперта-аналитика.

Основной задачей курса является формирование у слушателей представления о предмете политического консультирования, его истории, теории, структуре и месте в системе политического менеджмента; о разнообразии подходов к стратегическому планированию политических кампаний, основных избирательных технологиях, приёмах и методах, применяемых в ходе предвыборной борьбы и текущего политико-административного маркетинга; о статистическом, информационном, аналитическом, прогностическом и пр. инструментарии политического консультанта, методах политического анализа, специфике работы эксперта-аналитика.

В результате изучения дисциплины специалист должен иметь представление об истории политического консультирования и его месте в системе политического менеджмента; особенностях целей, задач и основных этапов политического маркетинга, как электорального, так и политико-административного, приёмах планирования и техниках реализации политических проектов; специфике работы эксперта-аналитика; методах анализа политических текстов, процессов, проблем и решений, политическом прогнозировании и моделировании; он должен уметь создавать базовые документы политической кампании, разрабатывать стратегию политического проекта, политического решения; составлять аналитические записки.

Другим важным достижением нашего вуза является возможность «восточной» (отечественной и ориенталистской) специализации.

В практике преподавания как российской, так и большинства западных стран курс истории политической философии ориентирован на западную традицию, российской и восточной политической мысли уделяется не больше 2–4 лекционных часов. На факультете политологии ГУГН пошли по другому пути. Наши студенты не только (в отличие от своих коллег из большинства других российских вузов) слушают на втором году полный курс отечественной и восточной политической мысли (объёмом по 90 часов каждый – 60 лекционных и 30 семинарских), но и на протяжении последних тринадцати лет имеют возможность, начиная с третьего курса, специализироваться по одной из трёх восточных политико-философских традиций: арабо-мусульманской, индийской и китайской. Ежегодно от четверти до трети общего числа студентов выбирают ориенталистскую специализацию. Этим процессом руководят кафедра восточных философий (под руководством профессора, д.ф.н. М.Т.Степанянц) и отделение востоковедения (под руководством чл.-корр. РАН А.В.Смирнова), где студентам читают лекции по восточной политической философии, ведут углубленные спецкурсы, осуществляют руководство написанием курсовых и дипломных работ, посвящённых тому или иному государству Востока. Студенты, специализирующиеся по избранной ими восточной традиции, изучают соответствующий язык (персидский, санскрит, китайский и арабский).

Такая политика руководства университета и факультета – преподавание восточной компоненты для всех, а не для избранных – заслуга прежде всего академиков А.Гусейнова и В.Стёпина. Она не только даёт возможность всем студентам понять, что такое восточная политическая мысль, но и вырастить специалистов по Востоку. Наиболее талантливые студенты после окончания факультета поступают в аспирантуру как ИФ РАН или ГУГН, так и в аспирантуру ИСАА, Высшей дипломатической академии и др. вузов, приходят в Институт философии в качестве научных сотрудников сектора восточных философий или сектора философии исламского мира. Подход обусловлен глубоким убеждением в том, что без полноценного и профессионального преподавания восточной мысли современное высшее гуманитарное образование не будет полным.

Преподавание восточной политико-философской традиции на факультете политологии ГУГН ведётся лучшими российскими специалистами в этой области. Наши преподаватели помогают будущему специалисту глубоко изучить традиционную культуру избранной страны во всех ее составляющих (политика, религия, доктрина, право, литература, наука, экономика), ориентироваться в реалиях современной ситуации в странах Востока, до тонкостей постичь классическую и современную политико-философскую мысль региона специализации. Учебники и пособия, подготовленные преподавательским коллективом кафедры восточных философий ГУГН, выдержали уже не одно российское и зарубежное издание.

Успешная практика преподавания восточной компоненты «для всех» породила идею целенаправленного приёма людей, ориентированных именно на восточную традицию. Отделение востоковедения ГУГН – это уже следующий, более профессиональный этап в развитии нашего вуза, пока имеющий отношение лишь к философам, однако в самом ближайшем будущем отделение предполагает соединить профессиональное востоковедение и профессиональную политологию. Многие категории классической западной политической науки иррелевантны социально-политическим процессам незападного мира. Поэтому преподаватели-востоковеды активно обогащают категориальный аппарат политической науки, в перспективе предполагают открыть специализацию «Востоковед-политолог».

Всё, что не предусмотрено стандартной вузовской программой, осуществляется на внебюджетные средства: преподавание персидского языка ведётся благодаря поддержке Иранского культурного центра, санскрита – за счёт посольства Индии и т.п. Обучение восточным языкам ведут лучшие специалисты Москвы.

Студенты и аспиранты факультета политологии имеют возможность пользоваться богатейшими фондами научной библиотеки ИФ РАН, насчитывающей свыше 300 тысяч единиц хранения, электронной библиотекой и фондами издательского отдела ИФ РАН, а также учебной библиотекой факультета политологии ГУГН, включающей в себя новое поколение учебников и учебных пособий. Те из них, кто успешно выполняет учебную программу, проходят стажировку в зарубежных университетах (как западных, так и Китая, Ирана, Индии), активно включаются в научную жизнь ИФ РАН. Преимущество ГУГН в целом и восточного направления

в частности заключается в том, что ориентированные на научную работу студенты и аспиранты публикуют статьи в наших журналах, участвуют в проводимых на базе Института философии семинарах и конференциях. Однако наше образование открывает не только перспективы академической карьеры и преподавательской деятельности, но и дает широкие возможности работы в государственных учреждениях и негосударственных компаниях, средствах массовой информации. Выпускаемые факультетом специалисты по-настоящему понимают, что такое восточная культура, и готовы к современным вызовам глобального мира.

Примечания

- ¹ *Гаман-Голутвина О.В., Капустин Б.Г., Соловьёв А.И.* Совершенствование преподавания политологии. Аналитический доклад. М., 2005. С. 88.
- ² Форма сопротивления господству западных теорий, выражающаяся в появлении локальных социальных концепций. Данная тенденция подчёркивает эвристическую значимость собственных культурных традиций.
- ³ *Федотова В.Г.* Горизонты ожиданий – горизонты осуществлений (Роль социальных наук в обществе сложнее, чем кажется) // Политический класс. 2008. № 45.
- ⁴ *Ковалёв В.А.* Российская политология в условиях инволюции системы образования и социальной деградации // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития.* М., 2006. С. 462.
- ⁵ Политические науки: Прогр. Учебн. курсов. М., 2008.
- ⁶ Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра (материалы научного семинара) / Бурлацкий Ф.М. и др. // Полис. 2006. № 1. С. 155.
- ⁷ Современные проблемы преподавания политической науки в высшей школе: (Материалы международной конференции) / Алексеева Т.А. и др. // Полис. 2001. № 5. С. 127.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА УЧЕНОГО

С.Г. Ильинская

Четыре аргумента в пользу терпимости

У настоящего материала есть сразу два информационных повода. Первый, и самый главный – в сентябре 2008 г. исполнилось 50 лет яркому российскому интеллектуалу, ведущему научному сотруднику Института философии РАН Владимиру Сергеевичу Малахову. Второй повод, не такой очевидный: ряд действий российского руководства (в частности, политика по отношению к Южной Осетии) недвусмысленно подтверждает, что к высших эшелонах власти прислушиваются к рекомендациям ученых; в частности, приносит свои плоды. Многолетняя творческая активность Владимира Сергеевича в отечественном политическом дискурсе этноцентризм все больше уступает свои позиции в пользу гражданственности – пусть даже пока по формальным признакам. Когда на уровне официальной риторики и политической практики люди с российскими паспортами воспринимаются в качестве сограждан, которых необходимо защищать всей мощью военной силы государства – это, знаете ли, весьма симптоматично.

В конце 1990-х гг. на отечественном интеллектуальном небосклоне проявил себя яркий автор, пишущий на темы национализма, расизма, этничности, миграции и культурного плюрализма. Нельзя сказать, что он был одинок (у него имелись единомышленники – В.Тишков, А.Осипов, В.Коротеева и др., а впоследствии возникли и последователи, в их числе – автор настоящего материала), однако по яркости изложения мало кто мог сравниться с Малаховым. В научной среде появился интеллектуал, который имел

ряд качеств, свойственных в большей степени западному, нежели российскому учёному. Свои научные штудии исследователь нередко облачал в форму актуальной эссеистики, в которой эрудиция сочеталась с глубиной анализа, а методологическая последовательность – с доступностью изложения, лаконичность – с насыщенностью текста. Статьям Владимира Малахова присуща чёткая логика и предельная ясность мысли, характерная для академических текстов; вместе с тем, он не боится неконвенциональных терминов, характерных для публицистики, не стремился писать «научно», намеренно использовать казуистический язык. Терминология в его материалах всегда исключительно уместна.

Порой превращаясь из специалиста по западной философии в борца с расизмом и этноцентризмом, Владимир Сергеевич продемонстрировал исключительную плодовитость и на новом поприще: мне удалось насчитать около полусотни его статей, вышедших на эту тему за последние годы, и четыре монографии.

О монографиях стоит сказать отдельно. Две из них – это сборники статей Малахова («Скромное обаяние расизма», «Понаехали тут...»). Хочется сказать большое спасибо «Дому интеллектуальной книги» и Федеральному Агентству по печати и массовым коммуникациям, благодаря которым собранные на страницах этих изданий актуальнейшие материалы не затеряны в ворохе вчерашней периодики, а бережно систематизированы и сохранены для новых поколений читателей. Две другие – монографии «Национализм как политическая идеология» и «Государство в условиях глобализации» – разработаны на базе читаемых В.Малаховым курсов лекций в магистратуре Московской высшей школы социальных и экономических наук и рекомендованы Научно-методическим советом по политологии Министерства образования и науки РФ в качестве учебных пособий для студентов вузов. Последнее обстоятельство является крайне обнадеживающим. С моей точки зрения, эти два учебника должны стать настольными книгами не только для студентов, но, прежде всего, для российских преподавателей политологии и мировой политики. Среди последних по-прежнему не редок эссенциалистски-примордиальный способ трактовки феномена этнической и национальной культуры, благодаря чему даже специалисты-политологи продолжают объяснять социальные явления этническим происхождением, трактуя

его как биологический феномен, врождённое качество. В этой связи В.С.Малаховым было внедрено в российскую научную лексику понятие «этноцентризм», существенно отличающееся от того, который принят в англоязычной литературе, где он, по сути, означает ксенофобию или, более мягко, «позицию, привилегирующую определённую этническую группу по отношению к другим». Этноцентризм по Малахову – это такой способ мыслить и действовать, при котором этничность становится главным мотивом, главной побудительной силой, наделяется «универсальной объяснительной функцией». Наивный примордиализм советской этнографии неактуален в условиях подвижности культурных самоидентификаций и прозрачности государственных границ, – утверждает Малахов. Благодаря усилиям автора и его единомышленников эссенциализм этого толка постепенно преодолевается, хотя бы в рамках научного сообщества. Но на бытовом и даже уровне государственного управления сталинское определение нации до сих пор практически ни у кого не вызывает сомнений (да и многие кафедры воспроизводят аспирантов с аналогичной системой взглядов – достаточно просмотреть авторефераты, которые приходят по рассылке в наш диссертационный совет). Взятые со страниц советских учебников, а также ряда социальных практик (графа «национальность» в советском паспорте и биологический расизм принципа её определения – «по крови» одного из родителей), это понимание постоянно воспроизводится, впитывается новыми поколениями уже несветских людей. «Народ», «нация» населением России воспринимается не как демос, сообщество граждан, а как этнос, сообщество соплеменников.

Даже отмена «пятой графы» в российском паспорте немного изменила в восприятии феномена этничности. «Национальность» российские граждане теперь могут по желанию указывать в свидетельствах о браке или о рождении своих детей. Правда, для заполнения данной графы им необходимо представить в органы ЗАГС... документ, подтверждающий «национальность», т.е. прежнее, ещё советское, свидетельство о рождении, где обозначено этническое происхождение их родителей.

Старательно выявляя сублимированный расизм в стереотипах мышления, Малахов разоблачает социальную природу тех явлений, которые по привычке осмысляются в культурных категориях.

Яростный противник так называемого «русского проекта» в качестве варианта формирования единой российской гражданской нации, Малахов протестует и против альтернативы ему – множества культурных проектов, реализуемых, в частности, через этнические школы. В школе, считает Малахов, необходимо воспитывать не представителей армянского или татарского этноса, а российских граждан. Самое пристальное внимание Владимир Сергеевич уделяет принципам солидарности и вообще предлагает уйти в академической среде от многих категорий, которые, с его точки зрения, нередко затемняют существо анализируемой проблемы («нация», «межэтнические конфликты» и пр.). Что естественно: как всякий яркий интеллигент и борец за идею, Малахов должен быть чуть более радикальным, чем подобает учёному – тем более что бороться ему приходится с системой взглядов, фундаментально обоснованной не только в научной (академиком Бромлеем), но и публицистической (Львом Гумилёвым) литературе. Однако справедливости ради должна заметить, что Малахов достаточно объективен. И в качестве дружественной критики в его адрес можно высказать лишь пару некатегоричных замечаний, которые имеют отношение к эссеистике, но не к научным статьям и учебно-методическим разработкам, в которых автор безупречен.

Первое замечание касается символической представленности «других» на экранах телевизоров стран «победившего мультикультурализма», исключительно позитивно воспринимаемой Малаховым. Его западные коллеги на этот счёт возражают в том смысле, что роль электронных СМИ «там» скорее негативная, формирующая образ «Другого», поскольку представители меньшинств транслируются, в основном, в связи с криминальными или чрезвычайными событиями, произошедшими на территории сообщества, а это формирует по отношению к ним соответствующий негативный образ. К тому же «у них» на телевидении отсутствует восприятие меньшинств как коммуникаторов. Среди владельцев и руководства каналов число представителей меньшинств столь ничтожно мало, что их альтернативная точка зрения по-прежнему не слышна. В блоках новостей и телепередачах культурно-плюральных стран меньшинства предстают в роли объектов, а не субъектов¹.

¹ См.: *Addis A. On Human Diversity and Limits of Toleration // Ethnicity and Group Rights / Ed. by Ian Shapiro & Will Kymlicka. N. Y.–L., 1997. P. 129–130.*

Второе замечание относится к последним материалам В.Малахова, имеющим отношение к восприятию феномена этничности (в частности, статье «Этничность в Большом городе»²). В ней автор верно подмечает не востребованность традиционных российских этнических брендов (вроде тувинского горлового пения) на отечественной почве, в отличие, например, от западной фолк-музыки, но обходит стороной анализ причин того, что «африканцев и латиноамериканцев явно предпочитают выходцам из Удмуртии, Татарстана, Якутии или Тувы». Между тем, одна из этих причин, с нашей точки зрения, буквально лежит на поверхности. Исследователь, постоянно обращающий внимание на наложение этнических границ на социальные противоречия как фактор потенциальной конфликтности, «недоглядел», что наша этническая музыка потому и интересна на Западе, что там она – экзотика, не подкреплённая политическими претензиями. Равно как и для россиян чужеземные фолк-бренды не ассоциируются с сепаратистскими настроениями, культурным предпринимательством и т.п. негативными тенденциями.

Думаю, что подобно многим российским интеллектуалам, много работавшим за границей, Владимир Сергеевич чуть менее объективен в том, что касается «Их», и чуть более предвзят в отношении «Наших», что в целом – простительно, поскольку этого с неизбежностью требует пропагандистский пафос, который постепенно начинает приносить плоды не только на уровне академических дискуссий, но и в плоскости принятия политических решений. Четыре монографии В.Малахова, изданные за последние годы, стали четырьмя вескими аргументами в пользу трансформации российского общества в направлении «*Tolerant society*». Гораздо более вескими, нежели многие диссертации на данную тему и специальные правительственные программы.

² Неприкосновенный запас. 2007. № 1(51) < <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19.html> >.

ИСТОЧНИК

Переписка между Лейбницем, Боссюэ и их корреспондентами по поводу возможного объединения католической и немецких протестантских церквей¹

Предлагаемая вниманию читателя переписка Лейбница и Боссюэ о возможном воссоединении церквей, продолжавшаяся целое десятилетие (1691–1701 гг.), происходила в период перехода от рационализма XVII в. к просветительскому универсализму. Она, на мой взгляд, характеризует один из важных рубежей становления новоевропейского историзма прежде всего как способа интерпретации духовных событий. Лейбниц ставит вопрос об устаревшем, пережиточном характере прежних разногласий XVI в. перед лицом новых реалии. Но Боссюэ не поддержал этот мотив, предпочтя не выходить за рамки тридентского католицизма².

В этой связи возникает вопрос о политических мотивах такой позиции в связи с актуальной политикой конца XVII в. Конечно, важно проследить вплетение религиозной мысли Лейбница в политику. Основной идеей здесь было использование взаимодействия между ветвями христианства как стимула для политического диалога между державами и наоборот – политических соглашений для религиозного примирения. Каково вообще было отношение Лейбница к политике? Он полагал, что со своих позиций может выбрать наилучший вариант и в то же время поможет государям выявить мироустроительность их намерений. Философски Лейбниц исходил из мысли, сформулированной Лютером, что предметный характер обращения к богословию, сформировавшийся как итог полуторатысячелетнего развития Церкви, изначально был искажен³. На этом он основывал и свою политическую деятельность, включая ее в свое представление об устройстве мира. При этом Лейбниц полагал, что его взгляд может охватить и становление, и результат политическо-

го действия, что даст ему возможность предусмотреть и рекомендовать оптимальный момент для осуществления любого политического замысла государей, политика которых есть, по сути, конкретизация линий, возникших в эпоху Возрождения. Поэтому он полагал, что, определенным образом направив данное действие, сможет повлиять и на европейский концерт в целом. В этой связи можно поставить вопрос, был ли Лейбниц политиком в собственном смысле этого слова, то есть можно ли проследить собственно политическую линию в его философских и религиозных занятиях. Во всяком случае, политическая составляющая была важным инструментом для Лейбница в преодолении религиозных разногласий. Что же касается Боссюэ, то он использовал видимость (фасад) светской секуляризации во Франции, произошедшей в течение предыдущего столетия, стремясь при этом сохранить основы католического мироустройства, насчитывающие полтора тысячелетия.

Главным предметом обсуждения и спора между ними стали решения Тридентского собора, которые Лейбниц считает мотивированными интересами текущей политической тактики папского двора. Боссюэ же полагал, что отстаиваемая им политика необходима для утверждения в условиях конца XVII в. основ католического *credo*. Данный проект Лейбница состоял в подготовке нового вселенского собора, для того чтобы он мог пересмотреть решения Тридентского собора 1545–1560 гг., неприемлемые для протестантов. Он справедливо полагал, что этот вопрос назрел уже тогда. Но конкретные персонажи его плана оказались к этому не готовы; только сейчас решающее сближение католиков с протестантами встало в повестку дня (показательно недавнее снятие Бенедиктом XVI анафемы с Лютера). Он полагал, что Людовик XIV, если узнает об этом проекте, поддержит его, надеялся, что Боссюэ, будучи доверенным лицом короля, этому поспособствует. Однако его надежды не оправдались, поскольку собственная линия последнего подразумевала латентную включенность политической деятельности в перфекционизм его церковной политики, ставящей своей задачей сохранение основ католицизма во Франции⁴.

И. Лейбниц – мадам Бриньон Ганновер, июль 1691

Мадам, это прекрасно, что Вы сочли мое письмо заслуживающим прочтения; но будет еще лучше, если Вы покажете его аббатисе. Я опасаясь, что ум достойной герцогини не допускает ни малейшей возможности критически отнестись к написанному мною; и если и Вы воспримете эту ее манеру, то моя задача станет еще труднее.

Сама госпожа герцогиня, внимательно прочитав письмо, которым Вы меня удостоили, заметила с обычной для нее пронизательностью, что эти мысли напоминают ей размышления ее покойной матушки, которыми она обменялась с покойной княгиней Палатината; а возникли они у нее, если я не ошибаюсь, когда она слушала надгробную проповедь месье Флешье⁵. Очевидно, что все сердца были раскрыты навстречу ей, и его слова убеждали; впрочем, человеку присущи разные состояния, и не всегда мы можем объяснить одно из другого. И здесь я, возможно, апеллирую к тому состоянию, ранее не высказанному Вами прямо, которое теперь уже отошло в прошлое; ведь зачастую наилучшие доказательства остаются в тени, а то, что сразу приходит на ум, не всегда убедительно.

Мадам, Вы помните, что я всегда взвешенно и даже с симпатией относился к католикам; мое сердце и сейчас открыто им; я никогда не считал их еретиками – слава Богу, никто не может меня в этом упрекнуть. Ведь дело католичества не ведется исключительно Римским престолом; напротив, отлученные им от Церкви зачастую и есть самые настоящие католики. Настоящая связь, которая соединяет нас с телом Иисуса, – это милосердие. То, что ввергает нас в раскол из-за наших прегрешений, происходит от недостатка терпимости друг к другу; он и не дает милосердию достаточно проявиться; что же касается связей с внешним миром, то тут католики на высоте, и в этом смысле их принципы общения везде применимы. Позвольте мне, мадам, питать надежду, что я не упущу любой возможности способствовать интересам истинной веры; я далек от того, чтобы прямо рекомендовать другим тот путь к спасению, который сам для себя полагаю истинным; кроме того, я пытаюсь приблизить момент, когда в суждениях о религии наступит необходимый баланс, в результате которого возможно будет после-

довательно рассмотреть каждую из цепей доказательств, приводимых в пользу противоположных позиций – *за* или *против* того или иного религиозного суждения, и при этом сопоставление мнений не будет переходить в личные обвинения. Что касается меня, я не склонен отступать от поисков истины ради подвернувшегося внезапно удачного хода мысли; в то же время по отношению к самому себе я достаточно уверен в благотворной стезе Провидения, чтобы не опасаться, что чистосердечность моего суждения будет затронута моими собственными переживаниями. Но я совершил бы ложный шаг, если бы возгордился этим; в моей приверженности добродетели нет кичливой гордости за тот способ веры, который я выбрал по доброй воле.

Кроме того, мадам, я следую желанию принца, чтобы богословы этой страны передали свои надежды на то, чтобы найти средство преодоления раскола между церквями его преосвященству епископу Нойштадта, который ознакомит с ними императора и папу. Этот епископ вообще очень обязательный, и даже в Риме о нем говорят с восхищением. Я со своей стороны горячо поддерживаю его утверждение, что мы несколько не виноваты в этом прискорбном расколе: мы сделали уже все, что в наших силах, чтобы, выявив расхождения в позициях, попытаться их смягчить.

Мадам, насколько я знаю, Вы уже в курсе всех этих дел. Как Вы думаете, что можем еще предпринять в этом направлении? Германские церкви, в отличие от французской, отнюдь не обязаны искать одобрения каждого своего шага за Альпами. Если Франция продолжает игнорировать истину, признавая непогрешимость Рима, то немецкие епископы собираются периодически и пытаются договориться по спорным вопросам, но при самых благоприятных обстоятельствах это еще очень далеко от Вселенского собора.

Поскольку образцовым полагается порядок, установленный на Тридентском соборе, то не нужно никаких новых авторитетов и никакого нового порядка организации. И если действительно пойти по этому пути и дать возможность осуществиться замыслу, который уже широко обсуждается: объявить собрание епископов одной страны вселенским собором, то это приведет лишь к недоумению, поскольку сразу заставит усомниться, что в данном случае присутствует воля Божья. Я уже писал мадам Пелиссон, от которой до того слышал, что во Франции далеко не все полагают

Триденский собор всемирным; в Германии его не признает таковым также архиепископ Майнцский. Мы в Германии стремимся уберечь свободу церкви от косной неспособности пап к любому изменению, а ваша церковь, наиболее влиятельная, подвергается, как я полагаю, настоящему насилию; но как раз она, как мне представляется, должна дать образец настоящего католицизма, свободного от ультрамонтанских преувеличений, что подразумевает дифференцированный подход к решениям Триденского собора; разумеется, это не означает коренного изменения позитивного отношения к нему на отрицательное. В конечном счете это должно установить желанный мир между церквями, преодолевающий уже совершенные злоупотребления; иным способом было бы затруднительно осуществить их желанное объединение. Если уж говорить об этом, то лучшим способом здесь было бы их индивидуальное участие; наши и их богословы могли бы предварительно обменяться мнениями по главным вопросам и вынести те из них, в которых не удалось достичь согласия, на суд собора. Насколько я помню, именно такой способ практиковался сторонниками Рима при подготовке прошлых соборов, и я использую этот прецедент.

Прилагаю к этому известную доверенность императора, выданную епископу Нойштадта⁶, о котором я уже упоминал; он согласен с подтверждением гарантий прав протестантов в его наследственных (габсбургских – В.Л.) землях, сведенных воедино теологами Брауншвейга; с их выводами Нойштадтский епископ недавно также согласился. Итак, я желаю успехов и славы Риму на этом поприще и заранее приветствую ту важную роль, которую здесь может сыграть Франция; она не впервые посредничает между разными странами, в том числе Италией и Германией; если французский король действительно способен осуществить это большое дело, ему и карты в руки. Поскольку, как мне известно, наиболее значительное лицо в этой области – епископ Мо (то есть Боссюэ. – В.Л.), то, может быть (с его помощью), удастся осуществить то, что не удалось на протяжении уходящего века. На Ваше благосклонное усмотрение, мадам, если удастся в удобный момент и в удобной обстановке поставить его в известность об этом, Вы бы очень помогли бы успеху этого дела. С уважением, остаюсь и пр.

Лейбниц

III. Боссюэ – мадам Бриньон 29 сентября 1691

Мадам, я не припоминаю, чтобы герцогиня Ганноверская оказала мне честь, послав мне статьи, собранные епископом Нойштадта⁷; поскольку мне трудно припомнить здесь все обстоятельства и восстановить цепь событий, то думаю, что я куда-то забросил эту бумагу, и она затерялась так, что я не могу ее найти; поэтому идеальным выходом здесь было бы, если бы Вы попросили Вашу повелительницу, чтобы она соблаговолила изложить мне суть дела еще раз. Доводы, которых от него можно было бы ожидать, особенно относительно того, как сделать первый шаг к объединению, могли бы быть бесполезными. Попытки этого рода в любом случае сугубо предварительны и далеко не всегда ведут к желаемым изменениям. Но, чтобы заранее не похоронить этот проект еще до начала его осуществления, необходимо заранее предупредить еще до начала самих переговоров – во избежание дальнейших недоразумений – о тех некоторых положениях, от которых католическая церковь не готова отказаться в любом случае, и особенно это относится к тем решениям, которые были приняты в Триденте.

Месье Лейбниц неоднократно утверждает, что эти решения не поддерживаются во Франции. Но это верно только для отдельных предметов, относительно которых церковь допускает определенные разночтения. В основной же доктрине представлений о Боге, достаточно проработанной во всех частностях, сейчас и уже давно ничего не меняется, и Тридентский собор, по сути, ничего не изменил здесь, в том числе и во Франции. Во всяком случае незаметно, чтобы император или, с другой стороны, король Франции в своих усилиях по реформе Церкви стремились, даже конкурируя друг с другом, к пересмотру этих основных догматов; речь идет только о лучшем применении на практике, о том, чтобы усовершенствовать их форму для более ясного их восприятия. Среди них были и предложения о реформе, которые обсуждались в Триденте, но, сами по себе превосходные, они тогда были сочтены несвоевременными. Об этом многое можно сказать, но кратко трудно изложить даже основные моменты.

Что касается путешествия к монахиням Горного Ливана, которое герцогиня Ганноверская полагает одним из путей установления взаимопонимания с Греческой церковью, то я не жду от этого никаких новых открытий. Действительно, Горный Ливан был занят маронитами, которые давно связаны с нами и в целом разделяют нашу доктрину. В то же время нельзя утверждать, что они тотчас могут войти в нее организационно; для этого им нужно произвести определенные изменения в их обрядах, может быть, отойти от их излишней строгости. Что же касается Греческой церкви, то для нее в силу конкретных причин просто удобно в данный момент разрешать женитьбу приходских священников, и не это является основным нашим с нею расхождением: ведь при этом епископ и у них обязан постричься в монахи, коль скоро он избрал путь служения Господу; не является препятствием также и различие в использовании хлеба в обряде *евхаристии*: они также признают законными оба хлеба – дрожжевой и пресный, и первый, безусловно, древнее. Но дальнейшему сближению мешают догматические расхождения, разделяющие наши доктрины; это хорошо показали Лионский и Флорентийский соборы: среди них, прежде всего, способ воплощения Святого духа, отношения Бога-отца и Бога-сына, воззвание к мертвым, представление о способах очищения души на небе и о постоянстве главенства папы, воспринявшего свою миссию от св. Петра. Это и есть, мадам, четыре положения, которые Греческая церковь оставляет связанными воедино, в то время как мы их разделяем. И объединение церквей не может произойти без четкого осознания наших различий и их последовательного преодоления. На Востоке повсеместно придерживаются старых обрядов, в то время как на Западе их полагают необязательными. Но в то время как Восточная церковь не всегда принимает те отдаленные от нее практики обрядов, которые еще где-то остаются, Западная церковь отвергает утверждение, что новоявленные секты, недавно возникшие, воспроизводят ее основной путь, продолжая ее законное дело. Отсюда понятно, почему мы не думаем, что лютеране и кальвинисты имеют основания изменить характер обрядов; на наш взгляд, это может совершить только глава церкви. Без этого соподчинения церковь превращается в нечто чудовищное, где каждый волен творить все, что ему угодно, нарушая тем самым ее изначальную гармонию.

Я хотел бы привести два принципиальных положения, которые лютеране, на мой взгляд, считают для себя важными; именно то, что папа и Тридентский собор отклонили, они настойчиво пытаются утвердить на последних соборах, произошедших недавно в Германии. И это как раз тот случай, когда «инициатива наказуема». Конечно, можно говорить и договариваться о том или ином толковании отдельных догм, и это может быть полезным, как мне представляется, в том ключе, как это делает епископ Нойштадтский. Но зря было бы надеяться на то, что возможно произвести какое-либо изменение в соотношении основных догм, не затронув при этом основ, на которых зиждется церковь; это было бы возможно, только поставив под вопрос главные основы религии. Я надеюсь, что месье Лейбниц представит мне суть этих новых предложений и возьмет на себя труд оценить также мой последний памфлет против министра Жюрье, который я Вам также посылаю. Кстати, я обнаружил в письме герцогини Ганноверской, которая послала в Целле мой ответ министру и на который госпожа княгиня Целлиаская еще не ответила. Можно ли это расценить как намеренное пренебрежение, ведь ответа нет уже на шестое мое обращение?

Таковы, мадам, те объяснения, которые я могу дать на письмо герцогини Ганноверской, суть которого представила мне мадам Мобиссон. Ей вернее судить, стоит ли посылать это мое письмо в Германию.

Что касается остальных проблем, которые поднимает в своем письме Лейбниц, если судить о них по письму мадам Пелиссон, то я пока не могу ответить ему ничего определенного. К этому я ничего не могу прибавить, кроме заверений в моем величайшем почтении к госпоже правительнице Ганновера, которое я уже выразил ранее через посредство госпожи Мобиссон; духовно я весьма к ней расположен. Итак, мадам, остаюсь Вашим покорным слугой и пр.

Ж. Бенинь, епископ Мо

IV. Лейбниц – мадам Бриньон

29 сентября 1691

Мадам, в моем обращении через ваше любезное посредничество к епископу Мо по поводу инициативы епископа Нойштадта⁸ я не упомянул о подобной же инициативе аббата Молануса, главного богослова этого государства, который, собственно, и затеял все это многообещающее начинание. Я уже переслал это сочинение епископу Мо⁹, и я пока не могу свести воедино мои впечатления: моя усталость не дала мне шанса выбрать между позициями этих двух выдающихся мужей, каждый из которых достиг много в своей профессии. Осмелюсь Вас просить, мадам, простить мне мою настойчивость, которая не может быть оправдана ничем, кроме моих истинных намерений, я позволю себе несколько замечаний относительно превосходного письма епископа Мо, с которым Вы меня любезно ознакомили; со своей стороны я должен со всей почтительностью ответить на ряд замечаний, которые сделал сей красноречивый прелат относительно высказанного мною. Господин епископ Мо утверждает: «I. Что проект, представленный епископом Нойштадтским по меньшей мере недостаточен. II. Что он затрагивает положения, которые уже ранее обсуждались. III. Что Рим не отвергает в принципе идею контактов между церквями с перспективой их дальнейшего воссоединения и надежда здесь еще не потеряна. IV. Что доктрина, принятая на Тридентском соборе, в целом разделяется всеми католиками Франции. V. Что католики разделяют усилия протестантов в разработке религиозных предметов, и в этом смысле некоторые предложения епископа Нойштадского могут быть использованы». Это те моменты из его письма, которые я полностью разделяю. Но при этом все же остается одна проблема: правильно ли я понял, что, по его мнению, протестанты имеют право изменять обычаи и нравы Западной церкви? (Каким образом они это могут сделать, я пока не обсуждаю.)

Итак, относительно вышеперечисленных пяти положений, о которых говорил и епископ Нойштадский, мы не расходимся в логике, но, возможно, только в чувствах; что касается третьего пункта, то как можно говорить о неосуществимости этого про-

екта, не зная его сути; епископ Нойштадтский так же, как и аббат Моланус, – университетские теологи и составляли его без оглядки на правителей.

Собственно, можно много говорить о том, каковы его предпосылки; как возможно в этой связи достичь понимания между людьми, которые хоть сколько-нибудь верят в силу разума, если они не хотят отказаться от своих принципов, и что здесь оригинального, что выделяет данный проект. Относительно первого пункта я вполне с ним согласен; его нельзя рассматривать как исходный рубеж для переговоров: почти каждый его пункт нуждается в уточнениях. Второй и пятый пункты зависят от того, что выйдет из этих переговоров. Я вполне согласен и с его четвертым положением, но это отнюдь не противоречит тому, что я имел в виду. Если многие во французском королевстве поддерживают решения Тридентского собора, это еще не может быть понято в пользу его окончательного одобрения или в подтверждение того, что часть французов отказалась от своих возражений и признала истинность этих решений для всего мира. Я, конечно, не утверждаю, что король должен вынести решение этого вопроса на утверждение Генеральных штатов, где представлены все три сословия; при этом я склонен думать, что и эта декларация будет проигнорирована католиками Германии. Об этом может лучше судить епископ Нойштадтский, который взялся выразить мнение всех протестантов и остальных, которые полагают решения Тридентского собора обязательными для всех; также достойна похвалы умеренность позиции епископа Мо и, наконец, взгляд на этот вопрос самого Рима. Повторяю, в этих различиях лучше разбирается епископ Нойштадтский. Я усматриваю большую полезность его сочинения¹⁰, в котором представлены все возможные уровни обсуждения и полемика между различными позициями.

Но, если обратиться к дискуссионным вопросам, то особенно важна, по-моему, проблема превращения транссубстанциальности. Вопрос заключается в следующем: если после всех дискуссий определенная точка зрения признается истинной, а остальные элиминируются, то возникает возможность для возобновления межцерковного диалога; я говорю о возможности *как таковой*, настоящей возможности, без взаимной проверки, кто на что надеется в результате.

Итак, необходимо установить, преодолим ли раскол, совмещением трех основными позиций: 1) возможна ли женитьба священников и применение в богослужении национальных языков; 2) сопоставление разных способов веры, о которых писал епископ Мо, с наиболее выдержанными и умеренными взглядами протестантов, которые уже привыкли сопоставлять свой взгляд на Бога с критерием истинности и не полагают таковыми только собственные переживания на этот счет для других, но и не обязательно осуждают их; 3) и, наконец, урегулировать те скандалы и недоразумения, которые благоверные и мудрые люди в самой Римской курии уже разрешили. То пространство, в котором одни взаимодействуют с другими, связано с привычными для них обычаями – теми, которые воспроизводят внутрицерковную иерархию. И это различие во мнениях относительно отдельных статей столь же мало мешает общему пониманию, как и расхождения в трактовке благодати, ситуативной морали уместности (в каждом отдельном случае) проявления любви к Богу и других аспектах, в которых позиции Рима и французского клира в целом продолжают оставаться весьма различными, что выражено, например, в известных *Четырех положениях* о месте духовенства в жизни французской нации, которое могли помешать их взаимопониманию даже внутри формально единой католической конфессии – на уровне тех доводов «за» и «против», которые в свое время обсуждались в полемике между Римом и Аугсбургом. Это именно те вопросы, которые церкви должны обсуждать на новом вселенском соборе, но в тех формах, которые уже освоены национальными церквями; поэтому они должны быть одобрены всеми прелатами, епископом и Его Святейшеством папой.

Подобная же попытка была предпринята епископом Нойштадтским и несколькими теологами Аугсбургского (лютеранского) вероисповедания, собравшимися в Ганновере под эгидой светлейшего герцога, чтобы обсудить эти вопросы справедливо и беспристрастно; но, конечно, не исключено, что они в процессе своего обсуждения могли пренебречь интересами одной из сторон и их обоснования своей веры были не вполне таковыми. Они излишне рьяно, за некоторыми исключениями, защищают право на собственное суждение, особенно относительно конкретных высказываний, в которых представители Римской церкви говорят об их безусловных, по их мнению, заблуждениях.

Епископ Нойштадтский со своей стороны, взяв на себя составление положительного обобщения этой дискуссии, получил от почтенных богословов разрозненные ответы; но в целом они были близки его настроениям. Все их в целом я отношу к *положительному* разуму: можно ошибаться в конкретных вопросах веры, не становясь при этом ни раскольником, ни еретиком и имея при этом в виду, что и в католической церкви имеется различие позиций, которые в итоге не подрывают ее единства, а именно, то, что Бог дал этой церкви особые права, еще не означает, что ее взгляд на спасение – единственно возможный. И, если этот вопрос может решить только Вселенский собор, это не означает, что его должно решать именно данное собрание епископов; невозможно сразу свести в единое целое все возможные улучшения и дополнения, которые могут возникнуть у отсутствующих, но вероятных членов собора (так называемой «невидимой Церкви») в меру их усердия; их ошибки могут быть чисто фактического свойства, и из-за них их нельзя причислять к еретикам.

Эта ситуация, возникшая в результате духовного диалога внутри протестантизма, который дала повод для этих умозаключений, может быть полезной также и для выяснения условий будущего собора, и прежде всего для самой Аугсбургской конфессии: в том, что они, несмотря на напряжение, возникшее после Тридентского собора, сохранили склонность к всестороннему диалогу с Римским престолом, несмотря на то что не приемлют многие его догмы. Поэтому посудите сами, мадам, могут ли светлейший двор и наши теологи совместными усилиями пытаться содействовать восстановлению союза между церквями и можем ли мы со своей стороны этому содействовать. Во всяком случае, там, где государство должно промолчать, мы можем развернуто высказать свою точку зрения в полной мере, там, где сочтем это для себя удобным, когда мы будем наиболее склонны к взаимопониманию, *постоянно восходя на амвон*¹¹, где ущербность раскола станет для всех очевидной.

И, наконец, для меня самого многое определяется не тем, что потребуется сейчас практически и на что можно надеяться конкретно, но тем, возможен ли такой диалог в принципе, и если это так, то каковы условия для его осуществления. Если здесь чисто теоретическое расхождение, то спор можно не продолжать; последствия любого развития, даже если оно в целом удачно завер-

шилось, далеко не всегда бывают благоприятными. «Медленно мелют Божьи мельницы»: у императора свои соображения, у папы Иннокентия XI **найдется много дворцов для неспешных обсуждений** и блестящих теологов. Я со своей стороны послал почтительное письмо отцу Нойелю, главе ордена иезуитов (возможно, я ошибаюсь в его титуле и должности); но я уверен, что король и окружающие его богословы будут компетентны в этих вопросах, если только отношения с императором будут оставаться мирными. И превосходно, если король в вопросах веры внимает словам епископа Мо; этот достойный прелат, с присущей ему пронизательностью и умеренностью в суждениях, мог бы сослужить хорошую службу своей Церкви и Его Величеству. И, хотя склонность этого монарха позволяет надеяться на лучшее, все же не нужно беспокоить его без основательной предварительной подготовки. Таковы мои предварительные соображения, и посмотрим, что из них выйдет. Если католическая партия первая выступит со своим заявлением, это в любом случае не будет поставлено им в упрек, и в любом случае это выльется в достойный для церкви итог ее собственных размышлений, в пробу сил в утверждении собственных прав; и если далее подключится страна в целом и ее отдельные провинции, то можно надеяться на постепенное преодоление барьеров непонимания и обособленности...

Лейбниц

V. Тот же автор тому же адресату

Мадам, если бы Вы не были в постоянном контакте с более осведомленной в этих делах мадам Пелиссон, я не осмелился бы еще раз адресоваться к Вам только для того, чтобы формально поблагодарить Вас за содействие, но Ваша ко мне благосклонность делает это возможным. Можно знать мадам Пелиссон и общаться с ней, не осознавая в полной мере всех ее достоинств; Вы же, мадам, именно таковы, какой мне описывала Вас эта достойная аббатиса, и потому невозможно не восхищаться Вашими достоинствами. Мне доставляет большое удовольствие сообщить Вам об этом в доказательство моей искренности. Если мы, в общем и целом, об-

суждаем то, чем мы вместе занимаемся, мы можем разойтись во мнениях; еще раз обсуждая неясные моменты, мы возвращаемся к истинным исходным положениям, которые ранее мы упустили из виду, и это удовлетворяет наше нетерпеливое стремление к итогу: Господь опять не обманул нас в наших надеждах на наш собственный разум, и, следовательно, поиски путей к спасению не являются привилегией какой-либо церкви.

Мадам Пелиссон, я этого отнюдь не отрицаю, вправе судить о вещах, которые я сейчас излагаю, и мне нет необходимости их повторять. Как я уже говорил, я солидарен с «видимой церковью», которая имеет в виду следующие положения: по возможности избегать мятежей; подчиняться своему властителю, данному от Бога; сохранять достигнутое в духовном стремлении к Нему и жалость к тому, кто пока не нашел к Нему путь. Эти положения и должны составить необходимый путь к восстановлению церковного единства способом, который в деталях еще не ясен. Тот способ, с помощью которого месье Пелиссон выявляет еретичность отдельных сочинений, их вид и их облик, представляется мне ясным и очевидным; это, во-первых, сочинения язычников, которые, конечно, по определению не принадлежат церкви вообще; есть такие, которые не принадлежат к *видимой* церкви, совершают при этом явную ошибку, которая, однако, вполне извинительна, а те, кто проявляет милосердие и склонны к покаянию, те принадлежат к ней предварительно, но одновременно они непосредственно обращены¹² к Богу; и как раз эта непосредственность зачастую придает их опыту большую ценность, чем таковому у членов *видимой* церкви. Ландграф Эрнст, который занимался этой проблемой и приложил немало усилий для объединения протестантов, сделал следующий шаг: он формально обратился к кардиналу Сфорца Палливачини и к почтенному отцу Фабри, послушнику монастыря св. Петра, который проповедовал тогда в Риме. Со своей стороны я могу назвать некоторых католиков, обитающих в Риме, весьма компетентных в этих вопросах. Месье Пелиссон не возражает против этого; он излагает существо доктрины ясным языком, что необременительно для чтения, и он не считает, что догмы, которые подвергаются сомнению еретики, в том числе и протестанты, есть неотъемлемое достояние католической церкви.

Стоит только посмотреть, сколько этих ограничений и оговорок у протестантов! Все упреки, которые они высказали против Тридентских решений, могут составить повестку дня самого представительного Вселенского собора. Нельзя не принимать во внимание многочисленные протесты против решений этого собора, которые возникали во Франции, которые со временем отнюдь не уменьшились, и те или иные духовные лица время от времени возвращаются к этому вопросу. Не утихают споры об обязательности его решений и обсуждение более локальных духовных собраний: известно, что итоги соборов в Констанце и Бале не признаются в Италии; то же можно сказать и о последнем французском соборе в Латране. Некоторые из пап при обсуждениях задумывались о справедливости закрытых Тридентских решений, и об их всеобщности, их применимости; я уже не говорю о том, что они были отвергнуты Генеральными штатами Франции в 1614 г. Я должен напомнить также, что авторитеты католической церкви признают право протестантов принимать участие в обсуждении решений католических соборов; но они категорически не желают признавать Тридентский собор вселенским, не могут считаться принадлежащими к еретикам. Разумеется, в положениях собора, претендующего на то, чтобы быть мировым, можно найти много дельного, поскольку он вынужден учитывать многие факторы, – но где их *нельзя* найти? И я сам искренне охотно приложил бы усилия для того, чтобы он стал мировым. Возможно, в этом и состоит замысел Провидения: оставить открытой возможность через несколько лет вновь собрать собор уже с участием итальянских священников.

Впрочем, если посмотреть внимательнее, то формально Тридентские решения – стоит только рассмотреть их требования в формальном ключе – не такие уж антипротестантские, как им это приписывают. Их претензии сводятся к требованию более ясно выражать смысл высказываний, и протестанты еще продолжают надеяться, что их мнение учтут, когда они представят его в более приемлемой форме: на будущем вселенском соборе, где они надеются высказать свои соображения относительно будущего отношения отдельных церквей. Кассиандр и Гроций полагали, что решения Тридентского собора в принципе не отвергают Аугсбургское вероисповедание. Отец Дез, евангелист, проповедующий в Страсбурге,

разделяет эти убеждения, и там они даже популярны, и некоторые протестанты даже надеются, что в своих «Избранных трудах» господин епископ Мо вспомнит о них; но, конечно, ему нелегко будет говорить с теми, кто не признает Тридентские решения.

Но прежде всего необходимо отказаться от практикующегося еще давления и запугивания, которое протестанты до сих пор испытывают, контактируя с Римом, от тех спекулятивных догм, которые и являются главным препятствием к объединению. И что особенно насущно – это собственно признание законности самого их существования. Конечно, в современной ситуации уже не столь много препятствий для взаимного понимания, как раньше; абсолютность авторитета пап во Франции ограничена так же, как и других католических священников; хотя король в целом признает его права, иногда ревниво их оспаривают. Теоретически апелляция к авторитету Тридентского собора еще считается вполне уместной, но практика все чаще расходится с теорией. Достаточно обратиться к последним сочинениям католических авторов, которые обращают языческую науку против протестантов, чем вызвали их резкое отторжение. Вот это как раз весьма опасно: здесь я вполне разделяю критический пафос господина Жюрьё, который я бы лишь немного смягчил. Именно это неизменное утверждение старых догм – главное препятствие для объединения церквей. Бог этих догматиков – это бог, жадно внимающий похвалам, ему расточаемым; он сразу пытается схватить и увековечить то, что он только что произнес, но он сразу меняет свой облик, и встретиться с ним в том же самом месте, что раньше, невозможно.

Итак, в принципе можно лишь приветствовать эту решимость католической церкви в отстаивании своих позиций; благонамеренным людям не будут припоминать ее недостатки, если только она сама не подтвердит их еще раз и не втянется в дискуссию к взаимному неудовольствию. Но во всех странах, которые стремятся к собственному единству и заботятся о связях с другими, это будет воспринято с неудовольствием, поскольку возвратило бы нас к недавнему прошлому; ведь разрыв даже одной связи не способствует поощрению их в целом, но снова возвращает нас на уже оставленные нами позиции и вновь воспроизводит ситуации, когда отдельные положения Тридентского собора мешали общему движению вперед.

Никто не собирается выступать против католической церкви как таковой, но только против неверных решений ее отдельных поместных церквей. И если удастся достичь минимального их согласия на Западе, то и все архиепископы мира согласятся с этим, поскольку он, Римский престол, не сможет спокойно смотреть, что отдельные подчиненные ему церкви отличаются от общего уровня в худшую сторону. В данном случае можно говорить, что интересы христианской веры в целом и интересы отдельных народов совпадают. Италия и Испания при этом отодвигаются на периферию, а политическая ситуация в Италии становится полностью направляемой Римом, и Италия от этого только выигрывает, получая поддержку для своих начинаний. Они будут считать, что всех остальных они оставили в дураках. И прежде всего северян – это для них естественно. Но французская нация стремится объединиться с германской, чтобы воссоздать Церковь в период ее великолетия времен Франкфуртского собора, и можно надеяться, что это намерение было бы воспринято папой благосклонно, если бы при этом в его распоряжение предоставили Романию и Тоскану. Я уверен, что у духовенства Италии, да и в самом Риме, у тех, кто честно следует традиции и кто готов способствовать реформе Церкви, – у многих эта идея может встретить благосклонный отклик. Хорошо бы вернуть этот обычай обсуждения на виллах Рима, где спорить приятнее, чем где бы то ни было; если не слишком обращать внимание на тонкости определений, то в один прекрасный день можно получить результат, подобный достижениям Церкви в старые добрые времена, в том числе и в строгом следовании правилам.

И к Тридентскому собору также применимы подобные положения, если только договориться, что Католическая церковь не будет с самого начала объявлять протестантов вне закона. Если же какая-то итальянская церковь попробует это сделать, можно будет указать ей, что она уже отстала от общей политической линии: нельзя же делать произвольные исключения. «Тот, кто отлучает других, отлучает тем самым и самого себя», – как сказал один из французских епископов папе¹³. И тем более, если какая-то поместная церковь пытается отлучить другую или какую-то нацию или даже если вышестоящая церковь применит этот прием к одной поместных церквей, или если какой-то епископ отлучит какого-либо правителя вместе с подчиненными ему христианским общинами, не нужно долго раз-

мышлять, какой результат будет в итоге: он будет не только ничтожным, но и незаконным. Если кто-то заранее препятствует законному решению мирского суда, то невозможно представить себе, что Бог выступит на его стороне в качестве Экклезиаста; здесь можно привести известную формулу *Clave non errante*¹⁴. Тот, кто обращается к авторитету Экклезиаста, должен и сам следовать его положениям – по меньшей мере тому, что из них прямо следует. Этого в целом вполне достаточно, но этого мало для использования их канонического вида в проповеди, где важно избежать, насколько возможно, предвзятого отношения к каждой отдельной душе. И это несколько не умаляет авторитет Экклезиаста и его проповеди, которые ведь заранее ограничены определенными рамками. Мы помним, например, как отнесся французский клир к гневному отлучению папы «В эту обедню возвецаю» и к декретам римской инквизиции, – я уже не говорю о тех многочисленных священниках, и не только во Франции, которые их не одобряют.

Итак, я далек от того, чтобы умалять авторитет Церкви и ее право управлять паствой, что приписывает мне мадам Пелиссон; те же оговорки, которые я высказал относительно права отлучения и других полномочий, данных Экклезиастом папам, означают, что они должны быть ограничены, что подтверждает положение: «Если вы хотите *хорошо* править, правьте *хорошо*». При этом я различаю совокупную Церковь, которая в целом далеко не всегда одобряла выступления против протестантов, и высшие чины церкви Экклезиаста, управляющие ею как бы извне; правомерность отлучений, провозглашаемых ими великому королю, должна быть вынесена по меньшей мере на суд будущей, более совершенной церкви.

Кроме этих вопросов, которые я здесь упомянул, невозможно избежать и более сложных, связанных со спасением души, которые лежат в основе католической веры, но почти никогда не обсуждаются ею публично. Я уже указывал, что в случае с протестантами все совсем иначе, поскольку они отнюдь не отрицают, что они принципиально иначе верят в Бога. Я опускаю наиболее выразительные места из сочинений господина Пелиссона, поскольку это увело бы нас слишком далеко; но я не могу пройти мимо очень важных положений, высказанных в последней статье, без того, чтобы не сделать некоторые замечания. Все признают, что Церковь по ходу своей деятельности должна преобразоваться, что-

бы исправлять возникающие недостатки; что люди иногда сильно ошибаются в непосредственной оценке происходящего; что пришло время, когда само по себе чтение Писания больше не гарантирует безошибочности; что только ничтожные условности мешают восстановить прежнюю свободу общения между двумя способами веры, католическим и протестантским, предпочтительно 4–5 раз в году, поскольку протестанты, как правило, не собираются без конкретного повода, требующегося для их совместных действий; неверно также представление, что протестантские князья игнорируют эти собрания в своих государствах и предпочитают как в государственных, так и в личных целях непосредственно сноситься с католической церковью. Заметьте, что не проходит и десяти лет, чтобы во Франции не выявлялось новых препятствий к истинному убеждению и пониманию того, что есть настоящая благодать, и эти проекты не только заслушиваются при дворе, но и одобряются почтенными прелатами, и при этом считается, что Франция как государство принадлежит Римской церкви, поскольку его символы и внешние привилегии, ей даруемые, остаются неизменными.

Относительно этой позиции мадам Пелиссон я могу сказать то же, что месье епископ Тина, ныне епископ Нойштадта, расположенного в Австрии, высказал в своем письме императору; эти соображения я со своей стороны изложил в письме епископу Мо, и он частично согласился с ними. Этот выдающийся прелат постоянно общается с королем, и ему ли не знать, что Его Величество думает по этому поводу и каковы здесь его предпочтения! Несколькими годами позже эти соображения епископа Нойштадта были обобщены нашими теологами, и епископ Мо сообщил в своем письме нашей несравненной герцогине, которая его переадресовала к нам, что он будет рад встретиться с епископом Нойштадта хотя бы для того, чтобы подтвердить свои прежние впечатления о нем. Действительно, ведь со времени встречи в Регенсбурге, произошедшей еще в прошлом веке, между католиками и протестантами не происходило общего обмена мнениями ни по практическим, ни, тем более, по принципиальным вопросам.

Покойным папам, конечно, изъявляют свое почтение так же, как и другим выдающимся особам. Но эти символы власти и привилегии ведь тоже не имеют вечной силы. В этой связи мне представляется, что предложения епископа Мо, возможно, не дошли

тогда до адресата или же тогда возникли чисто политические препятствия в их осуществлении. Данное противостояние было выгодно покойному папе и было в свою очередь подхвачено императором, поскольку соперничество государей часто затрагивает и отношение к самым священным предметам, которых они в принципе и не должны были бы затрагивать. Но в итоге лед был сломан; возможно, пришло время представить тот грядущий день, когда этот поворот свершится, и мы должны думать, чего можно ждать от него. Бесспорно, лучше начать с малого и понемногу прибавлять к нему по кусочку – только бы не продлевать долее этот ужасный раздор, который постоянно источает наши слезы. Вот что я могу сказать о письме мадам Пелиссон.

Итак, я уверен, мадам, и Вы можете заверить в этом месяце Пелиссон, что со стороны наших правителей нет никаких чрезмерных притязаний, которые могли бы помешать установлению церковного мира. Неверно говорить о равнодушии или апатии, которые мотивировали бы их отдельные попытки и позволяли ожидать ответной реакции; прежде всего этого можно ожидать от Его сиятельства князя, чей высокий разум и героические настроения всем известны и недвусмысленно направлены на выяснение запутанных отношений в их истинном виде. Та же принцесса, которую месяце Пелиссон восхваляет как великую и несравненную, может принять участие в этом деле к своему вящему удовольствию, мы ей только будем благодарны. Дай Бог, чтобы рвение мадам Пелиссон и выдающийся ум достойного прелата, с которым у него такое духовное родство, воплотились и в плодотворных действиях, которые оживили бы наши надежды. Современным порокам необходимо противостоять – это для меня очевидно, но при этом мы должны относиться с почтением к благочестию и смирению.

При этом я отнюдь не считаю, что нет никакой надежды разрешить проблемы европейской политики, нас отягощающие; Бог даст такую возможность, но только тому, кто овладеет балансом людских добродетелей и пороков. Можно сказать, что тот монарх, который попытается это осуществить, будет уникальной фигурой нашего времени – и как только Господь того пожелает, наступит всеобщее ликование. Я полагаю, если уж говорить об этом, не следует ожидать, чтобы всем это доставило удовольствие; хорошо уже, если не будет сознательно игнорироваться то, что рано или

поздно должно произойти. Быть осторожным – не мешает верить в способности людей, сохраняя веру в силу людей выдающихся, но и с умением в необходимый момент преодолеть все предстоящие препятствия, которые представляют ему превратности отношений между государствами. И, сосредоточив эти силы, довольный их сознанием, он поймет, что главный шаг на пути к собственному счастью он должен сделать, осчастливив других. Чрезмерные похвалы могут лишь избаловать венценосного ревнителя веры; но мудрый правитель должен учитывать совокупную реакцию своих подданных, чтобы понять, где он перестарался, а где ему нужно добавить усилий.

Поэтому восторженное красноречие мадам Пелиссон в данном случае будет весьма кстати, если только она сумеет объяснить королю, что он может приумножить свое величие совершенно неожиданным образом; и хотя он должен быть осторожен, чтобы не нарушить систему власти в собственном королевстве, созданную им ранее, но благо от этих его деяний, ожидаемое для всего мира, должно оправдать этот неизбежный риск. Его же самого, установившего мир в Европе и согласие между церквями, ждет вечная слава!

VIII. Боссюэ – Лейбницу **Версаль, 10 января 1692**

Месье, я получил через мадам Бриньон те письма, которыми Вы сочли возможным меня удостоить; они представляются мне столь исчерпывающими по содержанию и благородными по стилю, что я воспринимаю выражаемые Вами знаки внимания ко мне не просто как любезность с Вашей стороны, заслуживающую просто благодарности; нет, это свидетельствует о Вашей мудрости, соединенной с благим стремлением – наконец установить мир между Церквями. Статья аббата Молануса также послужит, дай Бог, важным вкладом в это благое дело. Я прочел то, что Вы мне послали, с большим вниманием и удовольствием и жду с нетерпением завершения этого собрания свидетельств, которые Вы мне обещали, прежде чем высказать свои впечатления, для того чтобы мои суждения о них было достаточно точными. По этой же причине, месье, мне трудно ответить сразу на те конкретные предложения,

которые Вы изложили в письме мадам Бриньон, через которую Вы связались со мной, поскольку для того, чтобы оценить весь проект в целом, мне нужно представить себе те выводы, которые могут быть сделаны в итоге этого обсуждения.

Я хотел бы надеяться, месье, что Вы сочтете уместным суммировать пять основных положений, приводимых в Вашем первом письме¹⁵: Вы не сумеете жить в государстве, в котором все регулируется через религию. И я осмелюсь спросить, с Вашего позволения, во-первых, если Вы полагаете, что дело именно в проведении нового собора, это возможно, только если этого пожелают основные предполагаемые участники; во-вторых, Вы, очевидно, знаете, что есть относительно положений Никейского и Халкедонского соборов, когда и по какому поводу должны собираться вселенские соборы и какого рода вопросы заслуживают быть на него вынесенными; в-третьих, какими рамками Вы полагаете ограничить это обсуждение, чтобы оно не вышло за пределы обсуждаемых вопросов и не поколебало бы авторитета церкви в целом? В-четвертых, Вы высказываете мнение, что решения Тридентского собора не имеют силы во Франции и Германии столь же непреложной, как в Италии и Испании, и именно это обстоятельство полагаете свидетельством сохранения там непосредственной веры; Вы даже находите, что отдельные католики позволяют себе сомневаться в непреложности его итогов для всей католической церкви; и, наконец, в-пятых, Вы утверждаете, что решения Собора, направленные против Лютера, Кальвина и Цвингли и, соответственно, против церквей, ими основанных, были вызваны привходящими факторами, которые сам Лютер стремился преодолеть в своей дальнейшей деятельности. Прежде всего это относится к вере в трансубстанциальность Господа, к святости при служении мессы, возможности свободного выбора в жизни человека (*liberum arbitrio*), а также к почитанию святых, реликвий, образов (поклонению иконам), погребальному обряду, словом всему тому, что было для Лютера и Кальвина основным предлогом для отделения. Если Вас не затруднит, месье, представить эти пять пунктов совокупно, с присущем Вам стилистическим искусством, дополненным его изяществом и искренностью, то надеюсь, нам станет яснее, какие условия нужны для взаимопонимания, направленного если не к установлению Вечного мира и всеобщему спасению душ, то хотя бы постоянному диалогу между нами.

Наконец, я предвкушаю удовольствие от знакомства с «Историей Реформации в Германии» месье Зеккендорфа¹⁶, которую я должен на днях получить в том случае, если она написана на языке, которым я владею. Спешу заверить Вас, что, если в этой книге найдется что-либо ценное, я непременно использую это в новых изданиях моей «Истории превращений протестантских церквей», которую я непременно вышлю Вам, когда сочту, что я уже ответил в ней на все возможные возражения. Это, месье, на мой взгляд, единственно верный способ написания такой истории, где ожесточенная борьба партий может быть представлена без неизбежных в ином случае недоразумений.

Извините меня, месье, что я так долго медлил с ответом; это не только от стремления продлить процесс беседы с таким человеком, как Вы, но и потому, что я надеюсь на благоприятный итог нашего диалога в том деле, в котором мы сердцем едины с аббатом Мола-нусом. Наконец, я прошу, чтобы Вы засвидетельствовали искреннюю симпатию, которую я испытываю к герцогине Ганноверской, соблаговолившей сообщить мне о Вашем намерении, как и о том, что Вы питаете ко мне глубокое уважение и воодушевлены своим намерением настолько, что Вас не смущают возможные препятствия, которые неизбежно ждут Вас на пути осуществления столь обширного замысла, возможно, вдохновленного Господом. По зрелом размышлении я вполне разделяю благочестивый замысел епископа Нойштадтского. Выражая Вам свое почтение, остаюсь Вашим покорным слугой.

Жак Бенинь, епископ Мо

XI. Лейбниц – Боссюэ Ганновер, 18 апреля 1692

Месье, я не хотел бы дольше медлить с ответом на Ваше столь любезное письмо¹⁷, тем более что я должен получить его от Вас со дня на день, в котором я ожидаю увидеть уже готовый проект, должный способствовать объединению церквей. Вы вправе с полным основанием утверждать, что здесь трудно иметь простую исходную позицию; по сути, она отсутствует. Я вполне представляю

себе сложность ситуации как в основных, так и в привходящих обстоятельствах, и я не ишу простых путей в осуществлении этого большого дела. Однако предварительно необходимо выяснить, что здесь можно себе позволить, все же можно найти примеры, в которых этот замысел осуществлен; это тогда, когда партии протестантов, ранее противостоявшие друг другу, находили возможность для объединения. Последователи Каликста в Чехии сделали это лучше других: при этом они не примкнули к какому-либо правителю. Кроме того, читая рекомендации собора в Бале, которые я здесь прилагаю, можно заключить, что они решили своей властью, что обычай двойного летоисчисления, установленный собором в Констанце, не может быть для всех знаком принадлежности к истинной вере. Они не признают авторитета этого собора в целом, и поэтому не признают законность декрета, которым папа Евгений и собор в Бале закрепили этот обычай, и поэтому нет формального способа для того, чтобы привести их к подчинению, но при этом открывается возможность для поисков новых путей определения будущего Церкви. Они подчеркивают это свое отношение как раз потому, что полагают его совпадающим с общим убеждением, что Иисус равно присутствует в обоих временах, и, соответственно, признают, что действительные связи внутри каждого из пространств при всех изменениях вполне осуществляются, и можно признавать это положение, не возводя его, однако, в догму. Это согласное решение, принятое Советами последователей Каликста в Чехии и Моравии, было ратифицировано собором в Бале. Папа Евгений выразил свое удовлетворение в письме к Чешским церквям; в свою очередь Лев X намного позднее подтвердил свое одобрение, и Фердинанд обещал ему следовать. И только небольшая группа не последовала этому: один Жижка представляет среди них значительную фигуру, и еще Прокоп кое в чем его поддержал; но ни один суверен, светский или духовный не сделал этого. Но это лишь продолжает старый спор между Севером и Югом, большинство германских народов противопоставляют себя латинянам, ибо Европу можно разделить на четыре основные части: греческую, латинскую, германскую и славянскую. Греки, латиняне и германцы составляют три основные части вселенской церкви; славяне примыкают к тем или другим. Французы, итальянцы, испанцы и португальцы суть латиняне и католики; англичане, шотландцы, датчане и шведы суть

германцы и протестанты; и, наконец, поляки, чехи, русские или московиты суть славяне, и московиты вместе в народами, родственными им по языку, которые сейчас покорены Османской империей, и особенно их лучшая часть, которая вовлечена в орбиту польского влияния, придерживается греческого обряда.

Посудите сами, месье: большинство германских народов не считает за благо следовать тому, что кажется естественным в Чехии. Я считаю нужным заметить, что это хороший знак. Не лучше ли для самого Рима будет вновь заслужить доверие народов, у которых, конечно, есть различные позиции по основным вопросам, сложившиеся в силу различных обстоятельств в различное время, и потому что-то может больше устраивать католическую церковь, что-то меньше – но, например, положение о необходимости непосредственного ощущения Божественного присутствия или положение о предопределенности Божественного провидения – разве оно не составляет предмет спора между Римом и Французской церковью? Итак, если по-настоящему взяться за дело, то я полагаю, что в один прекрасный день протестанты способны выработать весьма впечатляющую доктрину вероучения, если они, конечно, доживут до этого момента, поскольку они очень стараются искоренить очевидные недостатки, особенно в отношении культа. И я думаю, что это будет не особенно сложно и применительно ко всему догматическому целому.

Отец Денис, капуцин, учитель теологии, занимает ныне должность хранителя в Хильдесхайме. В своей «Благой жизни» он рассуждает об оправдании добрыми делами, о достоинстве тех или иных вещей и предметов и приводит доводы большого числа авторов, которые пишут в манере, близкой протестантам.

Я полагал бы за честь беседовать о науках с Лубером, но я полагаю, что его произведения следует отнести скорее к математике, чем к философии. Действительно, как раз о философии я думаю иначе, чем он, и здесь я должен представить свою позицию на Ваш суд. Если не прояснить изначально здесь некоторые позиции, то будет почти бесполезно излагать ее Вам, и поскольку Вы совершенно уверены в некоторых исходных предпосылках, то у Вас не будет времени и желания менять их походу дела. Если не вдаваться в собственно предметные вопросы физики, где законы материальной субстанции косвенно определяют логику исследования (этого

в данном случае я хотел бы избежать), то я не думаю, что сама по себе идея материи предполагает обнаружение некоего особого, имманентно рационального взгляда на нее в целом – иного, чем представляется нам непосредственно: напротив, все, собственно, определяется энергией, которая творит телесную субстанцию и определяет в основных чертах ее разделение на устойчивые и неустойчивые элементы. Потому что я не склонен думать, что полный покой оставляет все в неизменности и что одни тела могут действовать на другие с определенного расстояния: пока не определена мельчайшая единица материи, до тех пор творение мира еще не закончено, поэтому у меня нет определенной позиции относительно космологической теории Коперника: напротив, я готов доказать, что определенное соотношение тел не может составить содержание теории – таковым может стать только соотношение сил. Я полагаю также, что любое изменение не может достигаться скачком: например, состояние покоя выявляется там, где проходит контрастное ему, и в нем суммируются все прежние состояния, ранее не воспринимаемые; к этому я прибавил бы новые определения, которые наглядно послужили бы для обоснования этого основного положения. В письме мадам Пелиссон я изложил свои некоторые соображения относительно природы этих сил, проясняющих в целом природу материи; не знаю, сочли ли Вы их заслуживающими внимания. Я в основном разделяю сказанное месье Зеккендорфом: конечно, хотелось бы видеть положение вещей в столь же благоприятном свете. Но при этом я советовал бы все же сократить констатации, что все обстоит наилучшим образом: ведь многое успело сложиться таким образом, что с трудом объединяется в единую картину, и если это будет возможно, то только по прошествии определенного времени: ведь благая вера особенно нуждается в точном определении. Конечно, можно поднять все архивы в целом, но я не думаю, что это необходимо, поскольку я не люблю просто рыться в книгах. О них сразу вернее судить по стилю автора, способу, которым он выражает свои мысли, обнаруживая при этом эрудицию. Их содержание определилось тем, что он родился, когда умер Лютер, и для того, чтобы найти «формулу согласия», он обращался к архивам саксонских правителей, в том числе и к княжеским. При всем большом уважении, которые я питаю к уму и благородству месье Зеккендорфа, я нахожу способ выражения этих

переживаний слишком суровым, но это частный момент, и, разумеется, он не может усложнить для меня их понимание. Вообще надо сказать, что теологи собственно Саксонии куда более суровы, чем уроженцы Нижней Саксонии.

К тому же, что относится к истории *Конкордии*, это две книги, где изложен спор двух основных лагерей: первая – Оспиньена, изложенная в «Примирении несогласных», вторая – Хитреуса в «Согласии согласных», возражающая первой, особенно полна интересных подробностей. Как я представляю, относительно язычников он придерживается тех же позиций, что и Зеккендорф. Я могу прибавить к этому, что он в полной мере владеет религиозной тематикой; но его сочинения не могут служить для того, чтобы понять мотивы протестантских князей, особенно тогда, когда они пытаются найти в религиозных спорах разящее орудие для недостойных взаимных обвинений. Поскольку маркиза Бетюн все же терпит это, я пользуюсь этим случаем, чтобы переслать Вам книгу отца Дениса, и также адресую послание мадам Пелиссон.

Итак, я должен подтвердить, что я вполне согласен с вами в том, что касается законов механики Природы, но я полагаю, что сами эти законы происходят из изменчивой картины взаимодействия сил, движимых высшим разумом и источником действия, лежащим вне материального мира, который в полной мере определяет и способ его осуществления, и лежит в начале многообразия форм всего сущего. При этом я не могу разделить оценку весьма талантливого человека, автора «Введения во множественность миров»¹⁸, который говорил маркизе, что природа столь многообразна, что похожа на лавку или мастерскую ремесленника; это напоминает мнение короля Альфонса, что устройство природы в сущности элементарно. Эта мысль не кажется мне плодотворной: отсюда недалеко и до утверждения, которое распространяют картезианцы; каждый из элементов этой механической связи, составляющей эту естественную последовательность, можно выявить и спокойно, не торопясь исследовать. Но это вовсе не так: невозможно собрать их воедино и исследовать как зубцы на колесе; это движение просто невозможно охватить единым взглядом. Если природу и можно сравнить с машиной, то она сама состоит из множества маленьких машин, которые только мы и видим; иначе говоря, мельчайшая часть мира уже содержит в себе все разнообразие форм, которое далее лишь разворачивает-

ся вовне. Так устроено наше восприятие: все, что должно быть и существовать как одушевленное, во всей полноте своего осуществления, определено архитектурой высшего замысла. Здесь можно говорить и о гармонии, и о геометрии, и о метафизике или, если угодно, о морали; и, наконец, самое важное – рассматривать эти творения как наделенные ощущениями, чья субстанция образуется спонтанно независимо от всех остальных вещей, но при этом последние должны окружать их, создавая для них необходимую среду. Итак, природа полна загадок, но это загадки ее разумного устройства, загадки соотношения разумных сил, их способа проявления. Именно этот разум совпадает с конечной целью прогресса, который, как представляется, не может быть постигнут во всех своих подробностях. С другой стороны, можно воспринимать Природу в целом, вне ее частных проявлений, это прекраснее всего. И, наконец, в этом мы можем надеяться преодолеть то презрение, которое порождает фанатизм у многих современных философов, в остальном вполне разумных и здравых. Но наилучший способ постижения Природы – разумный – и каждое проявление ее рассматривать как наиболее совершенное; в этом и состоит величие Разума, определяющее его способность постигать мир в целом.

Ну, я и так написал слишком много, чтобы надеяться получить ответ на все сразу.

Прошу прощения, почитающий Вас и остающийся Вашим почкорным слугой

Лейбниц

XV. Лейбниц–Боссюэ Ганновер, 13 июля 1692

Месье, я надеюсь, что вскоре Вы будете иметь возможность ознакомиться с книгой преподобного отца Дениса, главы ордена капучинов в Хильдесхайме. Он мой друг, и он был в Ганновере, в приюте, который капучины открыли еще при покойном князе Иоанне-Фридрихе. Он склонен поощрять любые благие чувства и поэтому не выказывает никакого раздражения против реформы церкви – так же, как в том письме, месье, которым Вы меня удо-

стоили. Те из протестантов, которые наиболее разумны, далеки от того, чтобы осуждать это произведение в целом, – они пытаются его в чем-то корректировать; и мне очень приятно констатировать, что чувства, которые ими движут, весьма сходны с таковыми же, которыми руководствуются лучшие представители Римской церкви. Они даже приводят массу формальных свидетельств в доказательство своей правоты, но они неустанно приводят новые доводы о бесполезности реформы. Но много и таких достойных авторов, которые не ослабляют своих усилий, чтобы приглушить это противостояние в частных случаях, которые мешают духу благочестия воплотиться в достойную его теологию.

Эразм и некоторые другие достойные мужи, которые не разделяя воззрений Лютера, в целом признавали необходимость применения того способа обращения язычников, которые даны в поповедях св. Павла; с Лютером они расходились здесь не по сути, а относительно способа применения этой доктрины. Ныне же эта превосходная доктрина (об оправдании верой) вполне усвоена католической церковью; плохо лишь то, что сопутствующие ей духовные практики ею не признаются, но еще хуже, что они неизвестны и широкой публике, которая в своем стремлении к духовному просвещению соблазняется сомнительными учениями, которые отклоняются от духа истины в религии. Слава Богу, в некоторых епархиях, руководимых благочестивыми епископами и правителями, ситуация напоминает ту, о которой я говорил вначале.

Но и для протестантов было бы хуже, если бы с ними произошло то же самое. Это как раз тот случай, когда они воодушевляются отдельными находками, которые в целом могут привести к искомому результату. И Вы, месье, что бы Вы сказали близкому Вам человеку, если бы он возжелал получить сейчас же сразу все результаты или если он захотел осуществить это в обозримом будущем? – Вы просто присоединили бы его доводы к уже высказанным ранее, не вдаваясь в их обсуждение и полагая, что Ваш долг – поощрять их в том, что делаете и Вы сами во славу Господа нашего, будь то лишь сектантские упражнения или же они были продиктованы стремлением возвысить человеческий разум.

Я очень рад тому, что Вы закончили Ваши заметки о сочинении аббата Локкума. Мы умоляем Вас присовокупить к ним впечатления по поводу папы Евгения и собора Бале в целом, из ко-

того следует, что постановления Констанцского собора не препятствуют установлению связей с Чешской церковью Каликста, что не может, конечно, расцениваться как согласие на признание равенства двух способов веры. Этот пример настолько воодушевил меня, что я поторопился переслать Вам, поскольку он важен для уточнения *терминов*, и я уверен, что он смягчит неприязнь, которую Вы питаете к приостановлению декретов соборов, чем протестанты пользовались более радикально, чем каликстинцы применительно к собору в Констанце. Но мы вполне уверены в том, что Вы найдете наилучший способ использовать эти материалы, даже если в другом отношении они для Вас не подходят.

Вот то основное, к чему я хотел бы приступить, – теперь Вы это знаете. Для этого не нужно устраивать диспуты и писать книги, но лишь высказать Ваше мнение: может ли некое суждение быть непосредственно подсоединено к другому? Иначе говоря, необходимо подготовить некую предварительную платформу. Госпожа княгиня Целлийская прочла Вашу «Историю превращений протестантских церквей». Я еще не имел чести получить от нее это ваше сочинение, но я могу предварительно сказать, что она одобряет то, что Вы написали.

Вы, безусловно, – наиболее значительный из тех, кто склонен к философской позиции, что природа в основном выражает себя механистично, и я отнюдь не полагаю, что должен совершенно игнорировать это Ваше суждение. В целом я полагаю, что доля истины есть в каждой из высказанных позиций, и я отнюдь не собираюсь сразу опровергать Вашу и окончательно обосновывать свою. Нет, для меня очевидно, что некоторых моих положений Вы не можете принять, и я прошу Вас повременить с вынесением окончательных суждений: ведь любое суждение, с которого Вы начнете, во многом предопределит и последующее обсуждение. Остаюсь преданным Вам и Вашим покорным слугой,

Лейбниц

XVI. Ответ Боссюэ на предыдущие письма

Версаль, 27 июля 1692

Месье, относительно письма, посланного 13-го сего месяца, сообщаю Вам, что я не собирался издавать ни сочинение аббата Молануса, ни мой ответ на него. Я не предполагал совершать ни сам, ни с помощью других ничего сверх того, что уже не делалось по каналам общения, которые нам любезно предоставила мадам Бриньон. Все это было сделано, включая проект месье Пелиссона, и мадам Бриньон сообщила мне, что Вы желали бы, чтобы я перевел сочинения, написанные на латыни для двух правительниц, но при этом не было речи о моей их оценке. Мой взгляд на эти сочинения сходен с Вашим: я стремлюсь оценить его не в целом, а как частное исследование, мало связанное с остальными, пытаюсь при этом воздержаться от всякого скрытого раздражения по этому поводу. Именно те из исследований, которые не касаются основных вопросов веры и прав народа определять эти вопросы в целом. Я пытаюсь подойти к этому предмету по возможности просто; в частности, я изучил те материалы конгресса в Бале, на которые Вы пожелали обратить мое внимание, не входя в обсуждение оснований других частей этого постановления. Я уже закончил эти заметки. И если Вы благосклонно примете во внимание те факторы, которые мешают их окончательному оформлению, то я думаю, Вы извините мое многословие.

Сочинения отца Дениса я бы предпочел пока не рассматривать детально с позиций их рационального обоснования и тем более не выносить им окончательный приговор; здесь можно сказать лишь следующее: если его доктрина построена на дистанцировании от учения Лютера, то она, скорее всего, стоит на позициях Римской церкви, но тогда непонятно, что она к ней прибавляет. Нет смысла рассматривать ее как добросовестное оппонирование тому или иному церковному постановлению: настоящей ее целью, полагаю, было возбудить в народе ненависть, движимую злой волей и ведущую в конечном счете к расколу. Религиозные братства, на которые Вы ссылаетесь, есть не что иное, как различные толкования доктрины оправдания верой; поэтому их выступления не могут рассматриваться даже как предварительный материал в религиозных спорах, поскольку они никого ни к чему не обязывают.

Итак, исходя из провозглашаемых Вами принципов, породивших в истекающем веке немало бесполезных решений, Вы можете и дальше продолжать в том же духе и поставить вопрос: куда может привести последовательность этих решений, если довести их до логического конца? Но здесь не поможет даже самое придиричливое предварительное рассмотрение: то, что здесь уже представлено, не может быть исходной базой для разговора о возможных изменениях, поскольку не может умалить прежние авторитеты и не может приостановить непреложность их решений. Итак, все, о чем Вы говорите, месье, относится к основным вопросам веры и разрешается соборами, которые призваны всячески уменьшить порочное умаление веры, воспрепятствовать ему, насколько это удастся, и только это помогает избежать ненужных решений и сопутствующих им ошибок.

Я совсем не ответил Вам по поводу того, что Вас интересовало относительно моего епископства. Для меня это один из способов исправлять неизбежные ошибки, поправлять, содействовать необходимым изменениям слишком уж замкнувшейся в своей законченности доктрине; найти благожелательных людей, которые одобрили бы основное направления Ваших усилий на первых порах, будет нетрудно; но те надежды, которые они возбуждают, совершенно несовместимы с Церковью: если эти два аспекта соединить, все равно это ничего не решит и в целом отнюдь не прояснится. Вы, по-моему, согласились, что все же надо найти тот путь, который не ставил бы под вопрос исконные прерогативы Церкви, и сочинение аббата Молануса представляет собой значительный шаг в этом направлении. С Вашим блестящим умом, думаю, Вы в конечном счете еще более преуспеете в этом.

Так что в целом Ваша философия мне не подходит. Желаю Вам всяческих благ и выражаю Вам мое почтение, оставаясь Вашим покорным слугой

Жак-Бенинь, епископ Мо

XVII. От него же – Лейбницу Версаль, 28 августа 1692

Месье, я сопроводил это письмо своей версией, которую я отправил вместе с сочинением аббата Молануса. Я надеюсь, что я сделал все от меня зависящее, чтобы госпожа герцогиня Ганноверская приняла участие в нашем проекте. Я прошу аббата Молануса извинить меня за некоторую вольность, которую я позволил себе относительно его сочинения, сократив его. По моим представлениям, насколько их можно кратко выразить, оно стало более свободным для восприятия в целом, в то же время сохранив основную линию; как мне кажется, я при этом смог лучше представить его в целом. Я очень обязан Вам за его латинский перевод, который помог мне проследить шаг за шагом и соотнести со схоластической традицией ход мысли уважаемого аббата, чтобы уяснить, каким образом оно может быть практически использовано. Для того, чтобы я мог высказаться более развернуто, мне необходимо прочесть его на французском; впрочем, я надеюсь, что то, что можно уяснить из латинского перевода, не утратило облика оригинала, который виден, который воспринимается «сходу» в целом.

Вот, месье, то, что я могу сделать применительно к будущему объединению, но я не хотел бы скрывать от Вас те значительные препятствия, которые я вижу на этом поприще – а именно, относительно того плана, к осуществлению которого стремится большинство протестантов, – создать условия для более простого прочтения основных таинств, которые для них представляются слишком усложненными, отвлеченными в своем метафизическом значении, и быть ближе к вере простого народа. Вы видите, таким образом, в чем здесь состоит ведущая линия рассуждения, по которой мы с Вами расходимся. Это два пункта: во-первых, то, что Евангелие очевидным образом включает в себя эти вершины и изначальная простота христианского учения отнюдь не отвергает этого более сложного способа веры; единственное, что такой способ действительно привносит, – это в точности закрепляет уже достигнутый уровень, отнюдь не стремясь любой ценой продвигнуться вперед, но и не имея в виду попятное движение. Второе же, чем ценна простота христианской доктрины, – это стремление определить до конца все части целого и следующая отсюда пре-

дельная сконцентрированность ее содержания, предполагающая также непреложность избранного способа веры. На том стоим и будем стоять и далее.

Итак, если в целом охватить взглядом существующее в Церкви положение вещей, то можно сказать, что все решается именно этим соотношением: не просто разными дискуссиями или многократным декларированием собственной правоты и тем более доказыванием, что оппонент ошибается в целом, но демонстрацией того, что разум в целом ведет именно к данным выводам. Ведь люди верят в то, что *уже* достигнуто, но непосредственно, актуально Вы верите, только если отклоняетесь от этой общности мнений. И это соотношение как раз и определяет общее положение вещей в мире, по сути, достаточно простое: признавать как ценность постоянства, так и определенных изменений в том случае, если те, кто правит, действительно способны их осуществить.

Тем самым подобные проблемы, как правило, не становятся непреодолимым препятствием для решения действительно важных вопросов, например, о троичности Господа, о благодати, и, наконец, поскольку, когда доходят до того, что их действительно затрагивает, их вера остается неизменной, – для тех, кто ее отправляет, и в содержании самого культа и его материальной стороне. Такой подход присущ католикам, но он составляет также и секрет божественной простоты христианской религии в целом. В этом и заключается наиболее верный путь в Царство Господне, что и позволяет в конечном счете избежать ложной простоты и любого своеволия в воспроизведении высших таинств.

И, наконец, лютеране, кои хвалятся, что только они понимают догмы христианства, сводя их к элементарности собственно евангельского текста, тем самым скорее отдаляются от него; как раз тем, что они направляют свои усилия на доскональность описания произошедшего Там и Тогда, и подчеркивают насущность добрых дел, и связывают с этим определение критериев правомерности освящения и многие другие догматические положения, которые уже до них были определены исчерпывающе точно, – как раз то, что они постоянно возвращаются к определению критериев собственной оценки, ее естественности и неподдельности, также свидетельствует об их несовершенстве.

Поверьте, месье, я вполне разделяю принцип свободы обсуждения этих предметов, о которой Вы говорите, предполагая при этом, что человек со здравым умом и способностью суждения вполне способен постигнуть в них необходимые детали, и поэтому я завершаю свое письмо заявлением двух позиций: первое – что Католическая церковь невозможна без полного и досконального утверждения ею догм, которые ею *уже* признаны, и второе – что ничего нельзя прибавить к тому способу верования, который сейчас существует.

Наконец, мне хотелось бы передать Вашим повелительницам пожелание успехов в их неустанном стремлении к знанию, если они, конечно, сочтут мои «Размышления» достойными своего высокого внимания и найдут возможность извинить меня за сухость моей манеры изложения. В этом они вполне правы, и чтобы не терять времени на дальнейшие извинения, я выражаю Вам свое глубокое почтение и с тем остаюсь Вашим покорным слугой.

Жак Бенинь, епископ Мо

XVIII. Лейбниц–Боссюэ Ганновер, 1 октября 1692

Месье, я счел за благо передать Ваши превосходные «Размышления» по поводу сочинения аббата Молануса в руки графа Балати, переписку с которым Вы в свое время имели случай благословить. Но, к сожалению, вопрос о встрече нельзя разрешить в скором времени, поскольку я еще должен связаться с аббатом – пространство для нее должно быть еще подготовлено, хотя сам автор ее желает и предмет обсуждения не терпит отлагательства. Само собой предполагается, что Ваши «Размышления» и подобные им по степени глубины сочинения обязательно будут прочтены с глубоким вниманием. Госпожа герцогиня обещает это наверняка, и светлейший князь также примет в этом участие: он должен ознакомиться с тем, что Вы изложили в своих превосходных статьях; аббат Моланус также восхищен ими. Мы отнюдь не полагаем, что Ваша позиция не должна быть представлена в предварительном обсуждении, если не рассматривать высказанную Вами позицию как окончательную

и если мы не будем трактовать ее как окончательную позицию также всей Католической церкви. Эти предварительные условия, как я представляю, и содержатся в Вашем сочинении, и, если это требуется, я надеюсь, что Вы дадите к нему необходимые пояснения.

Теперь я коснусь некоторых моментов, затронутых Вами в ответном письме, которых я ранее не касался подробно. Когда я говорил о чрезмерных ограничениях, я имел в виду не вселенские соборы, но те, которые собирались папами или канониками для решения более частных вопросов. Я не имел здесь в виду братств и все публичные проблемы, которые возникают в их деятельности: на мой взгляд, на данном этапе достаточно, чтобы у них были добрые намерения.

Что же касается неизбежных ошибок, присущих взглядам многих протестантов, которых Вы опасаетесь, месье, – из-за чего истинная вера может быть искажена в народных представлениях – то сходные ошибки возможны и в любых ученых спорах: также редко достигают поставленной цели, если вступают в спор относительно незначительных деталей – даром, что они облечены научной аргументацией. Ведь сказано кем-то: «Вчера ты уверовал, и завтра надо верить так же». А если так, то надо ли воскрешать прежнюю веру, употребительную когда-то? И надо ли при этом немедленно канонизировать последнее по счету суждение? Господь наш истинно сказал фарисеям: «Того, что было когда-то, сейчас уже нет». И это исходное положение как раз и обозначает для нас главную проблему. Действительно, вышеназванные суждения действительны лишь в течение определенного срока, и поэтому подобные суждения не могут быть окончательными. Чтобы сделать такое заключение, не обязательно обращаться лишь к злободневным проблемам – можно вспомнить и историю Церкви, ранний период ее служения Господу. Конкретно я полагаю, что если правители не вникают в подробности, то лучше оставлять все как есть. Я не утверждаю, что против данного тезиса, который гласит: «То, как это складывается в данный момент, – то и должно быть утверждено как ныне действительное», – не может быть возражений; в чем булла против монофелитов была небесспорной, это как раз в том, что она не давала возможности по-настоящему обдумать этот вопрос – как раз тот, где воля Господа нашего Иисуса неоднозначна.

И здесь можно задать вопрос людям, плохо знающим историю церковных решений, но ссылающимся на любые догмы, принятые в ее процессе: как они относятся к положению о двух ипостасях Иисуса Христа, сформулированному монофелитами? Возможно, Ваше превосходительство подразумевает здесь Второй Никейский собор, который Вы спешите объявить вселенским. Но разве он установил единство в отправлении обрядов, в частности, относительно почитания икон? Это ведь отнюдь не так – тогдашнее замирение было навязано силой, иконоборцы и почитатели икон поочередно брали верх, и в этом отношении собор во Франкфурте вышел на тот уровень, который позволяет пересмотреть решения Никейского собора, – так полагают многие духовники во Франции, Германии и Англии. Сейчас же Французская церковь отошла от страстей, присущих прошлым обсуждениям; о них вспоминают только для того, чтобы подкрепить аргументы относительно практически важного сейчас вопроса.

Тем самым я не утверждаю, что это наследие прошлых веков полностью преодолено, и не приуменьшаю препятствия, еще стоящие на пути соглашения церквей. Я прошу, месье, извинить мне вольность, присущую моему стилю, – ни в коей мере я не хотел бы отвратить Вас от их серьезного и искреннего обсуждения. И если те положения, которые высказаны Вами в последнем письме, Вы сами полагаете подходящими для заключения всеобщего соглашения, то нечего к этому добавить – они будут восприняты как одна из важных позиций. Остаюсь почитающим Вас и Вашим преданным слугой

Лейбниц

XXIII. Ответ Боссюэ на последние письма Лейбница

Между июнем и октябрём 1693. Прочитав письмо месье Лейбница от 29 марта с.г., я, чтобы не вдаваться в долгие дискуссии, сформулирую пока три положения, которые представляются мне бесспорными. Первое – относительно поклонения иконам. Ведь этот культ далеко не нов, но можно утверждать, что в своей прежней форме он уже не существует, – в той мере, в которой он понят как символ прежнего единства, он предназначен для того, чтобы

подтвердить истинность происходящего таинства. Эта традиционность лишь подчеркивает благородство веры и обстоятельства рождения Господа нашего Иисуса; это священный сосуд, в котором находится божественная субстанция, та же, что воплощена на иконе. Распространяется ли его благодать на икону, зависит от многих обстоятельств и правил отправления культа, принятых в данной церкви, но в целом эти тонкости вполне доступны достаточно продвинутым людям.

Второе – касательно заблуждений монофелитов. С позволения месье Лейбница я должен выразить свое удивление его манерой рассматривать этот вопрос с позиций высокой метафизики. В самом деле, нельзя же полагать, что человеческая душа, с одной стороны, определена благой вестью Господа нашего Иисуса, и в то же время – что она сама себя, по сути, определяет, причем не только в воле, определяющей ее суть, но данные действия, эти свойства не обнаруживают себя как таковые.

Если действие само порождает его агентов, то, согласно правилам схоластики, это означает, что они приобретают свои свойства только в конкретном осуществлении, но не обязательно в том практическом осуществлении, в котором, как правило, проявляется себя душа. Собственно, личность Иисуса и неизменность Его Слова всегда производит сходное воздействие; человеческая душа следует повелению этого Слова, и это ее стремление воплощается в том же Слове, которое утверждает самое себя. Но пытаться представить себе, что душа переживает вне этого действия, сама по себе, – абсурдно, поскольку это непознаваемо в принципе.

Поэтому представляет в принципе ясным – что сказано в Шестом постановление собора и в резюме многих других, – что актуально и одновременно проявляются *две* воли Иисуса; но противопоставлять друг другу эти воли означает только подтверждать исконную абсурдность мышлению человека, которое не пытается даже разобраться в идеях, Им руководящих; эта простая мысль позволяет понять сущность многих ересей, но более всего – учения Евтихия, чьи идеи монофелиты присвоили себе.

Собор в Бале, упоминаемый месье Лейбницем, едва ли может послужить образцом как для просветительской деятельности протестантов, так и, насколько это представляется в данный момент, поводом для обсуждения понятий, которые я здесь упомянул. По-

скольку вопрос об объединении церковей нельзя формально инициировать путем оспаривания решений Тридентского собора, очевидно, что их нельзя оспаривать и в принципе, поскольку церковь даже в видах предполагаемого объединения не может принять позицию, ставящую под сомнение ее изначальную целостность. Но при этом протестанты доброй воли, которые, подобно месье Лейбницу, не ставят ее под вопрос, могут привести свои доводы о *форме* выяснения отдельных вопросов; определенную надежду здесь внушают предложения, изложенные в тезисах аббата Молануса.

О Тридентском соборе.

Чтобы разрешить последние сомнения относительно Тридентского собора, необходимо обозначить здесь несколько положений. Во-первых, непогрешимость, которую Иисус даровал своей Церкви, распространяется на все ее предметы, имеющие к ней отношение, и это то прочное основание, которое дал нам Сын Божий, – основание надеяться, что все мы не попадем в ад.

Во-вторых, эта непогрешимость в том виде, как она дана, является не прямым декларированием истинного положения, но лишь его образом и осуществляется посредством проповеди, которое осуществляется как утверждение из уст в уши, из рук в руки святыми отцами, поскольку этот порядок установил Сам Иисус, возгласив: *приходите, внимайте учителям, креститесь – Я всегда с вами*, то есть всегда рядом с теми, кто внимает учителям и крестится, – внимает тем, которых Я дал вам для вашего обращения Своим Именем.

В-третьих, те епископы и проповедники, которые не прошли этого посвящения, не могут дать этой надежды, пока они не приобщатся к первоисточникам этого апостолического порядка, который остается неизменным во времени и пространстве, так сказать, без перерыва; поэтому высказывание: *Я пребуду с вами до скончания века*, по сути, избыточно.

В-четвертых, если епископы и вообще пастыри, которые руководствуются этим положением, отрекаются от веры тех, кого они окормляют, и тем самым отказываются осуществлять соборное благословение, то тем самым они отказываются и от вышеупомянутой надежды, поскольку они игнорируют ту преемственность, в которой осуществляется непрерывность и каждодневное восстановление христианской доктрины. Это не прибавляет авторитета

любому священнику, заботящемуся о своей репутации, поскольку не свидетельствует о его благих намерениях и ничего не говорит о его истинных чувствах, ведь если он не может подтвердить положительные качества даже своего характера и сокрыть собственные колебания, он не может сохранять авторитет, необходимый для окормления, так, чтобы он был постоянным и надежным.

В-пятых, епископы и прелаты воплощают эту надежду и осуществляют обряды в евхаристическом единстве там, где их проповедь единосущности независимо от местных условий и где признают Церковь, поскольку ее правота воплощена в правильной организации, отработанной в веках. И в первом, и во втором случае ее авторитет сохраняется: в первом случае тело Христово хотя и рассеяно, но объединяется Св. Духом, во втором – непогрешимость определяется единством собора, каждый из участников которого причастен к Нему и, подобно святым отцам, может сказать: *Он с нами*.

Наконец, в-шестых, необходимо заметить, что это собрание наиболее представительное для католической церкви, поскольку на нем представлены епископы от всех обществ, обладающие достаточными полномочиями одобрять все решения; это, так сказать, фокусирует его авторитет и определяет безошибочность его постановлений, иначе и не может быть, поскольку, если уж такое представительное собрание может ошибаться в вопросах определения веры, то самое тело Церкви, которое как раз и создано для того, чтобы верно представлять учение Христа, может ошибаться, а это противоречит первым пяти положениям, здесь выдвинутым, и в особенности потому.

Эти шесть принципов являются основными, и это как раз то что не дает возможности надеяться собрать союз на ином основании, неравнозначном нами созданному, который обладал бы этим свойством непогрешимости, без которой бессмысленно говорить об объединении христианских церквей.

Поэтому эти шесть положений необходимо связаны между собой уже тем способом, которым они обнародованы; это не что иное, как существо доктрины, воплощенное и закрепленное в символе: *Верую в Иисуса Христа*, что означает не только: *Я верую в него*, но и: *Я знаю, что Он верит в меня*, поскольку, с другой стороны, невозможно доверять себе, не веруя в Него, в силу того,

что его субстанцией является вера, объясняющая весь мир; способ, путем которого проповедуется правота церкви, и определяет ее истинность, а искажение в любом данном моменте искажает и все последующее устройство. Можно, конечно, утверждать, что содержание веры не сводится в шести принципам, перечисленным выше, которые мы не можем отделить от Евангелия, поскольку в них заключена основа нашей надежды, обязательная для всех, кто относит себя к христианам.

Вышеизложенное должно устранить все сомнения также и относительно Тридентского собора, в том числе и относительно его концепции вероучения; она остается в том же виде, что была объявлена и провозглашена: (1) что все нити, связующие воедино тело Церкви, сосредотачиваются в Риме; (2) католиком может быть только тот, кто не ставит под сомнение авторитет Никейского собора. Эта позиция выражена во всех книгах католиков, обосновывающих их вероучение, и в том числе в решениях Тридентского собора относительно символа веры, о которых утверждают, что они остались нерешенными. На это легко возразить, что некоторые моменты церковного порядка вообще не могут быть установлены окончательно. Действительно, рациональные основания этих установлений, определяющих внутреннее устройство Церкви, не вечны, но основы ее вероучения от этого не меняются.

В этой связи я хочу, чтобы мне показали хотя бы одного епископа-католика, который заявил бы: «Я не признаю решений Тридентского собора» или «Я сомневаюсь в некоторых из них». Такого нет нигде, они признаются неоспоримыми как в Германии и во Франции, так и в Италии и в самом Риме, никто не оспаривает символ веры, провозглашенный собором, полагая его несомненным.

Но в таком случае все остальные трактовки содержания собора, которые можно себе вообразить, уже не столь необходимы: если пытаться собрать совещание, чтобы высказаться по поводу решений собора, то необходимо формулировать новый принцип веры, сравнивать одно определение с другим – только так можно придти к чему-то завершенному. И все равно позиция, на которой можно будет остановиться, – это чистая формальность, которая остается лишенной содержания, если не находится каждый момент в живом пространстве Церкви, поскольку именно таким образом обосновывается целостность ее субстанции.

Отсюда видно, что не так уж важно, сколько символов веры провозглашено на соборе: один, два или больше, поскольку протест или апелляция – еще не провозглашение веры, и он бесследно проходит, когда открывается более значимая последовательность, и это уже не формальная, а живая надежда на Иисуса, в которой заключена единственная связь, объединяющая всех.

Утверждается, что необходимо сформулировать доктрину собора, не прибегая к анафеме, но это иллюзия; этот прием – лишь способ формулировать свою доктрину так или иначе. Таким образом, если на соборе высказывается определенная доктрина, то и анафема как ее составная часть попадает в его постановление.

Можно, конечно, констатировать неуместность объявления анафемы. Ведь нельзя полагать, что только к этому и стремились, высказывая на соборе пять или шесть базовых позиций и полагая все остальные производными, утверждая, что они не должны выступать и обсуждаться как самодостаточные. И для того, чтобы подкрепить веру в эти принципы, не было необходимости еще раз обнаруживать между ними логическую связь.

В этой связи можно остановиться на одном из примеров, приводимых автором из сочинения аббата Пиро: он касается способа Крещения, производимого Иисусом в отличие от такового, совершенного Иоанном Крестителем. Это положение не столь важно, чтобы заслуживать анафемы. И если она все же провозглашается, то тем самым лишь вспоминается формальное несходство двух этих способов, которое позже отмечали Иисус и Его апостолы.

Это лишь один из примеров, но можно легко установить, что способ провозглашения анафемы на соборе определялся пятью или шестью принципиальными положениями, и задачей Церкви было определить принципиальную уместность его применения к каждому отдельному случаю; далее уже строилась ее доктрина, которая определяла, что способствует, а что мешает осуществлению этих положений, – иначе она не могла бы претендовать на безусловную верность своих постановлений. Так, например, Церковь определенно утверждает, что у Иисуса двойная природа, и далее говорит, что Он обладает человеческой душой и также телом; далее утверждается, что поэтому Он приобретает способность мыслить и действовать как человек, и то, что произошло, закрепляется в доктрине: *Бог стал человеком*. Таким же образом формулируется и большинство других решений, и если привлечь

более развернутую их последовательность, то выяснится, что осуждению подверглось многое из поднятых на нем, и для того, чтобы не воскрешать на пустом месте ереси, они выявляются позже как отдельные угасающие искры, чтобы быть в конечном счете отвергнутыми.

Чтобы далее не вдаваться в это обсуждение, достаточно сказать, что если любое церковное постановление, основанное на вере, подвергается малейшему сомнению, то нарушается длинная цепочка символов, дающая надежду на спасение, и потому она должна быть тотчас же пересмотрена и воссоздана заново.

Это отнюдь не означает, что протестанты по определению не имеют точек соприкосновения с решениями данного собора; напротив, если они его отвергают, у их пасторов нет единой позиции на этот счет, подобной позиции католиков, даже в Англии и Швеции. Согласно четвертому пункту, если епископы, выбранные законно, отказываются разделять веру своих прихожан, тех, кого они сами посвятили – что часто происходит в Англии, Дании и Швеции, – то они тем самым нарушают субстанциальное единство Церкви, и их непосредственное суждение поэтому не имеет в данном случае никакого значения. Более правильно здесь было бы предусмотреть это, согласно третьему пункту, не производя нового посвящения священников.

Наконец, нет смысла вдаваться в фактические обстоятельства, приведенные в по-своему ученой и занимательной, но малозначимой применительно к основным позициям книге аббата Пиро. Эти соображения могли бы представить ценность для собственной хроники Тридентского собора, однако они не затрагивают сути его авторитетности; поэтому были они политически эффективны или нет – как раз это ведь и определяется, и уже зафиксировано в совокупной вере, исповедуемой всеми католиками, которая не может и должна противоречить этим решениям и поэтому не нуждается в том, чтобы еще и еще раз вопрошать об этом, как самое себя, так и других. Возможно, это настолько очевидно для всех, что отдельные деятели не считают нужным обнародовать свою личную позицию на этот счет. Ведь, бесспорно, Тридентский собор – последний из всемирных и поэтому обладает всеми представительскими правами, упомянутыми в шестом положении; поэтому его решения определяются исходя из истинности предыдущих пяти, которые в свою очередь обобщают различные позиции.

Если на это возразить, что отдельные решения, не одобренные некоторыми участниками, не обязательны для них, то тем хуже для них самих, потому что в этом акте просто был подтвержден прежний символ веры и не ничего не было сказано против оппонентов, и это было в целом верным решением. Наконец, нельзя более ставить под вопрос, состоялся собор или нет. Символ веры был еще раз провозглашен на этом соборе; папа провозгласил его; все епископы скрепили его своей подписью, следовательно, он имеет силу священного утверждения. Здесь не было ни сюрпризов, ни принуждения; весь мир торжественно признал законность этих подписей – именно этим и определяется слава Тридентского собора: он объединил все корпорации епископов, представляющие всю католическую церковь. Можно обсуждать конкретные решения собора, но только с позиций общей непогрешимости Церкви, равнозначной нашим христианским убеждениям.

И не только Тридентский собор, но и все акты, подтвержденные таким образом, имеют абсолютную силу. Когда пелагианцы были осуждены папой св. Зосимой, все без исключения епископы подтвердили этот декрет, некоторые еретики подали иск, что подписи были вынуждены силой: *отдельные епископы подписали это под давлением*; но эти жалобы не были приняты во внимание. Св. Августин подтвердил, что они были осуждены законно и безусловно (св. Августин, *кн. IV, Против двух посланий пелагианцев, т. 10, кол. 492*). И если акты, осуждающие пелагианцев, были одобрены именно Эфесским собором, то это было случайностью: собор собрался по другому поводу. И собор в Оранже, на который ссылается мой оппонент, в той мере, в которой он высказал свое мнение по поводу этого запроса, также может считаться всеобщим. Были подтверждены те главы, которые папа ранее провозгласил, едва только их признали двенадцать или тринадцать епископов, присутствовавших на соборе. Но, поскольку решение было принято без дискуссии, то по сути, было просто подтверждено прежнее решение Никейского собора, принятое ранее. Мой оппонент подтвердил его истинность, которая потребовалась для всеобщего одобрения. *Число решений ничего не меняет*, провозгласил он, *коль скоро данное решение признается всеми*. Епископов с Запада на Никейском соборе было мало; их не было вовсе на Константинопольском соборе, и лишь один посланец папы был на

Эфесском и на Халкедонском, и так еще на многих. Но поскольку все пришли к согласию, их решения полагались для всех обязательными. И, если уже обращаться к более классическим примерам, Павел Самосатский был осужден не собственно решением Антиохийского собора как таковым, но тем, что это решение было адресовано епископам всего мира, и именно в этом была его сила (в том, что она была поддержана всеми безоговорочно), и поэтому это решение неоспоримо. А какое собрание, собственно, проголосовало за то решение? – Ни одно. Оно было принято «по умолчанию». Александр из Александрии под аплодисменты всего собора провозгласил, что Павел Самосатский осужден всеми епископами мира, и это не было зафиксировано в отдельном постановлении и тем не менее стало действительно безоговорочным, действительным и во веки вечные.

Я уже не говорю о том, что никому не приходило в голову собирать новый собор только для того, чтобы подтвердить уже принятые решения. Я думаю, достаточно дать отдельные пояснения основных статей, чтобы уже исключить всякие возможные возражения. Но даже в этом нет необходимости, поскольку они были скреплены подписью всех участников собора, хотя и не были опубликованы. То, что наиболее важно в Символе веры, подписано Генрихом Великим (IV) в Сен-Дени и сформулировано уже Тридентским собором. И зачем скрывать свое имя, если не стремиться сознательно к новым распрям наветам? Действительно, я не знаю точно, поскольку историки умалчивают об этом, были ли совершены упомянутые новые акты, дополняющие этот основной документ, но выяснять это необязательно. В какой бы форме этот документ ни был подписан, он является действительным как символ веры, одобренный Римом, и потому действительный также и во Франции, поскольку ранее никто не ставил этого под сомнение. Символ веры не нуждается в злободневном подтверждении. Либо Церковь согласна с ним, либо нет, и если первое, то это решение обязательно для всех.

Упоминалось также о соборах в Бале и Констанце, где нации выступали с изъяснением своих особых мнений; ни одна из наций не должна преобладать – необходимо равновесие; это верно, но также неважно для нашего рассуждения. На Эфесском соборе присутствовали две сотни епископов с Востока и лишь два или три с Запада; на Халкедонском – шестьсот против двух или трех. Гово-

рили ли тогда о засилии греков? Так же, если итальянцев в Триденте было большинство, это не значит, что они подавляли остальных, просто их объединяла вера. Так, отправление мессы у итальянцев не отличается от нас; они не основывают ни новый культ, ни отдельные священные предметы и не строят храмы иначе, чем мы. И те деятели Церкви, которые последовательно выступали против любых новшеств в отпавлении культа и в обрядах, – не итальянцы, французы или немцы – они католики. То же большинство, которое утвердило решение Тридентского собора, составляло большинство и на соборе в Констанце, которое отстаивало равные права для различных наций. Как раз на основе этой единой позиции и возможно лучшее взаимопонимание. И поскольку оно было единогласным и отвечало правильно понятому символу веры, то есть надежда, что сегодня это будет так же, как вчера, и так будет всегда.

Тридентский собор, утверждает мой оппонент, мешает объединению церквей, поскольку его решения многозначны. Напротив, утверждаю я, возобновление требование приостановить реализацию его решений является единственным препятствием для этого. Насколько я могу судить из документов, его решения одобрены католической церковью в целом, это несомненно. Но при этом Вы утверждаете – скажете Вы – что католическая церковь вполне едина. Да, мы это утверждаем и доказываем, но мы также вправе ожидать, чтобы те, кто желает с нами объединиться, не требовали от нас отказа от наших принципов. Но, говорят нам, если придерживаться этих принципов, тогда абсурдно требовать объединения, не установив перед этим единства в принципах; без этого окончательное объединение невозможно. Если эти принципы надежны, то вероятность ошибки мала. Первый принцип: что Церковь не может ошибаться и не ошибается и тогда, когда идет по пути реформ; с другой стороны, главное – не реформа сама по себе, но установление критерия новизны, а именно, тот новый способ определения понятий, который наши оппоненты сочли подходящим для аргументации своей позиции, определяющий в том числе и то, что может и чего не может церковь. Она должна сделать все, чтобы не сойти на нет и не потерять пути к надежде, и она должна стремиться избегать ошибок. Противоречие моего оппонента состоит в том, что он, с одной стороны, призывает нас найти критерий безошибочности суждения и в то же время в принципе отрицает непогрешимость Церкви.

В определенном смысле понятно, что, говоря об этой непогрешимости, ставят под вопрос ее определение данным собором, хотя бы и вселенским, но такая позиция по сути означает приписывание возможной в принципе ошибки всей Церкви в целом лишь для того, чтобы ради обсуждения самой этой возможности созвать новый собор.

Из вышеизложенного ясно, что основанием для созыва нового собора не может быть одно лишь сомнение в обоснованности решений предыдущего – здесь необходимо более внимательно рассмотреть основания, которые протестанты приводят в подтверждение своих сомнений, включая апелляции и к решениям предыдущих соборов, и к тому, как они выглядели и что они значили в прежние времена, чем они сами часто пользуются.

Что же касается нас, католиков, то мы усматриваем два способа отношения к Символу веры, принятому в Триденте: первый состоит в том, чтобы при отдельных несогласиях не отвергать общую регламентацию, принятую на соборе; так, например, янсенисты указали, что положения, принятые на сессии VI, в главе XI, статье VIII, противоречат их доктрине, но одобрили общий распорядок собора. Более же последовательным способом одобрения было совокупное подтверждение решений собора его участниками. Таким образом, был принят Символ веры, провозглашенный Пием IV, и это его ознаменование заключает в себе всю работу собора в целом, и воплощено в двух смыслах: (1) не настаивать ни на чем – либо, поскольку свидетелями являются все; (2) но при этом собор единодушно отверг ложные учения и признал Символ веры и невозможность держать его в неопределенности ни во Франции, ни где-либо еще: это акт прямого действия, и его формулировка обычна для всех актов прямого действия.

Очень часто вспоминают – и я в том числе – что просвещенным людям не подобает доверять расхожему мнению, которое зачастую отягощено предрассудками. Но это не может помешать объединению, поскольку даже весь мир, объединившись, не сможет в итоге воспрепятствовать этому в силу общезначимости способов причащения. Но в любом случае для того, чтобы преодолеть все эти неясности и предрассудки, приостановить решения Тридентского собора не удастся, поскольку, во-первых, они воплощают в себе

истинный порядок отправления культа, никак не отягощенный предрассудками, и, во-вторых, они единогласно одобрены всеми епископами мира как руководство к действию.

Если же рассуждать относительно внутреннего распорядка церкви, то не надо постоянно возвращаться к тем бесспорным основаниям, которые были лишь подтверждены данным собором, и стремиться в связи с текущей ситуацией найти новые поправки к нему, которые могли бы подтвердить его священную значимость.

Перевод и предисловие *В. С. Лаврентьева*

Примечания

- ¹ *Bossuet J. B. Histoire des variations des eglises protestantes. Vol. 2. P., 1845. P. 367–598.* В недавно вышедшей книге (*Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб., 2008*) имеется глава о данной попытке воссоединения Церквей.
- ² См.: *Гегель Г.В.Ф. Христианство и Реформация // Мартин Лютер. 95 тезисов. СПб., 2002. С. 320.*
- ³ См.: *Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 9.*
- ⁴ *Preclin E., Jarore E. Les luttes politique et doctrinaires en France aux XVII et XVIII siecle. Paris, 1955. P. 186–189.*
- ⁵ Здесь Лейбниц как раз ошибается: это надгробное слово было произнесено Боссюэ (примеч. издательства).
- ⁶ Латинский оригинал этой доверенности утерян. Нам остается только поместить его французский перевод в конце тома (примеч. издателя).
- ⁷ Эти статьи находились в сборнике без заглавия «Правила...», которые Боссюэ перевел на французский язык.
- ⁸ Это сочинение, о котором уже говорилось, называется «Правила» (примеч. редактора).
- ⁹ Этот набросок под заголовком «Сугубо личное мнение» написан Моланусом.
- ¹⁰ «Представление доктрины католической церкви».
- ¹¹ *Usque ad aras* (лат.) (прим. переводчика)
- ¹² *in voto* (лат.).
- ¹³ Это был епископ, принадлежавший к партии Луи Дебоннера, выступавшей по поводу намерения папы Григория IV исключить из обсуждения возражения короля Лотаря (примеч. издателя).
- ¹⁴ Это римское изречение примерно соответствует русскому: «Применяя силу власти, старайся избегать ошибок».
- ¹⁵ См. письмо III, адресованное мадам Бриньон.
- ¹⁶ Подтверждения, что об этой «Истории» упоминается в письмах Лейбница к Боссюэ, не найдено. (Примеч. издателя).
- ¹⁷ Мы не смогли найти это письмо, на которое отвечает Лейбниц (примеч. издателя).
- ¹⁸ Имеется в виду работа Фонтенеля (прим. издателя.).

Об авторах

Баллаев Андрей Борисович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Ерохов Илья Алексеевич – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Ильина Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент факультета Мировой экономики и мировой политики (кафедра мировой политики ГУ Высшая школа экономики)

Ильинская Светлана Геннадиевна – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора истории политической философии

Кривых Лидия Викторовна – научный сотрудник сектора эволюционной эпистемологии Института философии РАН

Лаврентьев Всеволод Серафимович – преподаватель детской музыкальной школы им. А.А. Алябьева

Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН

Мысливченко Александр Григорьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН

Халтанова Светлана С. – аспирант сектора истории политической философии Института философии РАН

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН

Содержание

РОССИЯ СЕГОДНЯ

<i>Ильина Н.Б.</i>	
Идея демократии в восприятии российского общества.....	3
<i>Шевченко В.Н.</i>	
Противоречия в современном российском обществе в контексте уроков российской революции 1917 г.	23
<i>Халтанова С.С.</i>	
Роль СМИ в региональных политических процессах как важный фактор становления демократии.....	49

ИНТЕРПРЕТАЦИИ. СОЦИУМ И ВЛАСТЬ

<i>Ерохов И.А.</i>	
Кризис политической нормативности	60
<i>Баллаев А.Б.</i>	
Проблема «средних классов» в творчестве Маркса	75
<i>Мысливченко А.Г.</i>	
Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве.....	96
<i>Межуев В.М.</i>	
Э.Сепир о культуре подлинной и мнимой.....	115
<i>Кривых Л.В.</i>	
Символический мир как основа самоидентификации	130

КАФЕДРА

<i>Ильинская С.Г.</i>	
Опыт преподавания политологии: научный потенциал ИФ РАН как стратегический резерв развития политической науки.....	141

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА УЧЕНОГО

<i>Ильинская С.Г.</i>	
Четыре аргумента в пользу терпимости.....	153

ИСТОЧНИК

Переписка между Лейбницем, Боссюэ и их корреспондентами по поводу возможного объединения католической и протестантской церквей. Перевод и предисловие <i>В.С.Лаврентьева</i>	158
Об авторах.....	206

Научное издание

Политико-философский ежегодник Выпуск 2

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 11.06.09.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,00. Уч.-изд. л. 10,88. Тираж 500 экз. Заказ № 029.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор авторов

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru